

COMPARATIVE POLITICS

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ТОМ 7. №1 (22), 2016



COMPARATIVEPOLITICS.ORG

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Том 7. № 1 (22) • 2016

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28335 от 8 декабря 2009 г.

Главный редактор

А.Д. Воскресенский,
д.полит.н., д.философии
(Манчестерский университет), профессор

Заместители главного редактора

О.В. Гаман-Голутвина, д.полит.н., проф.
С.И. Лунев, д.и.н., проф.

Ответственный секретарь

Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.

Редакционная коллегия выпуска

А.Д. Воскресенский

О.В. Гаман-Голутвина

Е.В. Колдунова

Д.А. Кузнецов (редакция номера)

Ответственный секретарь онлайн версии

И.Ю. Окунев, к.полит.н., доц.

Редакционный совет

Т.А. Алексеева, д.ф.н., проф.,
заслуженный деятель науки РФ
О.Н. Барабанов, д.полит.н., проф.
В.Я. Белокреницкий, д.и.н., проф.
В.В. Гриб, д.ю.н., проф.
В.И. Журавлева, д.и.н., проф.
М.В. Ильин, д.полит.н., проф.
Е.В. Колдунова, к.полит.н., доц.
В.Г. Ледяев, д.ф.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф.
М.М. Лебедева, д.полит.н., проф.,
заслуженный работник высшей школы РФ
В.В. Михеев, д.э.н., проф.,
член-корреспондент РАН
О.В. Павленко, к.и.н., доц.
Е.В. Попов, к.ю.н., доц.
В.Д. Соловей, д.и.н., проф.
Л.В. Сморгунов, д.полит.н., проф.
М.В. Стрежнева, д.полит.н., д. философии
(Манчестерский университет), проф.
Д.В. Стрельцов, д.и.н., проф.
Т.А. Шаклеина, д.полит.н., проф.
А.Ю. Шутов, д.и.н., проф.
И.Н. Тимофеев, к.полит.н., доц.

Международный консультационный совет

Профессор *Ayşe Ditrîhs*
(Университет Анкары)
Профессор *Akihiro Iwashita*
(Университет Хоккайдо)
Профессор *Zhao Huasheng*
(Фуданьский университет)
Профессор *Klaus Segbers*
(Свободный Университет Берлина)
Профессор *Anne de Tanguy*
(Сьянс По)
Профессор *Yu-Shan Wu*
(Институт политологии, Academia Sinica)
Профессор *Alexander Zhebit*
(Федеральный университет Рио-де-Жанейро)
Профессор *Charles E. Ziegler*
(Университет Луисвилла)
Профессор *Alisher Faizullaev*
(Университет мировой экономики и
дипломатии Узбекистана)
Профессор *Li Xing*
(Пекинский педагогический университет)



Издается при поддержке



Центр подписки:

+7(495) 617-18-88 (многоканальный)

Адрес редакции:

115035, Москва, Космодамианская
наб., д. 26/55, стр. 7

Тел.: +7(495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru;

<http://www.lawinfo.ru>

Отпечатано в ООО «Богородский
полиграфический комбинат»,
142403, Московская обл., г. Ногинск,

ул. Индустриальная, д. 40б

Печать офсетная

Усл. печ. л. 19,0

Общий тираж 3000 экз.

Цена свободная

Подписано в печать 20.01.2016

ISSN – 2221 – 3279

© Воскресенский А.Д., 2016

© Сравнительная политика, 2016

© Издательская группа «Юрист», 2016

COMPARATIVE POLITICS

Volume 7. № 1 (22) • 2016

MASS MEDIA REGISTRATION CERTIFICATE PI № FS77-28335 of December 8, 2009

Editor-in-Chief

Alexei D. Voskressenski, Prof., Dr.Pol.Sc.,
PhD (University of Manchester), PhD (Institute of
Far Eastern Studies)

Dputy Editor-in-Chief

O.V. Gaman-Golutvina, Professor, Dr.Pol.Sc.
S.I. Lunev, Professor, Dr. of History

Executive Secretary

E.V. Koldunova, Cand.Pol.Sc., Associate Professor

Editorial Board of the Issue

A.D. Voskressenski

E.V. Koldunova

O.V. Gaman-Golutvina

D.A. Kuznetsov (editor of the issue)

Executive Secretary (online version)

I.Yu. Okunev, Cand.Pol.Sc., Associate Professor

Editorial Board

T.A. Alekseeva, Doctor of Philosophy, Professor,
Distinguished Researcher of Russia

O.N. Barabanov, Doctor of Political Sciences, Professor

V.Ya. Belokrenitskij, Doctor of History, Professor

V.V. Grib, Doctor of Juridical Sciences, Professor

V.I. Zhuravleva, Doctor of History, Professor

M.V. Il'in, Doctor of Political Sciences, Professor

E.V. Koldunova, Candidate of Political Sciences,
Associate Professor

V.G. Ledyayev, Doctor of Philosophy, PhD
(University of Manchester), Professor

M.M. Lebedeva, Doctor of Political Sciences, Professor,
Distinguished Lecturer of Russian Higher School

V.V. Mikheev, Doctor of Economics, Professor,
Corresponding Member of the RAS

O.V. Pavlenko, Candidate of History, Associate Professor

E.V. Popov, Candidate of Judicial Sciences,
Associate Professor

V.D. Solovej, Doctor of History, Professor

L.V. Smorgunov, Doctor of Political Sciences, Professor

M.V. Strezneva, Doctor of Political Sciences, PhD
(University of Manchester), Professor

V.V. Strel'tsov, Doctor of History, Professor

T.A. Shakleina, Doctor of Political Sciences, Professor

A.Yu. Shutov, Doctor of History, Professor

I.N. Timofeev, Candidate of Political Sciences,
Associate Professor

International Consultative Board

Professor Ayse Ditrîhs
(Ankara University)

Professor Akihiro Iwashita
(Hokkaido University)

Professor Zhao Huasheng
(Fudan University)

Professor Klaus Segbers
(Free University of Berlin)

Professor Anne de Tanguy
(Sciences Po)

Professor Yu-Shan Wu
(Institute of Political Science, Academia Sinica)

Professor Alexander Zhebit
(Federal University of Rio de Janeiro)

Professor Charles E. Ziegler
(University of Louisville)

Professor Alisher Faizullaev
(University of World Economics
and Diplomacy of Uzbekistan)

Professor Li Xing
(Beijing Normal University)



Published with support



Subscription Centre:

+7(495) 617-18-88 (multichannel)

Editorial Office Address:

Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya

Emb., Moscow, 115035

Tel.: +7(495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru;

http: www.lawinfo.ru

Printed by "Bogorodskii

Poligraficheskii Kombinat"

142403, Noginsk, Industrialnaya Str. 40b

Offset printing.

Conventional printing sheet – 19

Circulation 3000 copies.

Free-market-price

Passed for printing: 20.01.2016.

ISSN – 2221 – 3279

© Voskressenski A.D., 2016

© Comparative Politics, 2016

© Publishing Group "Yurist", 2016

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И ИНСТИТУТОВ

С.В. Новосельцев. Концепция «китайской мечты» и её практическое применение

А.А. Конкин. Теоретические аспекты исследования проблемы сотрудничества стран БРИКС

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Sharon W. Rivera. Is Russia Too Unique to Learn from Abroad? Elite Views on Foreign Borrowing and the West, 1993-2012

А.В. Лукин. Новая международная идеократия и Россия

А.Д. Воскресенский. Роль Запада в формировании международной системы и политика России

Marios P. Efthymiopoulos. Immunity from Western Policy Orientation: Revising the Relations between Greece and Russia

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

Vijay Kumar. European Energy Security amid Ukrainian Crisis

Р.С. Курмангузин. Казахстан и ЕС: от стратегии сотрудничества к новому соглашению о продвинутом партнерстве

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЗАМЕТКИ

Gilbert Doctorow. Germany's New *Ostpolitik*

Institutional Development and Capacity Enhancement. Russia's Political System between State Duma Electoral Campaigns of 2011 and 2016 / Andrey Baykov, Yan Vaslavsky, and others. – Moscow: Rethinking Russia, 2015

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

С.А. Владимиров. Уникальный опыт ОАО «Газпром» по управлению сложнейшими крупномасштабными инвестиционными проектами. Рецензия на книгу: Система управления разработкой и реализацией инвестиционных проектов и программ в корпорации и её дочерних обществах: Справочное пособие для специалистов. 2-е изд., доп. и перераб. / Под общ. ред. профессоров А.Г. Ананенкова и В.С. Резниченко. – М.: Издательство «Спутник+», 2015. – 518 с.

COMPARATIVE ANALYSIS OF CONCEPTS AND INSTITUTIONS

Sergey Novoseltsev. The "China Dream" Concept and Its Practical Implementation

Andrey Konkin. Theoretical Aspects of the Study of Problems of BRICS Countries Cooperation

COMPARATIVE POLITICS AND GEOPOLITICS

Sharon W. Rivera. Is Russia Too Unique to Learn from Abroad? Elite Views on Foreign Borrowing and the West, 1993-2012

Alexander Lukin. New International Ideocracy and Russia

Alexei D. Voskessenski. The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics

Marios P. Efthymiopoulos. Immunity from Western Policy Orientation: Revising the Relations between Greece and Russia

COMPARATIVE ANALYSIS OF LOCAL CASES

Vijay Kumar. European Energy Security amid Ukrainian Crisis

Rustem Kurmanguzhin. Kazakhstan and the EU: from Cooperation Strategy to the New Agreement on the Advanced Partnership

RESEARCHERS' NOTES

Gilbert Doctorow. Germany's New *Ostpolitik*

Institutional Development and Capacity Enhancement. Russia's Political System between State Duma Electoral Campaigns of 2011 and 2016 / Andrey Baykov, Yan Vaslavsky, and others. – Moscow: Rethinking Russia, 2015

REVIEWS

Sergey Vladimirov. The Unique Experience of *Gasprom* in Management of Large-scale Investment Projects. Book Review: The System of Development and Realization Management of Investment Projects and Programs within Corporations and its Subcompanies (in Russian). – 2nd Ed. / Ed. by A.G. Ananenkova, V.S. Reznichenko. – Moscow: Izdatel'stvo «Sputnik+», 2015. 518 p.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

А.Д. Воскресенский. Специфика политической идентичности в глобальном мире. Рецензия на книги под ред. И.С. Семененко: Глобальный мир: к новым моделям национального и глобального развития. Научная монография в 2 т. / Отв.ред. И.С. Семененко. — М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т.1. — 648 с.; Т.2. — 648 с.; Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования. Научная монография / Отв. Ред. И.С. Семененко. — М.: ИМЭМО РАН, 2014. — 218 с.; Политическая идентичность и политика идентичности в 2 т. / Отв. Ред. И.С. Семененко. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. Т.1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. — 208 с.; Т.2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI в. — 471 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

International Conference "Shifting Geopolitics & Security Among Major Powers: China, Russia & The United States"

Круглый стол «Глобальное и локальное в мировом пространстве регионов» в рамках VII Всероссийского конгресса политологов

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Серия «Российская политическая наука: истоки и перспективы» / под общей ред. О.В. Гаман-Голутвиной. — М: АСПЕКТ-ПРЕСС, 2015.

Бло И. Прямая демократия. Единственный шанс для человечества. (Серия «Демократия XXI века») — М.: Книжный мир, 2015. — 304 с.

Большой электоральный год в Польше. Аналитический доклад по итогам президентских и парламентских выборов в Республике Польша в 2015 г. / А. Мартынов, А. Крылов, Mateuz Piskorski, Justyna Jarmutowicz. — М.: Международный Институт Новейших Государств, 2015. — 96 с.

Белокренницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. — М: Институт востоковедения РАН, 2014. — 216 с.

Ефимова Л.М. Ислам в Юго-Восточной Азии: XXI век: учеб. пособие / Л.М. Ефимова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. востоковедения. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 205 с.

Информация для авторов

135 Alexei D. Voskressenski. Specifics of Political Identity in a Globalizing World. Books Review: Global World: Toward New Models of National and Global Development (in Russian) / Ed. by I.S. Semenenko. — Moscow: IMEMO RAN, 2014. Vol.1. — 648 p.; Vol.2. — 648 p.; Political Changes in the Global World: Theoretical and Methodological Problems of Analysis and Forecasting (in Russian) / Ed. by I.S. Semenenko. — Moscow: IMEMO RAN, 2014. 218 p.; Political Identity and Politics of Identity (in Russian) / Ed. by I.S. Semenenko. — Moscow: Rossiiskaia Politicheskaiia Entsiklopediia (ROSSPEN), 2011. Vol.1: Identity as a Concept of Political Science: The Terms Dictionary. 208 p.; Vol.2: Identity and Social and Political Changes. 471 p.

ACADEME

139 International Conference "Shifting Geopolitics & Security Among Major Powers: China, Russia & The United States"

140 Roundtable "The Global and the Local in Various Regional Spaces" at the VII Russian Congress of Political Scientists

ON THE BOOKSHELF

143 Books Collection "Russian Political Science: Origins and Prospects" (in Russian) / Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. — Moscow: ASPEKT-PRESS, 2015.

146 Blo I. Direct Democracy. The Only Chance for Humanity (in Russian). — Moscow: Knizhnyi Mir, 2015. 304 p.

146 Significant Electoral Year for Poland. Analytical Report on the Results of Presidential and Parliament Elections in the Country (in Russian) / A. Martynov, A. Krylov, Mateuz Piskorski, Justyna Jarmutowicz. — Moscow: Mezhdunarodnyi Institut Noveishikh Gosudarstv, 2015. 96 p.

147 Belokrenitskii V.Ia., Sikoev R.R. Taliban and Prospects of Afghanistan and Palistan (in Russian) — Moscow: Institut Vostokovedeniia RAN, 2014. 216 p.

147 Efimova L.M. Islam in South-East Asia. XXI century. (in Russian). — Moscow: MGIMO-University, 2014. 205 p.

149 Information for Authors

КОНЦЕПЦИЯ «КИТАЙСКОЙ МЕЧТЫ» И ЕЁ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

С.В. Новосельцев

В 2013 году в высшем руководстве Китайской Народной Республики произошли изменения: место Премьера Госсовета занял Ли Кэцян, а Си Цзиньпин сменил Ху Цзиньтао на посту Председателя КНР. Вскоре после этого в политический лексикон страны была официально введена концепция «китайской мечты», которая постепенно была инкорпорирована как элемент национальной идеи Китая. «Великое возрождение великого китайского народа – главная мечта китайцев, ее мы называем китайской мечтой» – так суммировал основную идею этой концепции сам глава КНР, когда он впервые публично озвучил её на столь высоком уровне во время посещения выставки «Путь к возрождению» в ноябре 2012 года, менее, чем за 4 месяца до своего избрания на пост Председателя¹. Затем эта концепция активно продвигалась по партийной линии уже после 18-го съезда КПК, а после вступления Си Цзиньпина в должность, необходимость «возрождения», «национального обновления», «индивидуального самосовершенствования», а также достижения в установленные сроки уже давно обещанного китайским гражданам «общества средней зажиточности» многократно подчеркивались в его выступлениях².

Помимо громких политических лозунгов и обещаний, «китайская мечта» одновременно выступает как в роли общей концеп-

ции, указывающей на основные приоритеты руководства Си Цзиньпина, так и включает в себя планы развития КНР на среднесрочную и долгосрочную перспективу. Одновременно с этим, данная концепция заняла ключевое место в идейно-пропагандистской работе как внутри Китая, так и за рубежом, выступая в роли объединяющего всю нацию элемента. Такая комплексность и мультизадачность, но в то же время прострannость и рыхлость «китайской мечты», дают основания рассматривать её в более широком масштабе, чем концепции, выдвинутые предшественниками Си Цзиньпина, в частности, Цзян Цзэмином и Ху Цзиньтао.

При этом стоит сделать оговорку о том, что о «китайской мечте» в КНР говорили и писали еще за несколько лет до прихода Си Цзиньпина к власти. Так, одним из первых эту концепцию озвучил один из её авторов и теоретиков – проректор Высшей партийной школы ЦК КПК Ли Цзюньжу, который продолжил её разработку и после перехода «китайской мечты» в разряд национальной идеи³. Чуть позже, в 2010 году, книгу с таким названием опубликовал профессор Пекинского университета государственной обороны полковник НОАК Лю Минфу. Его работа вызвала большой резонанс как в китайском, так и международном обществе. Тем не менее, интерпретация Лю Минфу «китайской мечты», подразумевающая рост национализма, нагнетание алармистских настроений и

¹ Си Цзиньпин. О государственном управлении / Си Цзиньпин. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. – 630 с. [Si Czin'pin. O gosudarstvennom upravlenii (On political management). – Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah, 2014, 630 p].

² Ibid.

³ 李君如：论“中国梦”与改革开放（Ли Цзюньжу：《Китайская мечта》 и политика реформ и открытости）/ Новостной портал КПК. 27.05.2013. Режим доступа: <http://theory.people.com.cn/n/2013/0527/c49150-21621483.html>.

резкое увеличение военной мощи страны, имеет мало что общего с нынешним пониманием этого термина высшим руководством КНР⁴. В 2014 году в Китае был издан и переведен на основные языки мира сборник выступлений и докладов Председателя КНР под названием «Си Цзиньпин о государственном управлении», где целый раздел посвящен осуществлению «китайской мечты»⁵. В последнее время все чаще встречаются сравнения данной книги с широко известным цитатником Мао Цзэдуна, что говорит о том, что этот сборник не только включает в себе некую программную установку дальнейшей работы китайского руководства, но и носит также пропагандистский и агитационный характер (как в масштабах Китая, так и всего мира)⁶.

Кроме того, к началу второго десятилетия XXI века постепенно стало ясно, что «эпоха Дэн Сяопина» в Китае подходит к концу, а сформулированные еще в период политики реформ и открытости принципы уже исчерпали себя. Вполне возможно, что цель «китайской мечты» в таком контексте заключается в том, чтобы скорректировать и обновить постепенно теряющие актуальность идеи и установки, заданные предыдущими поколениями руководителей, а также придать стране новый импульс развитию. Из текстов выступлений Си Цзиньпина, сделанных им в том числе и до своего официального назначения, становится понятно, что «китайская мечта», помимо всего прочего, представляет собой и некий компромисс между различными политическими кланами в т.н. «пятом поколении руководителей», которое на момент избрания нового Председателя было достаточно разобщенным по

вопросам продолжения рыночных реформ и иных трансформаций в стране.

Действительно, в социально-экономической сфере в КНР в настоящее время наблюдаются такие серьезные трудности, как значительное социальное расслоение населения страны (как между богатыми и бедными слоями населения, так и между регионами, что особенно заметно при сопоставлении востока и запада Китая), периодические всплески недовольства национальных меньшинств, ощутимые экологические и гуманитарные проблемы (перенаселение, безработица, нехватка чистой питьевой воды, серьезное загрязнение воздуха в крупных городах и т.д.), что еще больше подталкивает китайское руководство к смене экономического и внутривластного курса с целью перехода на интенсивную инновационную модель развития. В концепции «китайской мечты» эти факторы также учитываются, а одной из ее целей можно назвать недопущение раскола китайского общества.

Подходя к рассматриваемой теме с точки зрения внутренней политики КНР, важно отметить, что подобное беспрецедентно быстрое появление нового социально-политического курса может говорить о формировании новой эпохи в китайском государственном управлении, лейтмотивом которой, вероятно, станет отход от принципов коллективного управления страной и концентрация власти в руках Председателя. В такой системе государственного устройства глава государства, руководствующийся идеями «китайской мечты» (которая представляет собой лишь определенные рамки, способные вместить широкий спектр различных подходов к будущему развитию страны) играет роль своеобразного «арбитра», регулирующего деятельность правительства, которое уже и будет наполнять данную концепцию реальным содержанием. Таким образом, можно предположить, что Си Цзиньпин в настоящее время только задает, не конкретизируя, некую «генеральную линию» и главную цель развития страны, которая звучит как «великое возрождение китайского народа»⁷.

⁴ Лю Минфу. Китайская мечта / Лю. Минфу – Пекин: издательство Дружба», 2010. – 303 с. / Lju Minfu. Kitajskaja mečta (Chinese dream). Beijing: izdatel'stvo Družba», 2010, 303 p].

⁵ Си Цзиньпин. О государственном управлении / Си Цзиньпин. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. – 630 с. [Si Czin'pin. O gosudarstvennom upravlenii (On political management). – Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah, 2014, 630 p].

⁶ Osnos Evan, Born Red. How Xi Jinping, an Unremarkable Provincial Administrator, Became China's Most Authoritarian Leader since Mao // The New Yorker, 2015, №4, pp. 42-55.

⁷ Си Цзиньпин. О государственном управлении / Си Цзиньпин. – Пекин: Издательство литера-

При этом такая широкая формулировка оставляет возможности для интеграции в нее разнообразных взглядов и идей, не отходя при этом от заданного направления развития. Это необходимо для того, чтобы не допустить открытых конфликтов внутри правящей элиты, мнения представителей которой касательно будущего развития Китая разнятся (достаточно вспомнить идеи арестованного в 2012 году партийного и политического деятеля Бо Силая о необходимости возрождения более жесткого партийного и государственного контроля за экономикой и другими сферами), консолидировать власть, не допустить раскола в обществе и попытаться использовать лучшие элементы от всех подходов⁸.

В сфере внешней политики и международных отношений Китай также стал играть более заметную роль, принимая большее участие в решении международных проблем, правда, преимущественно экономических, и призывая к установлению нового, более справедливого мирового порядка⁹. Что касается серьезных политических проблем и кризисных ситуаций, а также территориальных конфликтов, Китай предпочитает занимать позицию нейтралитета и невмешательства при оппозиции доминированию Западу и унилатеризму США, хотя с его мнением в международном сообществе считаются, и каждая из соперничающих сторон, особенно в региональных конфликтах, пытается заручиться его поддержкой¹⁰. КНР – это крупная

развивающаяся экономика и растущая политическая сила, поэтому придание своей стране большего веса в мировой политике и мировой экономике является частью стратегии Китая, тесно связанной с концепцией «китайской мечты». Тем не менее, говорить о смене глобального лидера в среднесрочной перспективе пока преждевременно, а разного рода прогнозы о том, что уже к 2024 году китайская экономика превзойдет американскую и по объему ВВП по номинальному курсу, даже в случае того, что они сбудутся (вероятность чего невелика), в любом случае не дают оснований для выводов о возникновении каких-либо существенных изменений в китайской, американской или мировой экономике и имеют лишь идеологический и пропагандистский эффект¹¹. По оценкам экономистов, высокие темпы роста китайской экономики даже в годы кризиса связаны прежде всего с необходимостью избежать стагнации. Согласно расчетам, если темпы экономического роста КНР упадут в текущем году ниже 6–6,5% (причем уровень 6,5% был официально установлен в Китае в качестве минимального на 13-ю пятилетку), население сразу же начнет ощущать значительные трудности, так как в таком случае в стране нельзя будет трудоустроить молодое поколение без увольнения уже работающих людей¹². Другими проблемами китайской экономики остаются достаточно высокие темпы инфляции (по оценкам, в среднем, 3–4%, хотя официальная цифра меньше – 2% в 2014 г., 3% запланировано

туры на иностранных языках, 2014. – 630 с. [Si Czin'pin. O gosudarstvennom upravlenii (On political management). – Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh jazykah, 2014, 630 p.].

⁸ Echoes of Bo Xilai. Complicate Xi's Plan to Boost China Party // *Bloomberg News*, August 21, 2013. Mode of Access: <http://www.bloomberg.com/news/2013-08-20/echoes-of-bo-xilai-in-xi-s-china-complicate-bid-to-boost-party.html>.

⁹ Shambaugh David. China Goes Global: the Partial Power / David Shambaugh. – Oxford: Oxford University Press, 2013, 409 p.

¹⁰ Shambaugh David. China Goes Global: the Partial Power / David Shambaugh. – Oxford: Oxford University Press, 2013, 409 p; Пекин не вмешивается в спор Москвы и Вашингтона // «Независимая газета». 17.03.2014. Режим доступа: http://www.ng.ru/courier/2014-03-17/9_china.html. [// *Nezavisimaja gazeta*, March 17, 2014.

Mode of access: http://www.ng.ru/courier/2014-03-17/9_china.html].

¹¹ China to Become World's Largest Economy in 2014 / IHS Inc. Mode of Access: <http://press.ihs.com/press-release/economics-country-risk/china-become-worlds-largest-economy-2024-reports-ihs-economics>.

¹² China's Galloping Economy: Prospects, Problems and Implications for the United States / Woodrow Wilson Asia Program Special Report. Mode of access: <http://www.wilsoncenter.org/publication/chinas-galloping-economy-prospects-problems-and-implications-for-the-united-states>; China Must Guarantee Minimum 6,5 Percent Annual GDP Growth Rate in 5 Years Plan: State Media // *Reuters*, February 15, 2015. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/2015/02/16/us-china-economics-gdp-idUSKBN0LK06820150216>.

на 2015 г.), наличие множества краткосрочных кредитов, нуждающихся в постоянной реструктуризации, искусственное сдерживание укрепления национальной валюты, что в свою очередь ставит вопрос о необходимости ревальвации юаня и сокращение в следствие этого экспорта¹³. Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод о том, что стремление Китая к расширению сферы своего влияния обусловлено не только его геополитическими амбициями, но и желанием разрешить внутренние трудности в том числе с помощью внешнеполитических и внешнеэкономических методов.

О том, что концепция «китайской мечты» имеет в том числе и внешнеполитическое наполнение, говорит и тот факт, что она «породила» еще целую серию «мечтаний», таких как «Арктическая мечта», «Азиатская мечта» или «Азиатско-Тихоокеанская мечта», активно продвигаемых китайской дипломатией¹⁴.

Одним из наиболее серьезных вызовов для китайского руководства по-прежнему остается тесно связанная с конкурентоспособностью страны проблема модернизации экономики. Китайская модель экономического развития, базирующаяся на принципах т.н. «Пекинского консенсуса», все эти годы росла преимущественно благодаря своей экспортной ориентации, трудоемким производствам и значительным инвестициям на фоне достаточно сильно заниженного

курса юаня, то есть по большей части экстенсивными методами. Несмотря на то что, КНР в последние годы уделяет все большее внимание НИОКР и высокотехнологичным отраслям экономики, таким как ВПК и космическая отрасль, руководству страны пока не удастся создать постиндустриальную, движимую наукоемкими производствами и инновациями (innovation-driven) экономику.

Добившись за годы реформ и открытости больших успехов, Пекин в целом смог обеспечить приемлемые условия жизни и социального обеспечения для большинства китайских граждан, однако, как и многие другие развивающиеся страны, не сумел избежать «ловушки среднего дохода» (middle income trap)¹⁵. Другими словами, применяемая модель экономического развития «забуксовала», перестала обеспечивать прежние темпы роста и соответствующее увеличение доходов населения.

Кроме того, как отмечает Вин Те У, Китай, так же, как и целая группа других динамично развивающихся стран (Индия, Индонезия, Бразилия и др.), рискует надолго остаться в категории стран со средним уровнем дохода, так и не достигнув уровня жизни развитых государств. Тем более, истории известны подобные случаи: в частности, так произошло в Аргентине, которая в начале XX в. также развивалась опережающими темпами¹⁶.

Он выделяет 3 группы вероятных «сбоев» в экономической системе (economic failures) в случае её дальнейшего функционирования без существенных изменений. Первая группа, обозначенная как «отказ самой экономической системы» (hardware failure), включает в себя банковский кризис, который в свою очередь приводит к недоступности кредитов для промышленности, и бюджетный кризис, который означает пре-

¹³ «Большая Двадцатка в числах». Экономические показатели стран-участниц G20 / РИА-новости. 13 ноября 2014. Режим доступа: <http://ria.ru/infografika/20141113/1033097395.html>; 李克强2014年政府工作报告 (全文) (Доклад Ли Кэцзяна о работе правительства в 2014 г. (полный текст)) // Чжунго ван. – Режим доступа: http://www.china.org.cn/chinese/2014-03/17/content_31806665.htm.

¹⁴ 中国“北极梦”路指何方? (В каком направлении развивается «арктическая мечта» Китая?) / CNpolitics.org. 20 декабря, 2012. Режим доступа: <http://cnpolitics.org/2012/12/china-strategy-arctic-pole/>; 中国梦、亚洲梦之后, 习近平为何又提出“亚太梦” (После «Китайской» и «Азиатской мечты» Си Цзиньпин выдвинул идею об «Азиатско-Тихоокеанской мечте») // Чжунго ван. 10 ноября, 2014. Режим доступа: http://news.china.com.cn/2014-11/10/content_34014123.htm.

¹⁵ Peerenboom R. China and the Middle-income Trap: Toward a Post-Washington, Post-Beijing Consensus // The Pacific Review, 2014, Vol.27, №5, pp. 651-673.

¹⁶ A New Economic Growth Engine for China. Escaping the Middle-Income Trap by not Doing More of the Same / [Wing Thyee Woo and others]; Editors Wing Thyee Woo, Ming Lu, Jeffery D. Sachs, Zhao Chen. – London: Imperial College Press, 2012, 294 p.

крашение финансирования важных инфраструктурных проектов и социальных выплат. В эту же группу входят и возможный в таком случае неконтролируемый рост темпов инфляции, а также трудности с платежным балансом во внешней торговле¹⁷.

Вторая группа рисков, обозначенная как «программные сбои» (software failure), связана прежде всего с провалами в государственном управлении, коррупцией, падением уровня жизни населения и разочарованием граждан страны в правительстве, не оправдывающим их ожиданий. Как полагает Вин Те У, в таком случае возможно начало массовых беспорядков и акций протеста, несовместимых с дальнейшим экономическим ростом¹⁸.

Наконец, третья группа рисков, обозначенная как «сбои в поставках энергоносителей» (power supply failures), делает акцент на высокой скорости роста потребления энергоресурсов китайской экономикой и зависимости страны от их внешних поставок. В случае, если Китай не сможет перейти на энергосберегающие производства или альтернативные возобновляемые источники энергии со временем страна либо столкнется с серьезными экологическими проблемами, либо начнет производить неконкурентную на мировых рынках продукцию ввиду слишком дорогих цен на энергоресурсы¹⁹.

В любом случае, это говорит о наличии значительных недостатков в существующей экономической модели КНР и необходимости её реформирования.

Безусловно, руководство Китая осознает необходимость осуществления экономических реформ в сторону дальнейшей структурной перестройки экономики и перехода на интенсивный путь развития. Однако в начале второго десятилетия XXI века в китайской элите сложились различные мнения касательно вариантов нормализации экономической ситуации и обеспечения дальнейшего роста. Часть политической элиты во главе с бывшим министром торговли, а затем секретарем парткома г. Чунцин Бо Си-лаем выступала за мобилизационный спо-

соб развития в стиле политики, проводимой Мао Цзэдуном, однако она не смогла выстоять против сторонников преемственности курса на дальнейшее углубление рыночной трансформации страны на основе «реформ и открытости»²⁰.

Новое поколение китайских руководителей во главе с Председателем Си Цзиньпином во втором десятилетии XXI века приступило к решительным действиям по поиску путей выхода из данной «ловушки». Полностью осознав необходимость создания собственного инновационного потенциала, Китай взял курс на построение экономики знаний, включив эту задачу в концепцию своего развития. О приоритетности инновационного развития ярко говорит тот факт, что в годы последнего мирового финансового кризиса Пекин не только не сократил расходы на НИОКР, как это было в большинстве стран, а даже увеличил их на 40%²¹. Кроме того, одной из важнейших задач современного Китая является наращивание инвестиций в собственный человеческий капитал, то есть подготовка высококвалифицированный кадров, способных генерировать инновационные идеи и предлагать новые способы организации труда. Пока же, согласно данным ООН, индекс человеческого развития КНР составляет всего 0,719 (91 место в мире), хотя по сравнению с показателями прошлых лет наблюдается положительная динамика²².

С 1990 г. начал действовать государственный план приоритетного внедрения научно-технических инноваций в производство, по которому главным кредитором и инвестором в НИОКР становится част-

²⁰ Практика зарубежного регионоведения и мировой политики: учебник / под ред. проф. А.Д.Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. – 560 с. [Praktika zarubeznogo regionovedenija i mirovoj politiki: uchebnik (World regional studies and world politics) / pod red. prof. A.D.Voskresenskogo. – Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014, 560 p].

²¹ Кризис сократил расходы на НИОКР по всему миру, кроме Китая и Индии (Crisis cuts R&D spending all over the world except China and India). Режим доступа: <http://abercade.ru/research/industrynews/5282.html>.

²² Human Development Report 2014 / UNDP. Mode of access: <http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2014>.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

ный капитал, благодаря чему уже через несколько лет Китай может стать одной из ведущих IT-держав²³. 60% всех расходов на НИОКР уже приходится на частный бизнес, поступательно растет число патентных заявок, увеличившееся с 1995 года более чем в 10 раз и продолжающее рост в геометрической прогрессии²⁴. По данным Всемирной Организации интеллектуальной собственности, в 2013 г. в Китае было принято 825136 патентных заявок, что составляет 32,1% от их общего числа в мире и на 9,8% больше числа патентов, зарегистрированных в тот же период в США²⁵. К концу 2015 г. правительством страны поставлена амбициозная задача увеличить число одобренных патентов до 2 миллионов, что в случае успеха может придать импульс инновационному развитию экономики страны²⁶. Как заявил бывший министр науки и технологий КНР Сюй Гуаньхуа, к 2020 г. (как раз на этот год в программе «китайской мечты» назначено достижение «общества средней зажиточности») Китай войдет в число государств с инновационной экономикой, таких как США, Япония и Республика Корея²⁷. Для этих целей еще в 2006 г. были приняты «основы государственного плана среднесрочного и долгосрочного развития науки и техники на 2006–2020 гг.», предусматривающие увеличение расходов на НИОКР не менее 2,5% ВВП, увеличение доли научно-технического прогресса в экономи-

ческом росте до более 60%, уменьшение степени зависимости страны от экспорта зарубежных технологий до 30% и вхождение Китая в пятерку ведущих стран мира по числу зарегистрированных патентов и индексу цитирования в научных публикациях²⁸. В 2013 г. Китай потратил на НИОКР 1,7% своего ВВП, причем эта цифра постоянно растет²⁹. Для сравнения показатели Великобритании за тот же период составили 1,76%³⁰. Как заявил Премьер Госсовета Ли Кэцян в докладе о работе правительства за 2014 г., на НИОКР за этот период было потрачено уже 2% ВВП³¹.

В том же 2006 г. в КНР был принят средне- и долгосрочный национальный план развития науки и техники (2006–2020 гг.), обязавший провинциальные правительственные учреждения закупать только ту продукцию, которая внесена в специальный каталог, включивший в основном тех производителей, которые были определены как разработчики отечественных инноваций. Фактически с введением данного плана доступ к госзакупкам получили только те компании, которые используют отечественные научные достижения и инновационные разработки, что должно было еще больше стимулировать бизнес вкладываться в НИОКР наравне с государством. Как показала практика, план оказался достаточно эффективным. К примеру, из 523 продуктов, перечисленных в специализированном каталоге Шанхая (он касается шести позиций: компьютеры

²³ Кудров В.М. Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития. – М.: Юстицинформ, 2011. – 616 с. [Kudrov V.M. Mezhdunarodnye jekonomicheskie sopostavlenija i problemy innovacionnogo razvitija (International economic comparisons and the problems of innovations). – Moscow: Justicinform, 2011, 616 p.].

²⁴ Ibid.

²⁵ World Intellectual Property Indicators 2014 / WIPO. 2014. Mode of access: <http://www.wipo.int/ipstats/ru/wipi/>.

²⁶ Chow Gregory. China as a Leader of the World Economy. – Singapore: World Scientific Publishing Co Pte Ltd, 2012, 223 p.

²⁷ К 2020 году Китай войдет в число государств инновационного типа (By 2020 China will transform into an innovative society) / Агентство Синьхуа. 13 марта 2006. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31517/4191509.html>.

²⁸ Кудров В.М. Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития. – М.: Юстицинформ, 2011. – 616 с. [Kudrov V.M. Mezhdunarodnye jekonomicheskie sopostavlenija i problemy innovacionnogo razvitija (International economic comparisons and the problems of innovations). – Moscow: Justicinform, 2011, 616 p.].

²⁹ Рейтинг стран мира по уровню расхода на НИОКР 2013 (R&D spending rating) // официальный сайт ЮНЕСКО (UNESCO). Режим доступа: <http://www.uis.unesco.org/>.

³⁰ Ibid.

³¹ 李克强2014年政府工作报告 (全文) (Доклад Ли Кэцяна о работе правительства в 2014 г. (полный текст)) / Чжунго ван. Режим доступа: http://www.china.org.cn/chinese/2014-03/17/content_31806665.html.

и компьютерная техника, телекоммуникационные продукты, современное офисное оборудование, программное обеспечение, оборудование для возобновляемых источников энергии и энергосберегающие товары), только 2 производятся иностранными фирмами при том, что эти компании являются совместными предприятиями (СП) с преобладанием китайского капитала³².

С приходом к власти Си Цзиньпина Китай стал еще более активно позиционировать себя как государство, поощряющее науку и инновации. Все большее внимание в Пекине стали уделять подготовке собственных высококвалифицированных специалистов и научных кадров. В 2013 г. расходы на образование в Китае составили 3,7% ВВП, в планах довести их до 4%³³. Много было сделано для совершенствования системы высшего образования в самой КНР – на сегодняшний день такие ВУЗы, как Университет Цинхуа в Пекине или Фуданьский Университет в Шанхае признаны в международных рейтингах как школы мирового уровня³⁴. Помимо этого, правительство всячески мотивирует молодых ученых (преимущественно выпускников ведущих американских и европейских вузов), создавая им достойные условия труда

и предлагая достаточно высокие зарплаты³⁵. К тому же, активная пропаганда «великого возрождения китайской нации» придает дополнительные идеологические стимулы для китайских студентов. Выступая на торжественном собрании, посвященном столетию Ассоциации китайских специалистов, вернувшихся с Запада (а само по себе наличие подобной ассоциации уже говорит о значимости для Китая задачи предотвращения т.н. «утечки мозгов» за границу), Председатель КНР заявил о важности использования передовых знаний, полученных китайскими студентами за рубежом, на благо КНР³⁶. Практика показала, что целенаправленная политика по развитию науки дает свои плоды. За последние годы Китай существенно продвинулся в сфере подготовки научно-исследовательских кадров, хотя он все же по-прежнему отстаёт от мировых лидеров в области науки и технологий, в том числе и от России.

От того, сумеет ли Китай вырваться за счет развития науки и технологий из ставшей непреодолимой для множества стран «ловушки среднего дохода», во многом зависит успех амбициозной цели Си Цзиньпина к 100-летию юбилею партии (то есть к 2021 году) полностью создать «общество среднего достатка» (идея, выдвинутая еще Дэн Сяопином в 1979 г.), а к столетию КНР (то есть, к 2049 году) превратить страну в «мощное, процветающее, демократичное, гармоничное социалистическое государство»³⁷.

³² Кирсанова И.А., Чжан Тяньтянь. Проблемы доступа на рынок государственных закупок в Китае / Белорусский государственный университет. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/15695> [Kirsanova I.A., Chzhan Tjan'tjan'. Problemy dostupa na rynek gosudarstvennyh zakupok v Kitae (The problem of access to the public purchase market of China) // Belorusskij gosudarstvennyj universitet. Mode of access: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/15695>].

³³ A New Economic Growth Engine for China. Escaping the Middle-Income Trap by not Doing More of the Same / Wing Thyee Woo and others; Editors Wing Thyee Woo, Ming Lu, Jeffery D. Sachs, Zhao Chen. – London: Imperial College Press, 2012, 294 p.

³⁴ Практика зарубежного регионоведения и мировой политики: учебник / под ред. проф. А.Д.Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. – 560 с. [Praktika zarubezhnogo regionovedeniya i mirovoj politiki: uchebnik (World regional studies and world politics) / pod red. prof. A.D.Voskresenskogo. – Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014, 560 p].

³⁵ Киреев А.А. Социально-экономическое развитие КНР // Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология. – М.: КРАСАНД, 2013. – С. 5–43. [Kireev A.A. Social'no-jekonomicheskoe razvitie KNR (Social and economic development of China) // Sovremennyy Kitaj: Social'no-jekonomicheskoe razvitie, nacional'naja politika, jetnopsihologija. – Moscow: KRASAND, 2013, pp. 5–43].

³⁶ Си Цзиньпин. О государственном управлении / Си Цзиньпин. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. – 630 с. [Si Czin'pin. O gosudarstvennom upravlenii (On public management) / Si Czin'pin. – Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah, 2014, 630 p].

³⁷ 习近平在莫斯科国际关系学院的演讲 (Текст выступления Си Цзиньпина в МГИМО) / Сеть «Чжунго ван». 24.03.2013. Режим досту-

Таким образом, можно отметить, что в Китае происходит постепенный отход от чисто количественных показателей развития, что имело место раньше. Упор все больше делается на качественные характеристики этого развития прежде всего повышение уровня жизни населения, что говорит об изменениях в самоидентификации Китая на мировой арене³⁸. При таком подходе просто развитие уже перестает быть самоцелью, что имело место в начале политики реформ и открытости. Экономический рост, таким образом, превращается в «средство для всестороннего развития населения страны»³⁹. Об этом было сказано на 17-м съезде КПК в октябре 2007 года, где была принята общая концепция развития страны на период до 2020 года⁴⁰. Подтвердил курс на иннова-

ционное развитие и 18-й съезд Компартии в ноябре 2015 года⁴¹.

Еще одной из важнейших трансформаций экономической системы КНР стала также запущенная пятым поколением руководителей в рамках новой генеральной линии земельная реформа. Аграрный вопрос всегда стоял в Китае крайне остро, т.к. де факто даже после революции крестьяне так и не получили обещанную землю — она принадлежит государству и находится у них лишь в долгосрочной аренде.

С целью улучшить положение крестьянства в провинции Аньхой и г. Шэньчжэнь по решению 3-го пленума ЦК КПК 18-го созыва проводятся эксперименты по введению механизма отчуждения и сдачи в аренду частным лицам коллективных земель, предназначенных под застройку⁴². В случае признания эксперимента удачным, его планируется распространить на всю страну.

Кроме того, как было обозначено в Документе №1 ЦК КПК и Госсовета КНР, важным направлением земельной реформы является правильное оформление всех документов населения на землю и недвижимое имущество⁴³. По имеющимся данным, лишь чуть более 35% крестьян имеют правильно оформленные контракты и сертификаты на пользование землей⁴⁴. А это, в свою очередь,

па: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0324/c1024-20892661.html>; 和谐世界 (Гармоничный мир) на кит.яз. / «Синьхуа». 24.08.2006. — Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2006-08/24/content_5000866.htm; 邓小平提出的“小康社会”是什么含义? (В чем смысл выдвинутой Дэн Сяопином идеи «общества среднего достатка»?) // Новости Коммунистической партии Китая. Режим доступа: <http://cpc.people.com.cn/GB/64156/64157/4418455.html>.

³⁸ Пекин и Москва крепят антизападную ось? / BBC. 13.03.2013 — Режим доступа: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2013/03/130319_china_russia_rapprochement.shtml. [Pekin i Moskva krepjat antizapadnuju os'? (Moscow and Beijing are cementing anti-Western axis) // BBC. March 13, 2013. Mode of access: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2013/03/130319_china_russia_rapprochement.shtml].

³⁹ Китай в XXI веке: шансы, вызовы и перспективы. В 2 ч. : тезисы докладов XI Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность и перспективы» (Москва, 27–29 сент. 2000 г.). Ч. 1 Ин-т Дальнего Востока РАН. — М., 2000. — 218 с. [Kitaj v XXI veke: shansy, vyzovy i perspektivy (China in the XXI century: opportunities, challenges, prospects). V 2 ch. : tezisy dokladov XI Mezhdunar. nauch. konf. «Kitaj, kitajskaja civilizacija i mir. Istorija, sovremennost' i perspektivy» (Moscow, 27-29 Sept. 2000). Ch. 1 In-t Dal'nego Vostoka RAN. — Moscow, 2000, 218 s].

⁴⁰ Современный Китай: право, политика, общественная жизнь: информ. материалы / Ин-т Дальнего Востока РАН. — М., 2000. — 130 с. [Sovremennyj Kitaj: pravo, politika,

obshhestvennaja zhizn': inform. materialy (Modern China: law, politics, society) / In-t Dal'nego Vostoka RAN. — Moscow, 2000, 130 p.].

⁴¹ Си Цзиньпин. О государственном управлении / Си Цзиньпин. — Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. — 630 с. [Si Czin'pin. O gosudarstvennom upravlenii (On public management) / Si Czin'pin. — Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah, 2014, 630 p.].

⁴² Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. — М.: ИД «ФОРУМ», 2014. — 480 с. [Kitajskaja Narodnaja Respublika: politika, jekonomika, kul'tura. (The People's Republic of China: politics, economics, culture) K 65-letiju KNR. — Moscow: ID «FORUM», 2014. — 480 s].

⁴³ 2013年中央一号文件 (документ №1 ЦК КПК) / Официальный сайт КПК. 1 февраля 2012. Режим доступа: <http://theory.people.com.cn/n/2013/0201/c40531-20398374.html>.

⁴⁴ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. — М.: ИД «ФОРУМ», 2014. — 480 с. [Kitajskaja

тормозит процессы кредитования сельского населения под залог земли или жилья.

Немалое значение для нынешней модели экономического развития страны имеет и неоднозначная валютная политика Китая. Центральный Банк КНР, который в отличие от большинства ЦБ в мире напрямую подчинен правительству страны, на протяжении многих лет поддерживал заниженный курс национальной валюты, тем самым создавая дополнительные преимущества для экспортируемых товаров. При этом с 1994 по 2005 гг. юань был привязан к доллару (т.н. фиксированный валютный курс), а с 2005 г. по настоящее время валютный режим в Китае официально относится к категории «прочие режимы с возможностью корректировки курса» (crawl-like arrangement), хотя, как отмечает МВФ, привязка к доллару все равно де-факто остается, что вновь подтверждает чрезмерную экспортоориентированность китайского рынка⁴⁵. Тем не менее, после финансового кризиса 2008–2009 гг. Пекин последовательно проводит политику постепенной ревальвации национальной валюты с целью ослабить зависимость от внешнеторговой конъюнктуры⁴⁶. При этом важно отметить, что на этом направлении руководство страны не смогло достичь больших успехов: в 2015 году юань был, наоборот, девальвирован, а к августу курс национальной валюты КНР дважды опустился – сначала на 1,8%, а потом на 1,6%, показав рекордное падение за последние два десятилетия⁴⁷.

Narodnaja Respublika: politika, jekonomika, kul'tura. (The People's Republic of China: politics, economics, culture) K 65-letiju KNR. – Moscow: ID «FORUM», 2014. – 480 s].

⁴⁵ IMF Annual report 2013 / IMF Official website. 23.04.2014. Mode of Access: www.imf.com.

⁴⁶ Киреев А.А. Социально-экономическое развитие КНР // Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология. – М.: КРАСАНД, 2013. – С. 5-43. [Kireev A.A. Social'no-jekonomicheskoe razvitie KNR (Social and economic development of China) // Sovremennyyj Kitaj: Social'no-jekonomicheskoe razvitie, nacional'naja politika, jetnopsihologija. – Moscow: KRASAND, 2013, pp. 5-43].

⁴⁷ ЦБ Китая провел самую масштабную за 20 лет девальвацию юаня // Интерфакс. Режим доступа: <http://www.interfax.ru/business/459351>.

Тем не менее, в китайском руководстве все еще актуальна возникшая на фоне серьезного профицита КНР в товарообороте с основными партнерами и укрепления позиций юаня в мире идея превратить его в региональную резервную валюту как минимум в ареале «Большого Китая». К намеченной цели КНР идет твердо и последовательно. Так, в рамках реализации первого этапа данной стратегии Пекин в начале 2000-х годов достиг договоренности с соседями о возможности торговых расчетов в национальных валютах⁴⁸. Секретарь Гонконга по финансовым услугам и глава казначейства Чэнь Цзяцян назвал этот шаг «одной из важнейших реформ в финансовом секторе КНР за последние годы»⁴⁹. Для компаний, экспортирующих товары и услуги из КНР, это позволяет не только привлечь новые инвестиции, но и снизить издержки на конвертацию и страхование валютных рисков. По оценкам, расчеты в юанях, а не в долларах приводят к удешевлению поставок до 4%. Тем не менее, на российском направлении востребованность юаня оказалась пока не столь значительной: в 2013 г. объем торговли за рубли между РФ и КНР составил около 16 млрд руб., тогда как за юани – почти в 200 раз меньше (общий объем товарооборота в 2014 г. – около \$95 млрд)⁵⁰. Однако даже

[TsB Kitaia provel samuii masshtabnuii za 20 let deval'vatsiiu iuania (Central Bank of China: the large-scale devaluation of yuan over 20 years) // *Interfaks*. Mode of access: <http://www.interfax.ru/business/459351>].

⁴⁸ Китай готовит юань к роли мировой резервной валюты // Коммерсант. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1544522>. [Kitaj gotovit iuan' k roli mirovoi rezervnoi valiuty (China tries to make Yuan the world reserve currency) // *Kommersant*. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/doc/1544522>].

⁴⁹ Для Китая и юаня все, что происходит в этом году, – очень большая история // Коммерсант. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1544397>. [Dlja Kitaja i juanja vse, chto proishodit v jetom godu, - ochen' bol'shaja istorija (Everything that happened this year is a great impetus for China and Yuan) // *Kommersant*. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/doc/1544397>].

⁵⁰ Данные Портала внешнеэкономической информации Министерства экономического развития Российской Федерации (Foreign Trade

такой результат власти КНР восприняли позитивно; более того, Пекин даже взял курс на расширение расчетов с Россией в национальной валюте. В странах же, где традиционно сильно китайское влияние, таких как Монголия и КНДР, юань неофициально принимается как платежное средство наряду с национальными валютами⁵¹. Кроме того, Пекином активно разрабатываются различные проекты «юаневой валютной зоны» как одно из направлений структурирования экономического пространства в пределах «Большого Китая»⁵².

При этом стоит отметить, что превращению юаня в мировую валюту по-прежнему препятствует ряд факторов, прежде всего, состояние финансовой сферы страны и финансовая обеспеченность китайского рынка. Кроме того, в отличие от доллара США, эмитентом которого является ФРС – по сути независимая от правительства частная организация (вследствие чего на формирование курса доллара влияют исключительно рыночные механизмы), юань выпускается Народным банком Китая, официально входящим в состав Правительства КНР. Это делает возможным завышение или занижение юаня по политическим мотивам, что не прибавляет привлекательности юаню как резервной валюте или валюте для привязки других валют.

Кроме того, согласно данным доклада МВФ по мировой финансовой стабильности, несмотря на высокий коэффициент монетизации, то есть отношения денежной

массы к ВВП (от 150% до 200% по разным оценкам), и ежегодный рост денежной массы (агрегат M2) на 25–30%, в Китае все же недостаточно свободных средств для их поступления за границу в качестве резервной валюты наравне с долларом, опирающимся на самый развитый и масштабный финансовый сектор в мире⁵³.

Еще одной серьезной проблемой финансовой системы КНР является «чрезмерная забюрократизированность» кредитной сферы, что сильно снижает ее эффективность⁵⁴.

Для решения многих из вышеупомянутых проблем в рамках реализации концепции «китайской мечты» в КНР была проведена полномасштабная финансовая реформа, важнейшими аспектами которой стали «маркетингизация» банковской системы, либерализация процентной ставки и интернационализация юаня⁵⁵. Кроме того, в апреле 2015 г. власти КНР приняли решение снизить минимальный уровень банковских резервов для того чтобы высвободить дополнительные сред-

⁵³ Global Financial Stability Report 2014 / IMF. October 2014. – Mode of Access: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/gfsr/2014/02/pdf/text.pdf>; Киреев А.А. Социально-экономическое развитие КНР // Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология. – М.: КРАСАНД, 2013. – С. 5–43. [Kireev A.A. Social'no-jekonomicheskoe razvitie KNR (Social and economic development of China) // Sovremennyj Kitaj: Social'no-jekonomicheskoe razvitie, nacional'naja politika, jetnopsihologija. – Moscow: KRASAND, 2013, pp. 5–43]; Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. – М.: ИД «ФОРУМ», 2014. – 480 с. [Kitajskaja Narodnaja Respublika: politika, jekonomika, kul'tura. (The People's Republic of China: politics, economics, culture) K 65-letiju KNR. – M.: ID «FORUM», 2014. – 480 s.]; Chow Gregory. China as a Leader of the World Economy. – Singapore: World Scientific Publishing Co Pte Ltd, 2012, 223 p.

⁵⁴ Schuman M. Will One Economic Model Prevail? // Time, 2011, Vol.178, №20, pp. 42–45

⁵⁵ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. – М.: ИД «ФОРУМ», 2014. – 480 с. [Kitajskaja Narodnaja Respublika: politika, jekonomika, kul'tura. (The People's Republic of China: politics, economics, culture) K 65-letiju KNR. – Moscow: ID «FORUM», 2014. – 480 s.]

Info of the Ministry of economic development of Russia) / Официальный сайт МЭР России. Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/cn_ru_relations/cn_ru_trade/.

⁵¹ Китай готовит юань к роли мировой резервной валюты // Коммерсант. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1544522>. [Kitaj gotovit iuan' k roli mirovoi rezervnoi valiuty (China tries to make Yuan the world reserve currency) // Kommersant. Mode of access: <http://www.kommersant.ru/doc/1544522>].

⁵² Практика зарубежного регионоведения и мировой политики: учебник / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2014. – 560 с. [Praktika zarubezhnogo regionovedenija i mirovoj politiki: uchebnik (World regional studies and world politics) / pod red. prof. A.D.Voskresenskogo. – Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014, 560 p].

ства, которые могли бы быть инвестированы в экономику страны⁵⁶. Вероятно, что реформы могут коснуться и иностранных банков, работающих в Китае, доля которых в общих банковских активах остается крайне низкой (около 2%), что тормозит переход финансового сектора страны к полностью рыночному способу функционирования⁵⁷.

При этом, несмотря на достигнутые за последние десятилетия безусловные успехи, Китай столкнулся с целым рядом проблем и вызовов не только в валютно-финансовой, но и в социально-экономической сфере, что в условиях самого большого в мире населения представляет даже большую угрозу, чем возможная нестабильность на финансовых рынках.

Американский исследователь Ч. Вульф выделяет восемь проблем, которые могут в перспективе стать серьезными препятствиями для успешного развития китайской экономики в ближайшем десятилетии. Это:

1. Безработица, бедность и достаточно частые социальные волнения;
2. Негативный эффект коррупции;
3. Распространение ВИЧ и СПИД, а также эпидемии ввиду слабой системы здравоохранения;
4. Нехватка питьевой воды и загрязнение окружающей среды;
5. Быстрый рост потребления энергоресурсов и цен на них;
6. Хрупкость финансовой системы и несостоятельность государственных предприятий;
7. Вероятное уменьшение потока прямых иностранных инвестиций;
8. Возможный конфликт с Тайванем или в Южно-Китайском море⁵⁸.

⁵⁶ China Joins the Monetary Party // Chicago Council on Foreign Affairs. April 21, 2015. Mode of access: <http://www.thechicagocouncil.org/blog-entry/china-joins-monetary-party>.

⁵⁷ Байчоров А.М. Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке. – М.: Междунар. отношения, 2013. – 192 с. [Baichorov A.M. Kitaizatsiia: posledstviia rosta moshchi Kitaia dlia mira v XXI veke (Chinaization: the consequences of China's rise for the world in the XXI century). – Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 2013, 192 p].

⁵⁸ China's Economy: Will the Bubble Burst / Woodrow Wilson Center Asia Program. – Mode

of access: <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/Chinese%20economy.pdf>.

По мнению Ч. Вульфа, каждый из этих пунктов может снизить темпы роста ВВП на 0,3–2,2%⁵⁹.
Пожалуй, наиболее серьезной из вышеперечисленных проблем китайской экономики является коррупция. Стимулируемая традиционно сложившейся в стране системой взаимоотношений на основе «гуаньси» (то есть связей) и огромной властью партийцев и чиновников, она оказывает ощутимый эффект на экономику Китая. По разным оценкам, экономические потери от коррупции ежегодно составляют до нескольких миллиардов долларов⁶⁰.

Возможности для снижения остроты данной проблемы во многом открыл Пекинский саммит АТЭС в ноябре 2014 года, по результатам которого по коррупции был нанесен серьезный удар. Во-первых, были подписаны договоры с Австралией и США (где проживает большинство беглых китайских коррупционеров) о выдаче так называемых «беглых чиновников» и вывезенных ими активов⁶¹. Кроме того, после саммита в самом Китае стартовала масштабная кампания наказания «не только мух, но и тигров», то есть чиновников любого уровня, вплоть до членов Политбюро, в ходе которой Си Цзиньпин уже успешно завершил три антикоррупционных проверки на всех уровнях⁶². При этом важ-

of access: <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/Chinese%20economy.pdf>.

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Chow Gregory. China as a Leader of the World Economy. – Singapore: World Scientific Publishing Co Pte Ltd, 2012, 223 p.; Crabbe Matthew. Myth-Busting China's numbers. Understanding and Using China's Statistics. – Croydon: Palgrave Macmillan, 2014. – 268 p.; Lemos Gerald. The End of the Chinese Dream: Why Chinese People Fear the Future. – Yale: Yale University Press, 2013, 301 p.

⁶¹ 王毅谈亚太经合组织领导人非正式会议及相关国事活动的成果 (Министр иностранных дел КНР Ван И оценил результаты неофициальной встречи лидеров стран-членов АТЭС и связанных с ней иных государственных мероприятий) / *Синьхуа*. 13 ноября 2014. – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/world/2014-11/13/c_1113240073.htm.

⁶² 学界对习近平反腐的真实看法 (Научное сообщество о подходах Си Цзиньпина к борьбе с коррупцией) / *Think.China.com*. 29 сентября 2014. Режим доступа: http://www.china.com.cn/opinion/think/2014-09/29/content_33642767.htm.

но отметить, что масштабная кампания по противодействию коррупции в то же время де факто превратилась в масштабные «чистки» партийного и государственного аппарата и стала использоваться правящим тандемом Си Цзиньпин – Ли Кэцян для усиления своих позиций в Политбюро ЦК КПК и партии в целом, а также как предлог для того, чтобы устранить неугодных им личностей, как это уже произошло с Бо Силаем.

Еще одним серьезным вызовом для КНР может стать сужение рынков для экспорта китайской продукции как в связи с переносом западных производств в более дешевые страны Азии и Африки, так и в результате целенаправленной политики многих стран по избавлению от чрезмерной «китаезависимости», т.е. высокой доли КНР в их внешней торговле, а также вследствие развития интеграционных форматов без участия Китая (таких как Транстихоокеанское партнерство)⁶³.

Представляется, что для решения в перспективе и этой проблемы в рамках новой генеральной линии Китай стремиться трансформироваться из «мировой фабрики», которой он де факто являлся на протяжении нескольких десятилетий, в крупнейшую торговую державу. Другими словами, КНР может попытаться занять свою «нишу» в мировой экономике не в сфере производства и даже не в сфере инновационного развития (так как там по-прежнему сохраняется существенное отставание от ведущих держав, особенно в военной и космической сферах), а в области коммерческих и торговых операций. Для выполнения этой задачи КНР активно продвигает реализацию проектов Экономического пояса нового Шелкового пути и Морского шелкового пути, которые в том числе призваны трансформировать экономические системы регионов Китая (что очень важно в условиях сильно децентрализованной китайской экономики); КНР наращивает тоннаж торго-

вого флота, участвует в проектах экономической интеграции (например, АСЕАН+3).

Кроме того, КНР активно инвестирует во многие регионы мира, причем немалая доля инвестиций приходится на США и страны ЮВА (Индонезию, Малайзию, Сингапур), где проживает многочисленная китайская диаспора. Примечательно, что в последнее время Китай уделяет все большее и большее внимание нетрадиционным для него государствам-партнерам с Африканского континента. Растущая экономическая экспансия Китая в богатые минеральным и энергетическим сырьем страны Африки объясняется заинтересованностью КНР в разработке и использовании этих ресурсов прежде всего нефти и газа, в связи с растущим потреблением и промышленным производством внутри страны⁶⁴. Таким образом, путем наращивания инвестиций и оказания экономической помощи КНР стремится увеличить свое влияние и приобрести особый статус на африканском рынке.

Важно подчеркнуть, что экспорт капиталов из Китая при этом осуществляется очень продуманно и с учетом собственных национальных интересов⁶⁵.

Помимо стран Африки южнее Сахары КНР инвестирует крупные средства в Молдову, Беларусь, Таджикистан, Туркменистан, Венесуэлу, Бразилию, Аргентину, расширяет свое присутствие в Австралии⁶⁶. В 2010 году Китай выкупил права на разработку крупного медного месторождения Аймак в Афганистане, предложив сумму на 1 млрд долларов больше, чем остальные участники тендера (в т.ч. США, Канада, ЕС и Россия), что говорит о его огромной заинтересованности в иностранных ресурсах и готовности получать их

⁶³ Портяков В.Я. Возвышение Китая: что дальше? // *Global Affairs*, 2 июля 2014. - Режим доступа: www.globalaffairs.ru/number/Vozvyshenie-Kitaya-chto-dalshe-16775. [Portiaikov V.Ia. Vozvyshenie Kitaia: chto dal'she? (The Return of China: What now? // *Global Affairs*, Jule, 2, 2014. Mode of access: www.globalaffairs.ru/number/Vozvyshenie-Kitaya-chto-dalshe-16775].

⁶⁴ Бумагин В. Нефть течет на восток // Санкт-Петербургские ведомости. 01 апреля 2013. Режим доступа: http://www.spbvedomosti.ru/print.htm?id=10297784@SV_Articles. [Bumagin V. Neft' techet na vostok (Oil runs eastward) // *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, April 01, 2013. Mode of access: http://www.spbvedomosti.ru/print.htm?id=10297784@SV_Articles].

⁶⁵ Медведев Р. Подъем Китая. – М.: Астрель, 2012. – 318 с. [Medvedev R. Pod'em Kitaia (China's Rise). – Moscow: Astrel', 2012, 318 p].

⁶⁶ Ibid.

любой ценой⁶⁷. В каждой из перечисленных стран Китай получает определенные бонусы и преференции. Здесь стоит подчеркнуть, что в большинстве случаев большая часть выданного кредита возвращается обратно в Китай в обмен на китайские товары и услуги или же расходуется на реализацию выгодных и необходимых КНР проектов.

Отдельно стоит отметить и появление в основных целях 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) т.н. «социальных статей», которых не было в предыдущем плане, таких, как улучшение уровня жизни и благосостояния населения, усиление контроля за обществом и т.д.⁶⁸. Выполняя данные установки, в феврале 2013 г. Госсовет обнародовал очередной план из 35 пунктов, в том числе об увеличении минимальной заработной платы до 40% от средней по стране, реформировании пенсионной системы, усилении юридической защиты прав на землю, помощи гражданам, находящимся за чертой бедности и т.д.⁶⁹. Подобные преобразования, направленные на улучшение уровня жизни населения, не только придают импульс качественным изменениям в экономике, но и способствуют быстрому росту популярности лидера государства и пропагандируемой им национальной идеи.

Помимо проблем экономики, значимое место в практическом наполнении концепции «китайской мечты» занимают и политические вопросы. Более того, наличие существенных проблем в политической сфере и принципиальная необходимость дальнейших и более глубоких системных реформ открыто признается и высшим руководством страны.

Среди них отдельно выделяются все та же коррупция, огромные масштабы которой приводят к ощутимым потерям ВВП Китая, отрыв партии и правительства от масс, злоупотребление чиновниками своим служебным положе-

нием и нежелание в полной мере выполнять свои служебные обязанности, снижение популярности и ослабление позиций Компартии в обществе, нарастание протестных движений в разных регионах страны, рост популярности западной культуры и ценностей, внутреннее соперничество в самой КПК.

Для решения вышеупомянутых и многих других проблем специальным Постановлением ЦК КПК в ноябре 2013 г. была создана специальная Центральная руководящая группа всестороннего углубления реформ, которую возглавил лично Председатель КНР Си Цзиньпин⁷⁰. Примечательно, что в отличие от большинства создаваемых ранее руководящих групп, в государственной иерархии она поставлена выше правительства, то есть Госсовета КНР⁷¹. В том же Постановлении были определены 10 основных направлений дальнейшего реформирования. Первые четыре пункта относятся к области экономики, туда включены такие пункты, как нахождение баланса между ролью рынка и правительства в экономике, совершенствование существующей экономической системы, углубление реформ в финансово-налоговой системы, интегрированное развитие города и деревни⁷². Здесь стоит лишь еще раз подчеркнуть, что в настоящее время, несмотря на появление новой национальной идеи и смену концепции государственного управления, Пекин по-прежнему ставит экономическое развитие выше реформ в политической сфере.

При этом большая часть Постановления касается именно политических вопросов. Итак, в качестве приоритетных пятое поколение китайских руководителей выделило следующие задачи в этой сфере:

⁶⁷ Chow Gregory. China as a Leader of the World Economy. – Singapore: World Scientific Publishing Co Pte Ltd, 2012, 223 p.

⁶⁸ Ibid

⁶⁹ Байчоров А.М. Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке. – М.: Междунар. отношения, 2013. – 192 с. [Baichorov A.M. Kitaizatsiia: posledstviia rosta moshchi Kitaia dlia mira v XXI veke (Chinazation: the consequences of China's rise for the world in the XXI century). – Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 2013, 192 p].

⁷⁰ Си Цзиньпин. О государственном управлении. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. – 630 с. [Si Czin'pin. O gosudarstvennom upravlenii (On political management). – Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannykhazykah, 2014, 630 p].

⁷¹ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. – М.: ИД «ФОРУМ», 2014. – 480 с. [Kitajskaja Narodnaja Respublika: politika, jekonomika, kul'tura. (The People's Republic of China: politics, economics, culture) K 65-letiju KNR. – Moscow: ID «FORUM», 2014, 480 p].

⁷² Ibid.

1. Продвижение широкого и многоуровневого развития консультативной демократии;

2. Реформирование судебной системы и механизмов её функционирования;

3. Улучшение руководящей системы в борьбе с коррупцией и её рабочего механизма;

4. Улучшение контрольно-руководящей системы в сфере сети Интернет;

5. Создание комитета государственной безопасности;

6. Усовершенствование системы управления и контроля над государственным фондом природных ресурсов⁷³.

Многими экспертами, в том числе и в самом Китае, отмечается, что политические реформы, а именно реальная демократизация, создание правового государства, предоставление населению гарантий соблюдения всех их законных прав и свобод, были самым слабым звеном в курсе Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао⁷⁴. Естественно, что пришедшие им на смену Си Цзиньпин и Ли Кэцян не могли оставить без внимания это направление реформ. Тем не менее, на этом направлении особых изменений и реальных шагов к настоящему моменту так и не произошло, несмотря на формальные призывы нового Председателя КНР к созданию в Китае правового государства и обеспечению верховенства закона⁷⁵. О крайней осторожности властей в отношении демократизации режи-

ма говорит и позиция Премьера Госсовета Ли Кэцяна, который каждый раз искусно уходит от прямых вопросов журналистов на эту тему, отвечая, что «приоритетом для правительства является развитие экономики и благосостояние населения», но в то же время оно «не отказывается от данных им населению обещаний»⁷⁶.

С другой стороны, такой подход нового поколения руководителей к трансформации политической системы вполне оправдан и основан на печальном опыте событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., ставших результатом определенной политической либерализации и некоторого ослабления системы государственного устройства во время нахождения у власти Дэн Сяопина⁷⁷. Неудачное реформирование может обернуться непредсказуемыми последствиями, и в Пекине это прекрасно осознают.

С другой стороны, по иным, более практическим и социально ориентированным направлениям, выделенным в упомянутом выше Постановлении ЦК КПК, руководством страны была развернута активная деятельность.

Помимо уже упоминавшийся выше масштабной антикоррупционной кампании, с целью улучшить имидж партии и сократить её «отрыв» от рядовых граждан, руководством страны были приняты «восемь положений по улучшению рабочего стиля», включающие в себя такие пункты, как:

— Запрет для членов Политбюро участвовать в торжественных церемониях без одобрения и специального решения ЦК КПК;

— Сокращение числа и масштабов организации зарубежных поездок официальных представителей партии;

— Обязанность членов Политбюро в течение определенного времени работать на

⁷³ Си Цзиньпин. О государственном управлении. — Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. — 630 с. [Si Czin'pin. O gosudarstvennom upravlenii (On political management). — Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah, 2014, 630 p].

⁷⁴ Бергер Я.М. К итогам XVIII съезда КПК: преемственность и обновление курса // Проблемы Дальнего Востока. — 2013. — №1. — С. 5–18. [Berger Ia.M. K itogam XVIII s'ezda KPK: preemstvennost' i obnovenie kursa (On the XVIIIth Congress of CPC: continuation and updating of the course) // Problemy Dal'nego Vostoka, 2013, №1, pp. 5-18].

⁷⁵ Си Цзиньпин. О государственном управлении. — Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. — 630 с. [Si Czin'pin. O gosudarstvennom upravlenii (On political management). — Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah, 2014, 630 p].

⁷⁶ 分析: 李克强是哪一类改革者? (Аналитики: к какому типу реформаторов относится Ли Кэцян) // Экономика и политика Китая. 18 марта 2013. Режим доступа: <http://www.ftchinese.com/story/001049481?full=y>.

⁷⁷ Бергер Я.М. К итогам XVIII съезда КПК: преемственность и обновление курса // Проблемы Дальнего Востока. — 2013. - №1. — С. 5–18. [Berger Ia.M. K itogam XVIII s'ezda KPK: preemstvennost' i obnovenie kursa (On the XVIIIth Congress of CPC: continuation and updating of the course) // Problemy Dal'nego Vostoka, 2013, №1, pp. 5-18].

местах для ознакомления с реальной обстановкой;

– Запрет на перекрытие движения при передвижении членов Политбюро на автомобиле⁷⁸.

В марте 2014 г. Си Цзиньпин еще больше ужесточил нормы поведения КПК, определив новый стиль её работы как «три строгости (к себе, в исполнении полномочий, в самодисциплине) и три элемента делового отношения (строить план работы, открывать новые дела, относиться к другим)»⁷⁹.

Как отметил сам Председатель, КПК, которая играет руководящую роль в деле реализации «китайской мечты», должна быть «организована на революционных идеях и железной дисциплине», а также последовательна в своих действиях (т.н. теория «забивания гвоздей») ⁸⁰. В данной теории любые начинания по реформированию политической или экономической жизни страны сравниваются с процессом забивания гвоздя, который обычно невозможно качественно забить с одного удара: если удар будет слишком сильным, гвоздь согнется или сломается, если слишком слабым – не забьется до конца. Единственный надежный способ – упорно и последовательно наносить удары, пока гвоздь не будет вбит, а затем уже переходить к новому.

В 2012 г. практически сразу после прихода Си Цзиньпина к власти в стране была запущена масштабная судебная реформа, направленная прежде всего на оптимизацию деятельности судов уровня ниже провинциального. В частности, согласно изданной Госсоветом КНР Белой книге о судебной реформе, в судах этого уровня вводится

единое управление кадрами и имуществом, увеличивается личная и коллективная ответственность судей и судебных коллегий, совершенствуются процедуры выполнения судебного решения и избегания судебных ошибок⁸¹.

Помимо этого, на общегосударственном уровне законодательно была отменена смертная казнь за «ненасильственные экономические преступления» и за любые преступления в отношении граждан, которым на момент следствия исполнилось 75 лет⁸². Тем не менее, оппозиционное китайское издание «Великая эпоха» подчеркивает, что число приговоров к высшей степени наказания по вышеуказанным статьям составляет всего 19% от их общего количества, а в категорию «преступников старше 75 лет» попадают в основном чиновники высокого уровня в рамках антикоррупционной кампании⁸³. Кроме того, несмотря на реформы, нигде не исчезла и высокая степень зависимости судей от правительства и правящей партии, и можно даже предположить, что в условиях «педалирования» Пекином идеи о руководящей роли КПК, эта зависимость в перспективе будет только расти.

В целом, как уже упоминалось ранее, несмотря на громкие лозунги о «всеобщем процветании» и социально-экономической либерализации, политический режим не проявляет тенденций к смягчению. По-прежнему сохраняется система трудовых лагерей (на

⁷⁸ Байчоров А.М. Китаизация: последствия роста мощи Китая для мира в XXI веке. – М.: Междунар. отношения, 2013. – 192 с. [Baichorov A.M. Kitaizatsiia: posledstviia rosta moshchi Kitaia dlia mira v XXI veke (Chinaization: the consequences of China's rise for the world in the XXI century). – Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 2013, 192 p].

⁷⁹ Си Цзиньпин. О государственном управлении. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2014. – 630 с. [Si Czin'pin. O gosudarstvennom upravlenii (On political management). – Beijing: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh jazykah, 2014, 630 p].

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ В Китае обнародована Белая книга о судебной реформе // Агентство Синьхуа, 9 октября 2012. Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/7970406.html>. [V Kitae obnarodovana Belaia kniga o sudebnoi reforme (China releases the White Book for judicial reform) // Agentstvo Sin'khua, October 9, 2012. Mode of access: <http://russian.people.com.cn/31521/7970406.html>].

⁸² Очередная судебная реформа защитит коррумпированных чиновников от смертной казни // Великая Эпоха. 30 октября 2012. Режим доступа: <http://www.epochtimes.ru/content/view/67596/4/>. [Ocherednaia sudebnaia reforma zashchitit korumpirovannykh chinovnikov ot smertnoi kazni (The next judicial reform will protect corrupt bureaucrats from capital punishment) // Velikaia Epokha. October 30, 2012. Mode of access: <http://www.epochtimes.ru/content/view/67596/4/>].

⁸³ Ibid.

партийном совещании в г. Бэйдайхэ в августе 2012 г. упразднение лагерей было приравнено к «концу и КПК, и КНР»), усиливается уровень цензуры и пропаганды⁸⁴.

Подводя итог, можно сделать вывод, что концепция «китайской мечты» представляет собой своеобразную «обертку» для идеологических установок, в которую при желании можно вложить любое содержание. Это объясняет наличие различных интерпретаций «китайской мечты» и её элементов в китайском обществе (например, трактовка «великого возрождения» как экономического превосходства или же военно-политического доминирования над другими государствами; понимание под «нацией Китая» только население КНР или же всех китайцев в мире и т.д.).

Кроме того, такая концепция стала неким компромиссным вариантом для представителей разных линий в Компартии, что позволяет сочетать разнообразные подходы к реформированию и государственному управлению без изменения единой генеральной линии.

В новой национальной идее умело сочетаются либеральные рыночные экономические реформы, политический авторитаризм с тенденцией к ужесточению режима и национализм, скрываемый под маской патриотизма.

Примечательно, что «китайская мечта», будучи новшеством по своей сути, не преподносилась и не преподносится как нечто новое. Наоборот, упор делается на ее «историческом характере», глубоких корнях, уходящих в историю на несколько веков назад, а также на невозможности выхода за рамки коммунизма и социализма с китайской спецификой, хотя, как минимум в сфере экономике, де факто это было уже сделано.

В отличие от большинства предыдущих теорий и концепций, «китайская мечта» направлена в равной степени вовнутрь и во-

вне, активно используется как инструмент «мягкой силы» Китая за рубежом.

В свою очередь, во внутренней политике она позволяет высшему руководству страны оправдать ужесточение цензуры, контроля и репрессий громкими лозунгами и обещаниями достижения в ближайшем будущем амбициозной цели «великого возрождения».

Таким образом, можно заключить, что несмотря на кажущуюся пространность, противоречивость и расплывчатость, в практическом смысле концепция «китайской мечты» вполне может выполнять роль основной программы развития и реформирования КНР на ближайшие пять-десять лет.

⁸⁴ Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. — М.: ИД «ФОРУМ», 2014. — 480 с. [Kitajska Narodna Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. (The People's Republic of China: politics, economics, culture) K 65-letiju KNR. — Moscow: ID «FORUM», 2014, 480 s].

Концепция «китайской мечты» и её практическое применение

Сергей Владимирович Новосельцев, магистр зарубежного регионоведения, выпускник МГИМО МИД России 2015 года.
e-mail: novoseltsev.s.v@my.mgimo.ru

Аннотация: В статье дается краткий обзор и анализ истории возникновения и развития концепции «китайской мечты», введенной в политический лексикон новым Председателем КНР Си Цзиньпином в 2012 г., её содержания, а также применения на практике в различных сферах внутренней и частично внешней политики КНР. Сделаны основные выводы об особенностях новой концепции государственного управления в Китае, её коренных отличиях от идей предыдущих руководителей. Дан краткий анализ состояния экономической и политической системы КНР, выявлены основные успехи и трудности в вышеупомянутых сферах, обозначены готовящиеся и уже реализуемые реформы, продемонстрирована логика действий высшего руководства страны и связь всех проводимых реформ с новой генеральной линией. Кроме того, в статье рассматриваются и анализируются разнообразные точки зрения и подходы к концепции «китайской мечты», существующие как среди экспертов, так и в Компартии Китая и руководстве КНР.

Ключевые слова: «Китайская мечта», Си Цзиньпин, реформы, КПК, социально-экономическое развитие.

The “China Dream” Concept and Its Practical Implementation

Sergey Vladimirovich Novoseltsev, Master of Arts in World Regional Studies, graduated from MGIMO University in 2015.
e-mail: novoseltsev.s.v@my.mgimo.ru

Abstract: The article contains a brief outlook and analysis of the background and the development of the “China Dream” concept, officially introduced by China President Xi Jinping in 2012. The article also covers the issues of its implementation in Chinese domestic and partly foreign policy. Major differences between the “China Dream” and previous concepts are pointed out; a special attention is drawn to the special features of the new general line in politics. The author describes a new stage of reforms in China, demonstrates the logic of the Chinese government and shows the connection between the conducted reforms and the new concept. Various opinions and points of view concerning the “China Dream” concept (expressed both by experts and in the ruling Chinese Communist Party) have been also compared.

Key Words: China Dream, Xi Jinping, reforms, Chinese Communist Party, social and economic development.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС

А.А. Конкин

С конца 1990-х годов наблюдается активизация политических процессов, направленных на установление стратегического партнерства между различными странами на региональном, межрегиональном и межконтинентальном уровнях: ШОС, БРИКС, Африканский союз, Меркосур, АСЕАН, Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества, Форум «Азия – Европа» (АСЕМ), ЕврАзЭС и др. Это указывает на растущую сеть стратегических связей и обязательств, которые становятся важным элементом международной идентичности тех или иных стран. При этом интересно то, что не смотря на явное расхождение в оценке этих новых явлений в экспертном сообществе, нет существенных дискуссий по поводу причин происхождения мнений, вариативности параметров партнерств, степени актуализации и популярности этой новой формы международных связей. Стратегическое партнерство на региональном, межрегиональном и трансрегиональном уровнях становится новым институтом и одновременно инструментом современных международных отношений как между странами со сложными отношениями, так и теми, которые не имеют никаких притязаний друг к другу. Кроме того, многие страны пытаются получить привилегированный статус стратегического партнера с сильными мировыми игроками для решения своих, в том числе и своекорыстных целей. Этот статус является косвенным средством демонстрации своего значения на международной арене, а также свидетельством того, что использование института стратегического партнерства выходит за пределы простого укрепления сотрудничества между странами

и указывает на формирование нового институализированного инструмента глобального и регионального уровня, влияющего на системную реконфигурацию международных отношений.

Таким образом, то или иное государство, являясь «системой в системе», участвуя в том или ином межгосударственном объединении и формируя внутри и поверх него систему стратегических партнерств, получает синергетический эффект в виде усиления своего «веса» на международной арене. Это касается как экономического, так и социологического и политического аспектов. Таким образом, можно предположить, что дополнение уже хорошо проработанных в политической экономике международных отношений положений теории взаимозависимости (К. Нувенхузе, Р. Купер, О. Кеничи и др.), объясняющих логику установления сотрудничества между государствами на региональном уровне, положениями концепции многофакторного равновесия (А.Д. Воскресенский), которые объясняют механизм формирующих связей приспособления и усиления сцепки между взаимодействующими государствами, позволит объяснить феномен стратегических партнерств и разработать новые практические рекомендации усиления взаимодействия стран БРИКС. Соединение положений этих двух теорий позволяет объяснить механику установления нового, качественно более высокого уровня равновесия и взаимозависимости, который обеспечивается построением новых взаимосвязей внутри и поверх региональных объединений.

С недавнего времени господствовавшая ранее теория «силового равновесия» утрачи-

вает популярность в виду того, что в новую историческую эпоху экономической взаимозависимости страны не заинтересованы в силовом противостоянии, поскольку такое противостояние разрушает или по крайней мере способствует деградации параметров мировой экономической системы, ухудшая, прежде всего, экономические параметры участвующих в силовом противостоянии государств. В современную эпоху на первое место выходит экономический аспект влияния, конкуренция экономических моделей, позволяющая усиливать и развивать те взаимосвязи, в том числе и силового характера, которые повышают общую конкурентоспособность, прежде всего экономическую, а затем и военно-стратегическую, региональных объединений различного типа и участвующих в них национальных государств.

Объединение БРИКС, как и многие другие межгосударственные объединения, является одним из проявлений регионализации международных отношений как части процесса глобализации, характеризующейся усилением взаимного влияния стран и возрастающей динамикой интеграционных процессов. В этом контексте интеграционный процесс – это процесс объединения элементов (в данном случае, стран) в одно целое, процесс взаимосближения и образования взаимосвязей нового типа; сплочения, объединения политических, экономических, государственных и общественных структур в рамках региона, международного региона, глобального региона, мира.

На основании модели политической системы Д. Истона, использовавшего системный подход для объяснения структуры политической системы страны, можно утверждать, что данная система представляет собой единый организм, в идеале саморегулирующийся и реагирующий на воздействие внешних факторов адекватным образом. Эта система находится внутри системы более высокого порядка (регионального объединения и взаимодействий на трансрегиональном и глобальном уровнях) и на основании своих взаимодействий выстраивающей с ней обратные связи. Т. Парсонс выделяет «части» этого организма (по сути, сравнительно самостоятельные и одновременно взаимосвязанные):

духовная, экономическая и политическая. Соединив положения теории взаимозависимости и положения концепции многофакторного равновесия (А.Д. Воскресенский)¹, можно выстроить систему сложных неравновесных взаимосвязей политических субъектов (государств) как самостоятельных частей регионального объединения в глобальной политической системе, причем система взаимосвязей этих политических субъектов будет строиться на основе теории взаимозависимости (т.е. на основе системы объективных и формируемых политико-экономических положений и предложений) и двусторонних политик на основе концепции многофакторного равновесия, т.е. на основе учета базовых объективных, прежде всего экономических и политико-экономических положений, и принципов социальной инженерии и целенаправленного форматирования отношений внутри региональных объединений. На основании этого подхода БРИКС можно рассматривать как «систему в системе» – укрупненный политический субъект в глобальном пространстве, состоящем из таких же объединенных макрорегиональных субъектов – международных регионов и глобальных регионов.

¹ Воскресенский А. Д. Многофакторное равновесие в международных отношениях // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. М., 2000. С. 413–440; Воскресенский А. Д. Россия и Китай: парадигма взаимодействия в исторической динамике и преемственности // Восток. – 1999. – №3. – С. 45–58 [Voskressenski A.D. Mnogofaktornoe ravnovesie v mezhdunarodnyh otnoshenijah (Multi-factor equilibrium in international relations) // Politicheskaja nauka v Rossii: intellektual'nyj poisk i real'nost'. – Moscow, 2000. P. 413–440; Voskressenski A.D. Rossiya i Kitaj: paradigma vzaimodejstvija v istoricheskoj dinamike i preemstvennosti (Russia and China: the paradigm of interaction in the historical dynamics and continuity) // Vostok, 1999, №3, pp. 45–58]. Подробнее о концепции см. в книгах: Voskressenski, Alexei D. Russia & China. A Theory of Inter-State Relations. L., N.Y.: Routledge, 2003 (Chapter 3. Multi-factor Equilibrium, Pp. 55–81); Воскресенский А.Д. Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: МОНФ / Институт Дальнего Востока РАН, 1999 (Гл. 3. Многофакторное равновесие, С. 104–137).

Рассмотрим, в соответствии с концепцией взаимозависимости, дополненной положениями концепции многофакторного равновесия (А.Д. Воскресенский) положение БРИКС как трансрегионального объединения «внутри» глобальной политической системы (см. рис. 1).

Следует отметить, однако, что это пока в значительной степени идеализированное восприятие БРИКС, поскольку внутри него связи еще не настолько сильны, чтобы максимизировать синергетический эффект для усиления влияния каждой из стран на мировую конъюнктуру в том или ином аспекте. Тем не менее, объединение уже сейчас позволяет решать некоторые общие проблемы, особенно актуальные для каждой из стран-участниц. Страны БРИКС объединяет необходимость модернизации экономической и социальной жизни. Наиболее серьезными проблемами являются высокая инфляция и недостаточно развитая инфраструктура.

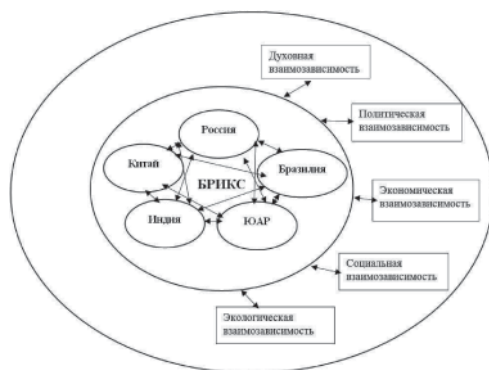


Рис. 1. БРИКС в глобальной системе взаимозависимости

На БРИКС также приходится 15% мировой торговли. В основном, эта доля определяется промышленным экспортом Китая и сырьевым экспортом России. В соответствии с концепцией многофакторного равновесия этот показатель может быть увеличен за счет роста торгово-экономических взаимоотношений на соответствующих направлениях внутри объединения БРИКС в соответствии с концепцией взаимозависимости на основе объективно существующих естественных преимуществ каждой из стран.

Общим направлением деятельности БРИКС является экономическая сфера, поскольку БРИКС ориентирован прежде всего на стимулирование развития прежде всего в области экономических отношений. Страны-члены БРИКС сотрудничают в сфере продовольственной безопасности, это сотрудничество посредством повышения внешнеторговой доли «внутри» БРИКС одновременно усиливает взаимозависимость составляющих частей этого трансрегионального объединения.

Сегодня можно назвать ряд проблем, которым участники группы уделяют наибольшее внимание, чтобы через достижение трансрегионального консенсуса стран БРИКС влиять в целом на глобальную внешнеполитическую геометрию. В перспективе формирование трансрегионального консенсуса БРИКС по широкому кругу вопросов должно привести к созданию внешнеполитического механизма нового сетевого формата в региональных сегментах мировой системы финансовых отношений. Также через такой механизм возможно усиление взаимодействия в сфере охраны окружающей среды и изменения климата, энергетической безопасности, развития совместных модернизационных проектов, научных исследований, торговых и промышленных связей.

Практика показала, что формирование новой внешнеполитической геометрии на основе трансрегиональных связей взаимозависимости и многофакторного равновесия внутри региональных объединений позволяет формировать общие подходы к решению международных проблем, правда при этом требует и более четкой последовательности в реализации принятых решений. Таким образом, будущее БРИКС определяется формированием общей стратегии на основе принципов взаимозависимости и многофакторного равновесия посредством формулирования консенсусным образом конкретных политических задач и их последовательной реализации. Теория многофакторного равновесия показывает, что завышенные политические амбиции стран участниц организации фатально вредны для региональных объединений типа БРИКС. Сейчас в мировом сообществе укрепляется осознание без-

альтернативности коллективных подходов консенсусного типа к ключевым глобальным и региональным проблемам, акцентирующим необходимость поиска совместных ответов на общие для всех вызовы. При правильном выстраивании стратегии и тактики такой политики выработанные «внутри» региональных объединений позиции получают поддержку всего мирового сообщества через международные организации типа ООН. Разумеется, формат интегрированной структуры выработки общих региональных подходов, направленных на усиление влияния в той или иной области на глобальном уровне взаимодействия, требует большей степени согласованности действий стран-участниц через формирование соответствующих институтов и механизмов на региональном уровне.

Сегодня неотъемлемой частью процессов глобализации является зарождение многополярности, как в политическом, так и в экономическом плане. Как отмечают современные исследователи, данная модель на современном этапе может представлять собой мир «с несколькими центрами политического и экономического влияния, с несколькими мировыми технологическими и финансово-валютными центрами»². С другой стороны, поскольку глобализация – явление чрезвычайно динамичное и пластичное, которое формируется на глобальном и региональном уровне в том числе и региональными объединениями, конфигурация мироустройства на каждом историческом этапе зависит от множества факторов. Концепция многофакторного равновесия позволяет влиять на выработку решений внутри региональных объединений посредством межстрановых партнерств и объединений в том числе и стратегического типа поскольку такая форма позволяет повы-

шать «вес» партнерской связки стран внутри региональных объединений.

Современное политическое взаимодействие стран БРИКС связано с необходимостью поддержки национальных политических и экономических интересов каждого из государств-членов БРИКС на международной арене. В частности, Россия и Китай рассматривают объединение как возможность расширения собственного международного политического и экономического влияния. В то же время, экономическое сотрудничество является основой партнерства Бразилии, Индии и ЮАР, которые заинтересованы в освоении космоса, развитии ракетостроения и нефтегазового сектора, формировании через усиление трансрегиональных связей новых степеней регионального политического влияния. Таким образом, несмотря на асимметрию отношений между странами внутри БРИКС (что в конечном счете объективно требует применения положений концепции многофакторного равновесия), деятельность стран-членов БРИКС углубляет их внутренние экономические и военно-технические взаимоотношения. Это способствует в целом усилению собственного авторитета каждой из стран, а также росту международного и регионального лидерства объединения в целом.

Все страны БРИКС находятся на этапе экономической трансформации, которая в перспективе будет способствовать росту международного политического веса каждой из этих пяти стран, однако условия и параметры необходимой модернизации асимметричны: Китаю и России необходима прежде всего модернизация политических институтов, без которых невозможна экономическая модернизация (причем России и Китаю необходима модернизация разных политических институтов и в разной степени), а Бразилии, ЮАР и Индии требуется углубление экономических реформ при том, что политические институты этих стран уже модернизированы в большей степени, чем в России и Китае. Согласованная консенсусная модернизация политических и экономических институтов на основе взаимного опыта, но разнородная и осуществляемая по разным направлениям для каждой из этих стран, может стать фак-

² Баранчик Ю. В. ЕАЭС, ШОС, БРИКС: новые центры многополярного мира / «Обозреватель-Observer», 2015. Режим доступа: http://materik.ru/rubric/detail.php?ID=18034&phrase_id=1790220 [Baranchik Ju. V. EAJeS, ShOS, BRIKS: novye centry mnogopoljarnogo mira (EAEU, SCO, BRICS as new centers of the multipolar world) / «Obzrevatel'-Observer», 2015. Mode of access: http://materik.ru/rubric/detail.php?ID=18034&phrase_id=1790220].

тором существенного влияния на формирование мирового политического и экономического пространства. Для усиления такого влияния следует на основе концепции многофакторного равновесия вычленивать и укрепить те факторы, которые будут способствовать сближению национальных интересов государств-членов БРИКС в тех сферах, в которых потребуются финансовая, структурная и научно-техническая помощь всех государств этого объединения. Политическое влияние БРИКС на мировую политику обусловлено также участием в Совете Безопасности ООН двух постоянных членов – России и Китая, а также присоединением стран БРИКС к «Большой двадцатке». В перспективе БРИКС может увеличить собственное геополитическое влияние в мире, что выгодно каждой из этих стран по отдельности, но для этого необходимо обеспечить укрепление внутривнутриполитической стабильности в государствах, решить возможные конфликты интересов между членами объединения, стимулировать стабильное и динамичное развитие экономики и создать условия для сближения политических векторов стран-членов объединения на основе совместных экономических успехов.

Россия выступила с инициативой сближения стран БРИКС, утвердив «Концепцию участия Российской Федерации в объединении БРИКС», в которой обоснована логика государственного подхода к сотрудничеству с Бразилией, Индией, Китаем и ЮАР. Основное внимание в концепции уделяется экономическому сотрудничеству, хотя стратегической целью России является постепенная трансформация объединения из диалогового форума и инструмента координации позиций по узкому кругу проблем в полноформатный механизм стратегического взаимодействия по решению ключевых вопросов мировой политики и экономики. К тому же, являясь по сути трансрегиональным объединением региональных лидеров, БРИКС по своей сути воплощает прагматичный тренд усиления полицентричного начала в международных отношениях, с помощью которого РФ, как и другие члены этого объединения, плани-

рует расширить свое собственное участие в глобальных политико-экономических процессах³.

Необходимо заметить, что Россия также намерена улучшить взаимоотношенность государств-участников БРИКС, которое объективно будет также работать на усиление фактора полицентричности международных отношений. Кроме поэтапного создания общего информационного пространства предусматривается обмен программами как на двусторонней, так и на многосторонней основе между радио- и телекомпаниями РФ через сеть российских культурно-языковых центров. Выдвигается задача поощрять изучение русского языка в государствах-партнерах БРИКС, что свидетельствует о стремлении укрепить центростремительные тенденции в объединении и нейтрализовать действие факторов негативного характера. Российские эксперты, анализируя позицию своего государства в отношении стран БРИКС, утверждают, что подобная внешнеполитическая активность связана не столько с созданием какого-то геополитического центра силы в противовес США, сколько с очевидным лидерством в группе Китая (на БРИКС в целом приходится более 40% мировых валютных запасов, три четверти из которых обеспечиваются китайскими валютными резервами). Новая экономическая ситуация диктует необходимость для России создать особые отношения в области научно-технического сотрудничества и создания производственных цепочек на основе такого сотрудничества в рамках российско-китайского культурного взаимодействия и соединить китайские производственные модели с российским научно-техническим потенциалом. Эта модель может быть распростране-

³ Цатурян С. «Золотая лихорадка 2.0»: как Россия и Китай атакуют доллар / «Обозреватель-Observer», 2015. Режим доступа: http://materik.ru/rubric/detail.php?ID=20763&phrase_id=1790220 [Tsaturyan S. «Zolotaja lihoradka 2.0»: kak Rossiya i Kitaj atakujut dollar («Gold Rush 2.0»: Russia and China attack dollar) / «Obozrevatel'-Observer», 2015. Mode of access: http://materik.ru/rubric/detail.php?ID=20763&phrase_id=1790220].

на и на взаимоотношения России с другими странами БРИКС, что послужит расширению культурного и научно-технического влияния России⁴, но для этого русский язык должен занять принципиально другое место в области лингвистической подготовки молодого поколения в этих странах. Это отмечает, в частности, применительно к другой области сотрудничества российский исследователь С. Цатурян⁵, анализируя условия создания Банка развития БРИКС в 2015 г. Видится, что именно в этом вопросе можно ожидать через какое-то время проявление синергетического эффекта от взаимодействия стран-членов «клуба», но уже в экономической области.

Отстаивая собственные геополитические интересы, страны БРИКС рассматривают сотрудничество в рамках объединения, прежде всего, как инструмент улучшения двустороннего взаимодействия, на основе которого можно постепенно обеспечить консенсусное сближение национальных интересов и сформировать в будущем, пусть и отдаленном, целостный международный политико-экономический курс всего объединения.

Анализируя перспективы взаимоотношений между странами БРИКС, необходимо отметить существование некоторых проблем, связанных с:

1) стремлением Китая создать двухполярный мир с США и закрепить национальную денежную единицу юань в качестве конкурента доллару;

2) активным продвижением Россией идей создания Единого экономического пространства и попыткой восстановить влияние среди стран СНГ;

3) существованием территориальных споров и стратегического соперничества

между Индией и Китаем, не позволяющих углубить сотрудничество в рамках пяти стран в равной степени⁶.

Дальнейшее политико-экономическое взаимодействие трансрегионального типа, но в на основе и в рамках БРИКС, может способствовать расширению объединения через привлечение к сотрудничеству Южной Кореи, Австралии, Турции и Мексики, которые уже активно сотрудничают на двусторонней основе в политической, экономической и культурной сферах со странами членами БРИКС. В группу БРИКС также при определенном повороте международных отношений могут в перспективе войти Индонезия и Турция (объединение под названием БРИКСИТ), что прогнозируют некоторые отечественные исследователи⁷. Правда развитие российско-турецких отношений в последнее время выявило и существенное расхождение

⁶ Воскресенский А. Д. Многофакторное равновесие в международных отношениях // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. М., 2000. С. 413–440; Воскресенский А. Д. Россия и Китай: парадигма взаимодействия в исторической динамике и преемственности // Восток. – 1999. – №3. – С. 45–58 [Voskressenski A.D. Mnogofaktornoe ravnovesie v mezhdunarodnyh otnoshenijah (Multi-factor equilibrium in international relations) // Politicheskaja nauka v Rossii: intellektual'nyj poisk i real'nost'. – Moscow, 2000. P. 413–440; Voskressenski A.D. Rossija i Kitaj: paradigma vzaimodejstvija v istoricheskoi dinamike i preemstvennosti (Russia and China: the paradigm of interaction in the historical dynamics and continuity) // Vostok, 1999, №3, pp. 45–58].

⁷ Денисенко В. Геополитические аспекты объединения в рамках БРИКС / *Geopolitika*, 15 апреля, 2013. Режим доступа : <http://www.geopolitika.lt/index.php?artc=5990>; Сидоров В.И. БРИКС и США: развитие партнерских отношений или угроза? // Вестник Международного славянского университета. Сер.: Экономические науки – 2012 – Т.15. – №1. – С. 118–131. [Denisenko V. 3. Geopoliticheskie aspekty obedineniia v ramkakh BRIKS (Geopolitical aspects of unification within the BRICS) / *Geopolitika*, April 15, 2013. Mode of access: <http://www.geopolitika.lt/index.php?artc=5990>; Sidorov V.I. BRIKS i SSHA: razvitie partnerskikh otnoshenii ili ugroza? (BRICS and the United States: development of partnerships or threat?) // *Vestnik Mezhdunarodnogo slavianskogo universiteta. Ser.: Ekonomicheskie nauki*, 2012, T.15, No.1, pp. 118–131].

⁴ Ibid.

⁵ Халифе-Рахм А. БРИКС может стать БРИКСИТ с Индонезией и Турцией / *La Jornada*, December 2, 2012. Режим доступа : <http://inosmi.ru/world/20121204/202953810.html> [Khalifa-Rahma A. BRIKS mozhet stat' BRIKSIT s Indoneziej i Turciej (BRICS might become BRICSIT with Indonesia and Turkey) / *La Jornada*, December 2, 2012. Mode of access: <http://inosmi.ru/world/20121204/202953810.html>].

национальных интересов двух стран, которое ранее экспертами не просматривалось. Такие варианты развития, в том числе и двусторонних отношений, способны надолго затормозить процессы построения взаимозависимых отношений нового типа.

Углубление интеграционных процессов в рамках БРИКС позволит России противостоять пагубным тенденциям изоляции и самоизоляции страны, а Бразилии и России усилить свои международные позиции. Это также частично касается и Индии. Для Китая проект БРИКС важен прежде всего с экономической точки зрения, поскольку увеличивает перспективы расширения китайской сферы экономического влияния. В перспективе страны этой группы могут превратиться в динамический вектор усиления глобальной безопасности консенсусного типа, защиты политических и финансово-экономических интересов сверхкрупных развивающихся стран в рамках международных организаций. Страны БРИКС стремятся также способствовать реформированию существующей международной финансово-экономической структуры через расширение существующей системы резервных валют путем повышения роли национальных валют во взаиморасчетах между странами-членами⁸. Конечно же осуществление этих планов потребует больших интеллектуальных усилий, политической воли и кропотливой долговременной работы.

Поскольку пока странам БРИКС не удастся уменьшить свою экономическую зависимость от других стран, т.е. экономические отношения внутри БРИКС не могут заменить их экономические взаимодействия с другими странами по целому ряду важнейших направлений, наблюдается тенденция к формированию различных механиз-

мов двустороннего сотрудничества внутри и вне объединения БРИКС. В то же время нельзя отрицать наличия многих примеров согласования позиций и стремления стран БРИКС активно взаимодействовать в качестве единой структуры. Такими примерами являются: признание Палестины, поддержка права Ирана на мирное использование атомной энергии, признание за Африкой ведущей роли при решении континентальных конфликтов, поддержка Россией и Китаем стремлений Бразилии, Индии и ЮАР к постоянному членству в Совете Безопасности ООН и многие другие.

Таким образом, правильно понятые процессы глобализации и осознание регионализации как нового тренда международных отношений привело сначала к формированию, а затем и усилению влияния региональных организаций на систему международных отношений. Понятно, что появление трансрегионального объединения региональных лидеров-стран БРИКС объективно способствовало усилению этой тенденции. Страны БРИКС сейчас формируют оригинальную модель регионального и трансрегионального сотрудничества в политической и финансово-экономической сферах путем усиления политических и экономических связей между странами-членами этого объединения. Одновременно, каждая страна в рамках объединения стремится реализовать собственные интересы для укрепления собственных национальных политико-экономических позиций на международной арене. Можно прогнозировать, что страны БРИКС при необходимости продолжат выступать как единая геополитическая сила, но создания полноценного политико-экономического интеграционного образования по разным причинам в ближайшее время не произойдет. В целом, углубление политико-экономического взаимодействия стран-членов БРИКС будет благоприятствовать закреплению регионального лидерства Бразилии, Индии и ЮАР, а также поддержке совместных, непротиворечивых геополитических устремлений Китая и России, что в целом будет важным фактором усиления тренда полицентричности и макрорегионализации в современных

⁸ Мелешко Е. Когда страны БРИКС смогут претендовать на мировое лидерство? / *Geopolitika*, 2013. Режим доступа: <http://www.geopolitics.ru/2013/02/kogda-strany-briks-smogut-pretendovat-na-mirovoe-liderstvo/> [Meleshko E. *Kogda strany BRIKS smogut pretendovat' na mirovoe liderstvo?* (When the BRICS countries will be able to claim for world leadership?) / *Geopolitika*, 2013. Mode of access: <http://www.geopolitics.ru/2013/02/kogda-strany-briks-smogut-pretendovat-na-mirovoe-liderstvo/>].

международных отношениях. Дальнейшая проработка теоретических аспектов формирования трансрегиональных объединений на основе принципов взаимозависимости и многофакторного равновесия позволит закрепить этот тренд и на его основе разра-

ботать прикладные модели неконфликтного дальнейшего встраивания сверхкрупных развивающихся стран в мировую систему политических и экономических отношений на основе полицентричности и при опоре на тренд макрорегионализации.

Теоретические аспекты исследования проблемы сотрудничества стран БРИКС

Конкин Андрей Александрович, аспирант кафедры востоковедения МГИМО МИД России, e-mail: konkin1986@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы и перспективы сотрудничества стран-членов БРИКС на основе теории взаимозависимости и концепции многофакторного равновесия. Это позволяет рассматривать макрорегиональные и трансрегиональные процессы на основе современного понимания феномена глобализации как необходимо включающего в себя на современном этапе тренды макрорегионализации и трансрегионализма. Усиление этих трендов объективно способствует перестройке мировой политико-экономической системы с образованием в перспективе развитой модели многополярного взаимодействия. Отмечены основные тенденции развития БРИКС как трансрегионального / межрегионального объединения стран-региональных лидеров посредством применения теории теории взаимозависимости и концепции многофакторного равновесия (проф. А.Д. Воскресенский). БРИКС представлен как внутренняя система взаимосвязанных и взаимовлияющих отношений в системе трансрегиональных отношений, составляющих важную часть глобального политико-экономического пространства. При этом отмечены как положительные, так и проблемные моменты текущей ситуации во взаимоотношениях пяти стран. Рассмотрены пути дальнейшего укрепления объединения БРИКС на арене международного экономического и политического взаимодействия. Подчеркивается важность сближения позиций стран-участниц БРИКС, являющегося на данный момент неформальным объединением, для усиления влияния каждой из стран, выступающих как самостоятельные акторы в глобальной политико-экономической системе. Имея ряд общих проблем, а также характеризуюсь разнохарактерными сильными и слабыми сторонами, страны-участницы БРИКС могут достичь более высокого уровня равновесного состояния, которое позволило бы усилить влияние каждой из них в глобальном пространстве. Отстаивая собственные геополитические интересы, страны БРИКС рассматривают сотрудничество в рамках объединения, прежде всего, как инструмент улучшения двустороннего взаимодействия, что не позволяет пока сформировать целостный международный политико-экономический курс, но при правильной теоретической постановке их многофакторного взаимодействия может стать основой для усиления роли всего объединения в мировой политике.

Ключевые слова: БРИКС, глобализация, системный подход, концепция многофакторного равновесия, многополярность, политико-экономическое взаимодействие.

Theoretical Aspects of the Study of Problems of BRICS Countries Cooperation

Andrey Aleksandrovich Konkin, postgraduate student of Department of Asian and African Studies (MGIMO University),
e-mail: konkin1986@mail.ru

Abstract: *The article deals with the problems and prospects of mutual cooperation between the countries-members of BRICS in the light of contemporary processes of globalization and the restructuring of the global political and economic system. It stresses the possibility to develop BRICS as the transregional association of regional leaders based on international theory of interdependence and on a concept of multi-factor equilibrium (prof. Alexei D. Voskressenski). BRICS can be seen as an interconnected system of asymmetric interactions within global political and economic space. Presented theoretical approach may help to analyze both positive and problematic aspects of the current situation in the relations between the five countries.*

Key words: *BRICS, globalization, interdependence, multi-factor equilibrium approach, multipolarity, political and economic cooperation.*

IS RUSSIA TOO UNIQUE TO LEARN FROM ABROAD? ELITE VIEWS ON FOREIGN BORROWING AND THE WEST, 1993-2012

Sharon W. Rivera

For more than two centuries, Russia has struggled to define its historical-cultural relationship with the West, as its intellectual and political elites vigorously debated whether their country should emulate Europe or follow a distinct path of development. This “Slavophile-Westernizer controversy,” as it is sometimes called, constitutes a protracted and deeply divisive national conversation, in which the Slavophiles emphasize the uniqueness of Russia and the inadvisability of importing Western models of development. Or as Tim McDaniel defines it, the Russian idea is “the conviction that Russia has its own independent, self-sufficient, and eminently worthy cultural and historical tradition that both sets it apart from the West and guarantees its future flourishing.”¹ Richard Sakwa adds, “Almost every significant writer has had something to say on the question of ‘the Russian idea,’ and the whole notion is central to the debate over Russia’s path of post-communist development and the relevance of Western notions of liberal democracy to Russia. The Russian idea in one way or another suggests a unique path for Russia...”²

Statements issued by Russia’s post-communist presidents suggest that the conceptualization of Russia’s national identity is still highly contested. Boris Yeltsin adopted a decidedly pro-Western stance early in his presidency, but in the course of a few years

found himself casting about for the creation of a national idea. The government newspaper Rossiiskaya gazeta even sponsored a public contest during his presidency to help spur the development of a unifying “idea for Russia.” Yet despite the “oceans of ink spent printing ruminations about Russia’s special path,” the contest ultimately “produced no winning pithy formula or catchy slogan.”³

Since Vladimir Putin became president in late 1999, his statements regarding this issue have been mixed, though they have increasingly emphasized Russia’s uniqueness. One Russian scholar contends that contemporary Russian identity – for both those in power and the mass public – had crystallized by 2007; one can find in it “stable verbal and speech blocs,” such as “the inappropriateness of Western models for Russia,” “our uniqueness,” and “our unique path.”⁴ These themes were on prominent

¹ McDaniel, Tim. *The Agony of the Russian Idea*. Princeton: Princeton University Press, 1996. Pp. 10-11.

² Sakwa, Richard. *Russia, Communism, Democracy // Developments in Russian and Post-Soviet Politics*. 3rd ed. Ed. by White S., Pravda A., Gitelman Z. Durham, NC: Duke University Press, 1994. P. 292.

³ Smith, Kathleen E. *Mythmaking in the New Russia: Politics and Memory During the Yeltsin Era*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2002. Pp. 158-161, 164.; See also, Зубкова Е., Куприянов А. Возвращение к «русской идее»: кризис идентичности и национальная история // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. Под редакцией Аймермахера К., Бордюгова Г. М.: АИРО-XX, 1999. – С. 299–328. [Zubkova E., Kupriyanov A. Vozvrashchenie k «Russkoi idee»: krizis identichnosti i natsional'naya istoriya (A Return to the “Russian Idea”: an identity crisis and national history) // Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh. Pod red. Aimermakhera K., Bordyugova G. Moscow: AIRO-XX. 1999. pp. 299-328].

⁴ Раскин Д.И. Русский национализм и проблематика культурно-цивилизационной идентичности // Полис. – 2007. – № 6. – С. 36. [Raskin D.I. Russkii natsionalizm i problematika kul'turno-tsvilيزاتsionnoi identichnosti (Russian

display in Putin's 2013 address to the Valdai International Discussion Club, in which the president reflected on Russia's attempts to create a "new national ideology" after 1991. Putin averred that "the attempt to construct our state and society spontaneously did not work, and neither did mechanically copying the experience of others" – what he called "crude borrowing and attempts to civilize Russia from the outside." Although inviting Russia to remain "open and receptive to the best ideas and practices of the East and the West" at the end of the speech, the thrust of his message was that the Russian state must rely on its own historical experience.⁵

Another characteristic of this period is the sharply critical view of Western countries (and especially the U.S.) that became dominant in the state-controlled media beginning in Putin's second presidential term. As a result of this sea change, and undoubtedly in part as a result, the attitude of Russian elites toward the USA have soured, such that a much higher percentage of elites now holds the views that the USA represents a threat Russia than did so in the early 1990s.⁶

These twin phenomena – the centuries-old belief in and Putin's renewed emphasis on Russia's uniqueness, and the increasingly

negative perceptions of the U.S. held by Russian elites during the post-communist period – form the basis of the following two hypotheses about how Russia's post-communist elites should view the advisability of importing models from the West. First, during any period (except in the immediate aftermath of communism's collapse) one would expect a majority of Russian elites to hew to tradition by preferring a uniquely Russian model of political and economic development. Second, one would also anticipate a sharp rise in the reluctance of Russian elites to adopt Western models over the course of Putin's tenure in power.

This article uses original elite survey data to examine these two propositions. It begins by investigating the extent to which parliamentarians and civil servants in the mid-1990s supported the view that Russia should traverse a unique path of development, or, conversely, borrow models of development from other countries, including the U.S. The article then documents the rise of anti-American attitudes among Russian elites during both the Yeltsin and Putin eras. Third, it tracks elite receptivity toward borrowing from the West over time and explores the reasons for the differences in attitudes obtained by two leading elite surveys. It concludes by offering several explanations of the counter-intuitive results produced by both surveys.

The article reaches two conclusions. First, despite Russia's long tradition of underscoring its uniqueness, close to three-quarters of Russian bureaucrats and Duma deputies in the mid-1990s were nonetheless willing to borrow from foreign experience, particularly from models of European welfare capitalism. Second, despite the sharp rise in anti-Western sentiments emanating from the Kremlin over the past decade, as well as Vladimir Putin's ever-growing emphasis on Russia's distinctiveness, Russian elites are still surprisingly willing to adopt political and economic models from the West.

DATA AND METHODOLOGY

In the first empirical section of this study, the analyses are based on data from an original survey of Russian political elites that

nationalism and the issue of cultural and civilizational identity) // *Polis*, 2007, No. 6, p. 36]; See also Aron, Leon. Why Putin Says Russia Is Exceptional // *Wall Street Journal*. May 30, 2014; Evans, Alfred B. Power and Ideology: Vladimir Putin and the Russian Political System. Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. January 2008, No. 1902, pp. 12-15.

⁵ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». 19 сентября 2013 года. [Valdai International Discussion Club Meeting, September, 19, 2013]. Mode of access: <http://kremlin.ru/news/19243>.

⁶ Zimmerman, William et al. Russian Elite–2020: Valdai Discussion Club Grantees Analytical Report, Moscow, July 2013. P. 30. See also, Понарин Э. Российская элита: Что она думает о Соединенных Штатах и почему / ПОНАРС Евразия, Аналитическая записка № 273. Август 2013. [Ponarin E. Rossiskaya elita: Chto ona dumaet o Soedinyonnykh Shtatakh i pochemu (the Russian Elite: What it thinks about the USA and why) / *PONARS Eurasia*, Policy Memo No. 273. August 2013].

I conducted between February and July 1996 in collaboration with the Russian Academy of Sciences' Institute of Sociology.⁷ For that survey, I drew two samples of national elites: 1) a random sample of parliamentary deputies in the lower house of Russia's national legislature, the State Duma; and 2) an interval sample of top-level bureaucrats working in all federal ministries except for the Ministry of Defense and the Ministry of Internal Affairs. In other words, in that study, I define political elites in the same manner as a landmark study of elites in seven advanced industrial democracies did over thirty years ago: as parliamentarians and high-ranking civil servants.⁸ As in the aforementioned study, the bureaucrats directed departments, divisions, or bureaus in federal ministries, were located in the nation's capital, and held positions roughly one to two rungs below the minister. Eighty-three Moscow-based interviews were conducted in all, with 45 deputies and 38 civil servants. Of the initial samples, 81.8% of the deputies and 74.5% of the civil servants were successfully interviewed. Those response rates mirror or surpass the rates attained in other elite studies, including the research done in Britain and Italy by Robert Putnam.⁹

In the following empirical sections, I draw on data from a six-wave series of interviews of Moscow-based foreign policy elites that span both the Yeltsin and Putin eras. The surveys – conducted in 1993, 1995, 1999, 2004, 2008, and 2012 and commissioned by William Zimmerman – include between 180 and 320 respondents each, for a total of 1,421 individuals.¹⁰ The respondents were selected on

the basis of positional criteria and were employed in a broader range of institutions than those whom I interviewed in my 1996 survey – i.e., in the media, state-owned enterprises and private businesses, academic institutes, the executive and legislative branches of the government, and the armed forces.¹¹ The sub-groups contain between thirty and forty individuals each.

ELITE RECEPTIVITY TO FOREIGN BORROWING FOLLOWING THE COLLAPSE OF COMMUNISM

Although the Slavophile-Westernizer controversy originated in pre-revolutionary Russia, intense debate about Russia's identity among political elites has continued into the contemporary era. In the post-Soviet period, Gennadii Zyuganov, the leader of the Communist Party of the Russian Federation, has been a vocal proponent of the view that Russia is an "original organism [that] has its own special laws of development." In fact, he has called Russia "a unique type of civilization – one that is the heir to and successor of the thousand-year-old tradition of Kievan Rus', the Muscovite kingdom, the Russian empire, and the Soviet Union."¹² In contrast, Russia's first president, Boris Yeltsin, emphasized the utility of borrowing from foreign models. For instance, in September 1991, Yeltsin was told in an interview that Mikhail Gorbachev had recently expressed his support for Swedish social democracy as the best model for Russia and was then asked, "What is your model, Yeltsin's model? Perhaps it is the model of

⁷ For details on the sample and interview format, see Rivera, Sharon W., Kozyreva P., Sarovskii E. Interviewing Political Elites: Lessons from Russia. // *Political Science and Politics*, 2002, Vol. 35, No. 4, pp. 683-688.

⁸ Aberbach, Joel; Putnam, Robert; Rockman, Bert. *Bureaucrats and Politicians in Western Democracies*. Cambridge: Harvard University Press, 1981.

⁹ Putnam, Robert. *The Beliefs of Politicians: Ideology, Conflict, and Democracy in Britain and Italy*. New Haven: Yale University Press, 1973. P. 15.

¹⁰ Zimmerman, William et al. *Russian Elite-2020: Valdai Discussion Club Grantees Analytical Report*, Moscow, July 2013. P. 16. The data base contains information about the months in which most of the surveys were conducted. These are:

December 1992/January 1993 for the 1993 survey; November for the 1999 survey; March/April for the 2004 survey; and July/August for the 2012 survey. In addition, William Zimmerman records that the 1995 survey was conducted in October and November. See Zimmerman, William. *The Russian People and Foreign Policy: Russian Elite and Mass Perspectives, 1993-2000*. Princeton: Princeton University Press, 2002. P. 20.

¹¹ Zimmerman, William. *Slavophiles and Westernizers Redux: Contemporary Russian Elite Perspectives // Post-Soviet Affairs*, 2005, Vol. 21, No. 3, p. 185.

¹² Зюганов Г.А. Россия и современный мир. – М.: ИИА «Обозреватель», 1995. – С. 20. [Zyuganov G.A. *Rossiia i sovremennyi mir* (Russia and the contemporary world). – Moscow: IIA «Obozrevatel'». 1995. С. 20.]; See also Remnick, David. *Resurrection: The Struggle for a New Russia*. New York: Vintage Books, 1998. Pp. 311-316.

François Mitterand's France, or John Major's Britain, or the United States, or Japan, or Spain, or Germany?" To this question, Yeltsin replied, "I would take everything together; I would take the best from each system and introduce it in Russia... You cannot just take a model and install it ready made. Maybe create a new model, but take something from the Swedish model, and why not take a piece from the Japanese model – an interesting piece – and from the French, too, especially as regards the parliamentary aspect? And in the United States, where they have 200 years of democracy... they have a definite framework for this democracy, and that's interesting too. So, in principle, I am in favor of social democracy, but nevertheless, to take the best there really is in these countries.¹³

The stamp of approval Yeltsin gave to foreign borrowing resonated among the political elites of that period as well, as illustrated by my 1996 elite survey data. In response to the question, "Could you name any country which could serve as a model for Russia with respect to its political-economic development?"¹⁴ only about a quarter of the respondents were resistant to importing models from abroad. Specifically, 26.5% of the respondents (22 in all) expressed firm opposition to borrowing from the experience of another country (see *Table 1*). I have labeled these respondents "traditionalists," or those who believe that foreign models of societal development cannot or should not be transplanted to Russian soil. In their view, Russia is too unique to adopt formulaic policy prescriptions; rather, solutions should be found within the context of history and national tradition. In other words, Russia has its own path (*svoi put'*) that it must follow. As one bureaucrat stated: "Foreign experience is hardly 100% – and not even something like 30% – applicable to Russia. It's too unique a country" (G-109).¹⁵ Another civil servant put it this way: "I don't think that Russia should emulate another country. If you remember history, before World War I Russia

was developing at a very high rate. Russia was able to provide everyone with bread and butter and meat and fur and so on... Various kinds of standard approaches to transition won't work for Russia" (G-086).

Table 1

Russian Elite Attitudes Toward the Applicability of Foreign Models

in 1996 (n=83)	%
Traditionalists	26.5
Offer no model because Russia is unique	19.3
Name a period in Soviet or pre-revolutionary Russian history as a model	7.2
Pure Voluntarists	38.6
Name one or more countries that could serve as a model for Russia	38.6
Quasi-Voluntarists	32.6
Offer no model, but mention one or more countries that have instructive and/or applicable attributes	20.5
Offer no model, but state that Russia should appropriate the best from other countries	12.1
Don't know/refuse to answer	2.4
<i>Total</i>	100.1

Source: Author's database.

Note: Percentages do not sum to 100.0% due to rounding.

The "traditionalist" label was applied not only to those who objected to the *wholesale* importation of foreign models to Russia since few policymakers would advocate the transplantation of a model without any adaptation. Indeed, as Richard Rose argues, "differences in time and space normally make impossible a carbon copy of a program in effect elsewhere."¹⁶ Rather, the essence of traditionalism, as I define it, is an unwillingness to seriously consider transferring *elements* of foreign models to Russian soil. Those who refer only to periods in Russia's past as appropriate models are also included in this category.

When pressed to elaborate on their reluctance to import foreign models to Russia, traditionalists did not proffer explanations that are prominent in the literature on democratic transitions. For example, although arguments about the uniqueness of the Russian transition from authoritarian rule often highlight the

¹³ Quoted in Colton, Timothy. Yeltsin: A Life. New York: Basic Books, 2008. Pp. 218-219.

¹⁴ See Appendix A for the original question wording in Russian.

¹⁵ These numbers refer to the interviewees in the study. 'D' denotes deputies and 'G' stands for government bureaucrats.

¹⁶ Rose, Richard. Lesson-Drawing in Public Policy: A Guide to Learning Across Time and Space. Chatham, NJ: Chatham House, 1993. P. 3.

absence of an established market economy,¹⁷ only one traditionalist discussed this issue explicitly (although another four traditionalists cited structural aspects of the Russian economy as an impediment to foreign borrowing). Political factors, such as Russia's weak political institutions, are also not prominent in their responses and were mentioned only six times.

Rather, many based their reasoning on the idea of Russian exceptionalism. Specifically, eight of the 22 traditionalists discussed the Russian mentality (*mentalitet*) as constituting a serious obstacle to borrowing ideas from abroad; eight referred to Russia's multi-ethnic and/or multi-confessional nature; nine named its long and/or distinctive history; and three mentioned its cultural traditions. Additionally, thirteen traditionalists pointed to Russia's unique geography as a barrier to the import of foreign models. The following represents a typical traditionalist commentary: "Russia is a particular (*osobennaya*) country, a unique country. There are no analogues to it in nature or the world, so to speak... All countries have their own special features. Germans have their own mentality and Russians have their own... Look, who has a history like Russia's? What country could possibly have such a history?" (D-030)

In contrast to the traditionalists, *Table 1* reveals that close to three-quarters of the elites are coded as either "pure voluntarists" or "quasi-voluntarists." "Pure voluntarists," comprising 38.6% of the respondents, were quick to name a specific country or countries that could serve as a model for Russia and usually offered a reason or two for their selection. For example, one pure voluntarist discussed the merits of both Switzerland and Sweden in terms of political institutions: "Well, I think that Switzerland is a good model – and the Swedes are also good, well organized – even though one is a republic and the other is a monarchy. But we could borrow a lot from their governmental structures... In Switzerland, there are cantons, which are essentially analogous to the subjects of the Russian Federation. They have a very high degree of freedom and independence and at the same time comply with federal legislation." (D-007)

"Quasi-voluntarists," comprising yet another 32.6% of the respondents, fall somewhere between the traditionalists and pure voluntarists. As with the traditionalists, they believe that Russia's uniqueness limits the applicability of foreign models to Russia. Yet following a voluntarist mindset, they add that partial lessons can be learned from foreign countries and/or that Russia should seek to appropriate the best that world experience has to offer. A typical quasi-voluntarist had this to say: "No, I can't name one country that we should blindly copy. First, Russia has its own historical roots, its own distinctiveness, and it's impossible to transfer various systems to Russian soil mechanically. Moreover, the results will be undesirable. We need to take all the very best that has been achieved in other countries. There should be no blind copying from a single country." (G-077)

To sum up, in 1996 close to three-fourths of the parliamentarians and bureaucrats whom I interviewed expressed receptivity to the transplantation of ideas and institutions from abroad to Russia. The remainder – constituting only slightly more than a quarter of the respondents – emphasized Russian exceptionalism and were drawn to the promise of a uniquely Russian model of development. Given the emphasis on Russia's uniqueness that has been espoused by many Russian historians, philosophers, and politicians over the last two centuries, this high degree of openness to borrowing from abroad in the mid-1990s is particularly noteworthy.

RIISING ANTI-AMERICAN SENTIMENT

Although the pro-Western euphoria of the immediate post-communist period had dissipated and anti-Western sentiment had started to rise already in the early 1990s,¹⁸ elite surveys register a sharp increase in suspicion of the West only during the latter half of the 1990s. This is illustrated by the responses to Zimmerman's survey question regarding whether "the USA represents a threat to Russian national security." As the solid line in *Figure 1* shows, in 1993, the percentage of respondents adhering to this

¹⁷ See Terry, Sarah. Thinking About Post-Communist Transitions: How Different Are They? // *Slavic Review*, 1993, Vol. 52, No. 2, p. 333-337.

¹⁸ See Aron, Leon. A Different Dance: From Tango to Minuet // *The National Interest*, Spring 1995, No. 39, pp. 27-37.

position was at its lowest, at 26.0%. By 1995, just over half (50.6%) of the respondents espoused this view, and by 1999, this figure had risen to 59.2%. The high point of concern about a threat emanating from the U.S. appeared in 2008 – the year of the Russian-Georgian war – when more than two-thirds of all respondents (69.7%) perceived the U.S. to be a threat to their country's security. Although there have been valleys as well as peaks since the early post-communist years in these threat perceptions, the percentage of elites sensing danger originating in the United States never dipped lower than 41.7% between 1995 and 2012. As Zimmerman and his collaborators write, "...although the post-crisis periods – 2004 and 2012, respectively – saw anti-American sentiment fall somewhat, it was still significantly higher in 2012 than in 1993. Moreover, the trend was observed among all [age] cohorts."¹⁹

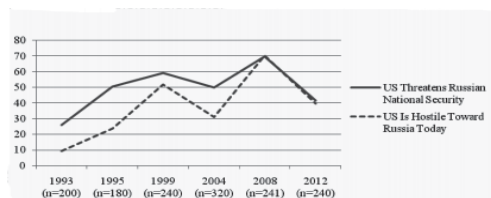


Figure 1. Anti-Americanism in the Russian Elite²⁰

Source: Data from six-wave elite survey described in William Zimmerman et al., *Russian Elite—2020: Valdai Discussion Club Grantees Analytical Report* (Moscow, July 2013).

¹⁹ Zimmerman, William et al. *Russian Elite—2020: Valdai Discussion Club Grantees Analytical Report*, Moscow, July 2013. P. 31.

²⁰ The first survey question reads as follows: "Do you think that the policy of the U.S. represents a threat to Russian security?" (1993, 1995) or "Do you think that the USA represents a threat to Russian national security?" (1999, 2004, 2008, 2012). The data points represent those who responded "yes" as a percentage of all respondents, including those who gave a "don't know" response. The second survey question reads as follows: "For each country that I will now name, please tell me your opinion about how friendly or hostile this country is toward Russia today: very friendly, rather friendly, neutral, rather hostile, or very hostile." In the 2008 and 2012 surveys, the first phrase reads: "For each international organization or country that I will now name..." The data points represent all those selecting either "rather hostile" or "very hostile" as a percentage of all respondents, including those who gave a "don't know" response.

A second question in the Zimmerman survey confirms this growing apprehension among Russian elites about the aims of the U.S. Respondents were asked for their views on a series of countries (and, beginning in 2008, international organizations). For each country, they were asked whether it was "very friendly, rather friendly, neutral, rather hostile, or very hostile" toward Russia today. As the dashed line in *Figure 1* shows, only 9.5% of all respondents in 1993 considered the U.S. to be either "rather hostile" or "very hostile." This percentage rose to 52.1% in 1999, dipped to 31.3% in 2004, and then spiked to 70.5% in 2008. Although the percentage of elites believing that the U.S. is hostile to Russia declined to 40.0% in 2012, this still represents almost a fourfold increase from the percentage espousing that position in 1993.

ATTITUDES TOWARD FOREIGN BORROWING DURING THE PUTIN YEARS

So how did this significant rise in anti-Americanism on the part of Russian elites affect their willingness to borrow from the West? Earlier I hypothesized that any elite receptivity to foreign borrowing that existed in Russia during the 1990s would have declined sharply by the time Putin returned to the presidency in 2012. To ascertain whether these expectations are borne out, I focus on this question in the six-wave set of elite surveys conducted between 1993 and 2012: some people believe that Russia should follow the path of developed countries, integrate into the world community, and absorb the experience and achievements of Western civilization. Other people, taking into account the history and geographical location of Russia at the crossroads of Europe and Asia, believe that it should follow a unique Russian path. Which of these statements is closer to your point of view?²¹

The results of these six surveys are presented in *Figure 2*. As the top (dashed) line in the figure illustrates, the percentage of respondents believing that Russia should follow its own path has indeed increased over time, but only marginally. In 1995, slightly more than half

²¹ See Appendix A for the original question wording in Russian.

of the respondents (52.8%) selected the second option in the survey question – that given its history and geographical location, Russia should “follow a unique Russian path” [*idti osobym rossiiskim putyom*]. Yet by 2012, this percentage had settled in at only 3.9 percentage points above the 1995 figure, at 56.7%. Even in 2008, when U.S.-Russian relations were at the lowest point in years, the share of respondents who favored a unique Russian path was just 5.3 percentage points higher than in 1995, or 58.1%.

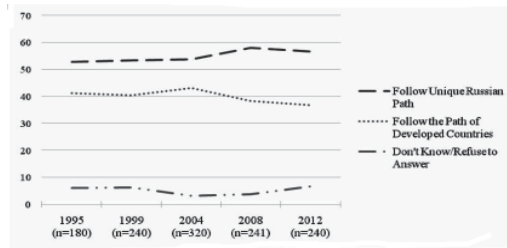


Figure 2. Russian Elite Attitudes Toward Foreign Borrowing²²

Source: Data from six-wave elite survey described in William Zimmerman et al., *Russian Elite—2020: Valdai Discussion Club Grantees Analytical Report* (Moscow, July 2013).

As with the “Slavophiles,” the trend line for the “Westernizers” exhibits remarkable stability over time. The middle (dotted) line of Figure 2 shows that in 1995, 41.1% of elites believed that “Russia should follow the path of developed countries, integrate into the world community, and absorb the experience and achievements of Western civilization.” By 2012, this percentage had fallen by only 4.4 percentage points, to 36.7%.

METHODOLOGICAL EXTENSIONS

A careful observer might notice that the overall distribution of attitudes toward borrowing

from Western models varies across the two surveys used in this analysis. Specifically, the percentage of respondents identified with the traditionally Slavophile point of view is higher in the six-wave elite survey than in my 1996 elite survey: in 1995, 52.8% of Zimmerman’s respondents believed that Russia should “follow a unique Russian path,” compared to the 26.5% of respondents whom I coded as “traditionalists” in my 1996 survey. There are several plausible explanations for this discrepancy, all of which derive from the question wording used in the surveys.

First, the six-wave survey offers only two choices – integrate with the West or follow a distinctly Russian path. No “quasi-voluntarist” position akin to the one available in the 1996 study was available to respondents who believe *both* that Russia’s uniqueness places some limitations on the applicability of foreign models to Russia *and* that useful lessons can nonetheless be gleaned from foreign countries. If such a choice had been added to Zimmerman’s forced-choice answers to more closely parallel coding used in my 1996 survey, I suspect that many of his “Slavophiles” would have selected this intermediate option.

A second reason that the distribution of Westernizers and Slavophiles differs between the two surveys relates to whether the survey question includes the phrase “unique path” (*osobyi put’*). The 1996 survey did not mention those words but instead probed respondents’ attitudes with a broad, open-ended question: “Could you name any country which could serve as a model for Russia with respect to its political-economic development?” In contrast, the Zimmerman survey asked specifically whether respondents advocated following “a unique Russian path.” This concept is a broad, widely-used phrase that encompasses a wide range of ideas, some of which are only vaguely, if at all, related to whether Russia should shun the adoption of Western models and instead turn inward for political and economic inspiration. To illustrate the imprecision of this phrase, one need only examine a survey question that the *Levada Center* has asked the Russian mass public since 2008: “When you hear about Russia’s ‘unique path,’ what, above all, comes to mind?” One possible answer (favored by 16-22% of

²² The survey question reads as follows: “Some people believe that Russia should follow the path of developed countries, integrate into the world community, and absorb the experience and achievements of Western civilization. Other people, taking into account the history and geographical location of Russia at the crossroads of Europe and Asia, believe that it should follow a unique Russian path. Which of these statements is closer to your point of view?” Percentages may not sum to 100.0% due to rounding.

respondents between 2008 and 2013, depending on the year) is indeed the “incompatibility between the values and traditions of Russia and the West.” But another answer that rivals it in popularity (favored by 15-20% of the respondents) is the following: “Giving due consideration in politics to the spiritual and moral aspects of the relationship between the state and its citizens.” And the response selected by a plurality of respondents in each year (namely, between 30-42% of respondents) is: “The economic development of the country, but with more concern for people rather than for profits or the interests of the wealthy.”²³ Since the concept of Russia’s “unique path” evokes numerous images, the elites queried in the six-wave survey likely imputed their own preferred meaning to it. As a result, the inclusion of this phrase in Zimmerman’s survey question may have attracted more respondents to the “traditionalist” position than would otherwise have been the case.

A final explanation for the higher percentage of Slavophiles in the six-wave survey is that its Westernizer option is associated only with following the route of *developed* countries and absorbing the experience and achievements of *Western* civilization. In the 1996 survey, by contrast, respondents were coded as voluntarists or quasi-voluntarists as long as they favored borrowing from *any other* country or region of the world. As a result, Zimmerman’s survey forced those willing to borrow foreign models – but from non-Western regions – to select the Slavophile response. Indeed, a closer look at the countries that the 32 voluntarist respondents in my 1996 survey mentioned as potential models suggests that such a group may have been a sizeable one. Of the 57 responses, 73.7% did focus on countries or regions that are part of the established West, but the remaining 26.3% of the countries named by the voluntarists were located in South America, Asia, or East Central Europe.

²³ Аналитический Центр Юрия Левады. Общественное мнение – 2013: Ежегодник. М.: Левада Центр. 2014. С. 36 (Таблица 3.2.4). [Analiticheskii Tsentri Yuriya Levady. Obshchestvennoe mnenie – 2013: Ezhegodnik (Analytical center Levada for public opinion polls - 2013: Annual Report). Moscow: Levada Centre. 2014. p. 36. Mode of access: <http://www.levada.ru/sites/default/files/om13.pdf>.

CONCLUSIONS

Rather quickly after communism’s demise in 1991, the initial pro-Western euphoria shared by much of the Russian elite dissipated and gave a way to what turned out to be a rather steady rise in anti-Western sentiment. Elite survey data reveal that, nevertheless, receptivity toward Western models was high in the mid-1990s. In fact, close to three-quarters of Duma deputies and federal bureaucrats were willing to borrow from the West either piecemeal or wholesale in 1996.

If these results were not surprising enough – given the longstanding attachment among Russian thinkers and politicians to the “Russian idea” – data from the later post-communist period reveal an even more counterintuitive finding. In the wake of the elevated levels of anti-American sentiment that emerged in the late 1990s and increased in the Putin era, one might have expected Russian elites to be increasingly unlikely in the 2000’s to look abroad in their search for workable solutions to Russia’s problems. Yet the data presented in this paper fail to validate this prediction. The period from 1995 to 2012 witnessed no significant rise in the percentage of elites preferring to follow a unique Russian path. Indeed, the percentage of elites favoring that option was only 3.9 percentage points higher in 2012 than in 1995. In sum, the virulent anti-Western rhetoric characteristic of Putin’s second and third presidential terms has affected Russian elite attitudes toward borrowing from the West only on the margins.

The question then arises – why is this the case? One possible explanation is that a broad cross-section of Russian elites does not wholeheartedly embrace the Kremlin’s anti-Western rhetoric. Indeed, Vladimir Shlapentokh suggests that anti-Americanism is not deeply rooted in the Russian mentality but rather ebbs and flows depending on the messages emanating from the country’s leaders.²⁴ If this is so, then elites’ views of the U.S. might mirror the Kremlin’s position at any given time but will not be particularly stable or well-entrenched.

²⁴ Shlapentokh, Vladimir. The Puzzle of Russian Anti-Americanism: From «Below» or from «Above» // *Europe-Asia Studies*, July 2011, Vol. 63, No. 5, P. 887.

In support of this interpretation, *Figure 1* shows that in 2012, after four years of Dmitrii Medvedev's presidency (which featured the well-known "reset" of US-Russian relations), elites' concern about a threat to Russian national security originating in the U.S. was the lowest it has been since 1993.

A second possibility is that Russian elites make a clear distinction between the U.S. and Europe. Thus, although anti-American sentiments may be high, Russian elites are still receptive to importing models from other Western countries. In support of this interpretation, my 1996 surveys make clear that European advanced industrial democracies are far and away the most attractive models for Russian elites. Specifically, 59.6% of all countries mentioned by the 32 pure voluntarists in that sample (i.e., individuals who believed that Russia's development might follow the path of a foreign model and named a specific country or region as an exemplar) were located in Western Europe.²⁵ Hence, elites may be willing to "follow the route of developed countries" (by which they mean Europe), while still remaining apprehensive about and suspicious of the U.S.

APPENDIX A

The Russian versions of the survey questions used in this paper are as follows:

1996 Elite Survey:

Не могли бы Вы назвать какую-либо страну, которая могла бы послужить для России образцом в отношении политико-экономического развития?

Six-Wave Elite Survey:

Одни люди полагают, что России следует идти путем развитых стран, влиться в мировое сообщество, осваивая опыт и достижения западной цивилизации. Другие люди,

исходя из истории и географического положения России, лежащей на стыке Европы и Азии, считают, что ей нужно идти особым российским путем. Какое из этих утверждений ближе к Вашей точке зрения?

a. России следует идти путем развитых стран, влиться в мировое сообщество, осваивая опыт и достижения западной цивилизации

b. Исходя из истории и географического положения России, лежащей на стыке Европы и Азии, нужно идти особым российским путем

c. Затрудняюсь ответить

Считаете ли Вы, что США представляют угрозу для безопасности России? (wording used in 1999, 2004, 2008, and 2012 surveys)

a. Да

b. Нет

c. Затрудняюсь ответить

Для каждой страны или международной организации, которую я сейчас назову, скажите, пожалуйста, насколько дружелюбно или враждебно, по Вашему мнению, она относится к России сегодня: Очень дружелюбно, довольно дружелюбно, нейтрально, довольно враждебно или очень враждебно.— США (wording used in 2008 and 2012 surveys)

a. Очень дружелюбно

b. Довольно дружелюбно

c. Нейтрально

d. Довольно враждебно

e. Очень враждебно

f. Затрудняюсь ответить

²⁵ Ривера Ш.В. Уникальный путь России? Обзор политических элит // Ученые записки, 2006. Под ред. Шутова А.Д. М.: Научная книга, 2006. — С. 46–59 (Таблица 2). [Rivera S.W. Unikal'nyi put' Rossii? Obzor politicheskikh elit (A unique Russian path? Review of political elites). // Uchyonye zapiski, 2006. Pod red. Shutova A.D. M.: Nauchnaya kniga. 2006. P. 46–59. See also Rivera, Sharon. Elites and the Diffusion of Foreign Models in Russia // *Political Studies*, March 2004, Vol. 52, No 1, pp. 43–62.

Is Russia Too Unique to Learn From Abroad? Elite Views on Foreign Borrowing and the West, 1993-2012

Sharon Werning Rivera, PhD, Associate Professor of Hamilton College, Member of the Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies

Abstract: For more than two centuries, Russia has struggled to define its historical-cultural relationship with the West, as its intellectual and political elites vigorously debated whether their country should emulate Europe or follow a distinct path of development. This article uses original elite survey data to examine these two propositions. The article reaches two conclusions. First, despite Russia's long tradition of underscoring its uniqueness, close to three-quarters of Russian bureaucrats and Duma deputies in the mid-1990s were nonetheless willing to borrow from foreign experience, particularly from the models of European welfare capitalism. Second, despite the sharp rise in anti-Western sentiments emanating from the Kremlin over the past decade, as well as Vladimir Putin's ever-growing emphasis on Russia's distinctiveness, Russian elites are still surprisingly willing to adopt political and economic models from the West.

Key words: Russia, the West, development, civilization, democratization, Slavophiles, Westernizer, elite, elite survey, civil society, identity.

Настолько ли уникальна Россия, чтобы игнорировать чужой опыт? Мнения элит о Западе и о возможностях заимствования зарубежных моделей развития (1993–2012)

Шарон Вернинг Ривера, PhD, доцент Гамильтон-колледжа, член Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований

Аннотация: Более двухсот лет в России продолжают дискуссии о характере историко-культурных связей с Западом: представители российской интеллигенции и политических элит спорят о том, должна ли страна заимствовать западную модель развития или избрать свой собственный путь. В настоящей статье автор использует метод опроса элит для того, чтобы оценить идейную «расстановку сил» по данному вопросу, что позволило прийти к двум выводам. Во-первых, несмотря на подчеркивание Россией своей уникальности, в середине 1990-х годов около 75% всех российских бюрократов и депутатов Государственной Думы выступали за заимствование чужого опыта, прежде всего, моделей европейского капитализма и государств благосостояния. Во-вторых, несмотря на значительный рост антизападных настроений, спровоцированный Кремлем, в последние 10 лет, несмотря на постоянный акцент на российской уникальности, который делает Президент, удивительно, но российские элиты все еще стремятся к заимствованию политических и экономических моделей Запада.

Ключевые слова: Россия, Запад, развитие, цивилизация, демократизация, славянофилы, западники, элиты, опрос элит, гражданское общество, идентичность.

НОВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ИДЕОКРАТИЯ И РОССИЯ

А.В. Лукин

В конце XX – начале XXI века мир вступил в полосу новых международных конфликтов и военных акций, уносящих жизни многих людей и дестабилизирующих ситуацию в целых регионах. По своему характеру они принципиально отличаются от конфликтов периода «холодной войны» и имеют общую основу. В период «холодной войны» локальные вооруженные конфликты, вызванные, например, территориальными спорами между небольшими государствами, или внутренняя дестабилизация, ставшая последствием переворота или гражданской войны, часто вели к вмешательству двух основных лагерей мировой политики, возглавляемыми США и СССР. Это вмешательство, с одной стороны, усугубляло ситуацию, но, с другой, проводилось в рамках определенных правил. Так, например, между двумя основными лагерями возможна была договоренность на основе применения принципа «сфер влияния», как это было в Венгрии в 1956 г. или Чехословакии 1968 г., относившихся к признанной Западом советской сфере влияния, либо во Франции в 1968, в Гренаде в 1983 или в Панаме в 1989 г., входивших в сферу влияния США. Эта линия в основном продолжала идеи разделения мира на сферы влияния, закрепленные в Ялтинском соглашении.

Затяжные войны происходили в основном на буферной территории, которая не относилась к сфере влияния одного из центров и являлась территорией геополитического соперничества. Но и в этом случае иногда были возможны попытки мирного урегулирования, основанного на давлении союзников на своих клиентов, неудачные (Вьетнам) или удачные (Корея). Хотя с обеих сторон

эти конфликты имели серьезную идеологическую основу, а именно, борьбу советской идеологии коммунизма и западной идеологии «демократизма», конечной целью которых было распространение идеальной общественной системы на весь мир, их также можно было рассматривать с точки зрения внешнеполитического реализма: теорий борьбы за сферы влияния и баланса сил.

После распада СССР ситуация принципиально изменилась. С исчезновением СССР умерла и советская идеология. Россия больше не рассматривала мир как объект распространения собственной идеальной политической модели. Она стала постепенно возвращаться к традиционным для постсоветского мира подходам: защите суверенитета и влияния прежде всего в собственном регионе. Так продолжало видеть мир и большинство других государств, не входивших в сферу влияния Запада, в том числе, и сохранивших коммунистические режимы. Китай и Вьетнам, например, также отказались как от традиционного сталинского коммунизма во внутренней политике, так и от коммунистического мессианства в подходе к внешнему миру.

Расширившийся же лагерь Запада воспринял крах СССР как победу собственной идеологии, которая лишь укрепила идеологические основы внешней политики. И во внутренней, и во внешней политике Запад все более стал превращаться в *международную идеократическую систему*, в которой идеология практически полностью подмяла под себя реализм и способность оценивать проблемы с прагматической точки зрения. Согласно новой западной внешнеполитической идеологии, все сферы вли-

яния ушли в прошлое и не признаются, за исключением сферы влияния самого Запада. Она распространяется на весь мир, так как, с точки зрения самого Запада, является не сферой влияния, а объектом распространения передовой модели общественного устройства, которую естественным образом должны желать принять народы всех стран мира. Поэтому вмешательство в их дела, в локальные конфликты на их территории или между ними на стороне, отстаивающей эту модель, является не только легитимным, но и необходимым. Досадными исключениями здесь стали некоторые крупные страны, особенно обладающие ядерным оружием (Россия, Китай, в какой-то степени другие государства БРИКС), демократизировать которые немедленно оказалось невозможным, но которые все равно необходимо хотя бы лишить права иметь собственные интересы во внешнем мире (так как они идут против «прогресса», то есть распространения единственно верной модели). Воспользовавшись своим превосходящим влиянием в международных организациях, США и их союзники попытались перестроить в интересах этой модели всю систему международного права, выдвинув концепции «гуманитарной интервенции», «ответственности по защите», «глобального управления», и интерпретируя в их духе понятия «международного сообщества», «универсальных ценностей» и т.п. По сути, сама идея глобального управления была направлена на утверждение доминирования Запада в мире. Другие страны, в особенности, наиболее крупные из них, сначала вяло, а потом более активно начали выступать за реформирование этой системы с целью приобретения большей роли и влияния. В этом суть деятельности их крупнейшего объединения – БРИКС.

В результате большинство международных конфликтов в мире получили новый характер. Причина их обострения, а иногда и возникновения – не вмешательство примерно равных центров силы с целью поддержки противоборствующих сторон, но столкновение двух иных, но не менее антагонистических факторов: идеократии Запада и традиционного подхода к государственности и международному устройству. В Югос-

лавии, Ираке, Ливии, Сирии и на Украине Запад имеет дело с совершенно непонятным ему, устаревшим с его точки зрения мировоззрением. Согласно западным идеологам, жители всех государств мира должны естественным образом стремиться к «правильной» социально-политической модели, потому что она соответствует коренным чаяниям человека – «свободе», «демократии», «благополучию». Если утверждение этой модели в каком-то государстве сталкивается с трудностями, это означает, что «народ» там не имеет власти: тиран, диктатор или враждебная «демократии» внешняя сила навязывает им ему неестественные взгляды. Любой внутренний и международный конфликт рассматривается как борьба прозападных демократических сил прогресса и антидемократического регресса: какая-то фракция, группа или государство назначается на роль прогрессивных, другие – на роль регрессивных, и прогрессивным оказывается всевозможная помощь, вплоть до военной. Прогрессивная сторона пропагандируется всей мощью западных СМИ, другая сторона демонизируется.

Этот подход неплохо работал в 90-е годы XX века в Восточной Европе, когда США и их союзники имели дело с близкими по культуре народами, которые, к тому же помня о недавнем советском господстве, рассматривали подключение к системе западных союзов и объединений как гарантию защиты от новых воображаемых угроз с Востока. Несмотря на некоторые культурно-ценностные разногласия с отдельными странами, не полностью разделявшими все «европейские ценности» (Греция, Болгария, Венгрия, Польша), расширение НАТО и ЕС на Восточную Европу первоначально прошло более или менее гладко. Однако дальше Запад встретился с гораздо более серьезными проблемами.

В Восточной Европе «прогрессивные» прозападные силы быстро свергли вялые коммунистические режимы, державшиеся только на репрессиях и советской поддержке. Но, что гораздо более важно, пришедшее к власти «гражданское общество» установило новую систему, более или менее отвечающую западной идеологической

модели. Некоторые трудности, связанные с коррупцией, влиянием традиционных религиозных ценностей и т.п., рассматривались как дело временное, связанное с неопытностью. Но уже свержение коммунистического режима в большинстве государств бывшего СССР выявили проблему – политическая система этих государств не соответствовала ожиданиям. Непонятна была и судьба Турции. Но особенно остро эта проблема дала о себе знать в арабских странах: вместо демократии в результате войн и «цветных революций» на смену правившим авторитарным режимам в Ираке, Ливии и Сирии вместо демократии пришли хаос и гражданские войны.

Объективная причина этого – явное противоречие между западной идеологией и реальностью. Большинство государств мира населено народами разных культурных традиций, они по-разному представляют себе оптимальную социально-политическую модель, по-разному решают конфликты. И почти нигде, за исключением США и Европы, эти представления, часто опирающиеся на различные глубоко укоренившиеся системы религиозных и мировоззренческих ценностей, не совпадают с американскими и европейскими¹. Не по-западному видят мир и их лидеры. Они традиционно считают абсолютным свое право на суверенитет и не согласны менять свою политику по требованию из Вашингтона или Брюсселя. Частично это действительно обусловлено их стремлением сохранить власть, частично – лучшим пониманием своего народа и ситуации в стране. Например, М. Каддафи, один из наиболее жестоких и циничных диктаторов Ближнего Востока, с большим трудом объединивший Ливию и жестоко подавлявший исламский радикализм, предупреждал, что в случае его свержения Ливия станет базой терроризма, а

в Европу устремятся тысячи беженцев². Он пошел на значительные уступки Западу ради экономического сотрудничества и ожидал, что тот будет действовать прагматически, в своих интересах. Но он недооценил идеологизированности политики Западу, в результате был убит, но относительно будущего своей страны оказался прав. То же самое произошло в Ираке и Сирии.

Идеологизированный подход Западу крайне примитивен. Даже коммунистическая идеология предполагала, что идеальное общественное устройство в каждой конкретной стране должно возникнуть на определенном этапе исторического развития, когда она достигнет определенного уровня развития производительных сил. Конечно, в ряде конкретных случаев, советская помощь и власть местных «прогрессивных» прокоммунистических сил рассматривались как ускоряющий фактор. Но все же в отсталых странах коммунизм рекомендовалось строить не сразу, а после переходного периода, в течение которого разрешались некоторые буржуазные послабления: частная собственность, некоторые элементы политического плюрализма и т.п. Идея о том, что народы всех стран уже сегодня готовы принять ценности «демократизма» в полном объеме, в том числе и их моральные аспекты, отвергаемые абсолютным большинством религий мира, гораздо более наивна и взрывоопасна.

Нельзя сказать, что в западном научном сообществе опасность навязывания западной модели другим обществам не обсуждалась. Одной из причин появления концепции «политической культуры» в 60-е годы XX века стал анализ ее авторами, Г. Алмондом и С. Вербой, того факта, что политические институты, навязанные европейскими колонизаторами народам колоний, после приобретения независимости приобретают совершенно другие функции и наполняются иным содержанием, чем те, что были задуманы европейцами. Не отказываясь от идеи превосходства западной социально-политической модели, они, вполне в марк-

¹ Подробнее см.: Лукин А. В. Столкновение ценностей в современном мире и перспективы евразийской интеграции // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 6. – С. 102-113. [Lukin A. V. Stolknoenie cennostej v sovremennom mire i perspektivy evrazijskoj integracii (The clash of values in the modern world, and the prospects of Eurasian integration) // Polis. Politicheskie issledovanija, 2014, № 6, pp. 102-113].

² Flanagan, Padraic. Colonel Gaddafi: Immigrants Will Invade Europe // *Express*, March 8, 2011. Mode of access: <http://www.express.co.uk/news/world/233238/Colonel-Gaddafi-Immigrants-will-invade-Europe>.

систском стиле, создали схему поэтапного к ней движения от наиболее отсталой, «приходской» культуры (сам термин в какой-то степени говорил об «отсталости» религиозных структур) до передовой, «гражданской», характерной для современного Запада. Но в то же время они говорили и о неприемлемости передовых институтов для отсталой политической культуры³. Однако эти и подобные предостережения не оказали влияния на политическую идеологию и практическую политику.

Эта идеология доминирует и будет и впредь доминировать на Западе, и он в обозримом будущем не сможет проводить иную политику. Это объясняется тем, что идеологизированность западной внешней политики является лишь частью всеобъемлющей западной идеократической системы, основанной на длительном развитии глубинных социально-экономических процессов.

ИДЕОЛОГИЯ

Хотя исследования концепции идеологии не входят в мейнстрим западной мысли, проблема идеологизации общества конца XIX – первой половины XX века довольно хорошо изучена в рамках нескольких интеллектуальных традиций. Еще со времен С.Кьеркегора, К. Маркса и Ф. Ницше был поставлен вопрос о превращении представлений и теорий, которые ранее рассматривались как объективные, в некую систему клише и стереотипов, которые выполняют в обществе определенную функцию, связанную с личностью и интересами тех, кто их формулирует. Если С. Кьеркегор выступил против религиозного догматизма, то Ф. Ницше критиковал всю культурную систему в целом. К. Маркс, первым назвавший эти функциональные системы представлений «идеологией» (до него этот термин имел другое значение), рассматривал их как всю систему господствующей культуры, выполняющую функции оправдания привиле-

гированного положения господствующих классов⁴.

Так возник подход, который П. Рикер позднее назвал «школой подозрения»⁵: подозрения в том, что мысли и их системы бывают не тем, за что себя выдают, а именно не плодом индивидуальной работы, а использованием готовых клише, с помощью которых они обманывают окружающих, да и самих их авторов в отношении своей истинной сущности. В действительности же за этими клише стоит не что иное, как интересы социальных групп (у марксистов) или психологические особенности личности (у З. Фрейда или В. Парето).

В дальнейшем эту тему продолжали многие философы марксистской традиции (хотя и не только они). Это и понятно, так как официальные науки, в особенности зародившаяся в США политология, будучи частью официальной идеологии, продолжали рассматривать «научные» (прежде всего, западные) представления о мире как объективные и единственно верные. В результате в отношении идеологии западного общества XX века, несмотря на все различия деталей подходов различных авторов, было сформулировано несколько важных положений.

1. Положение об идеологии как системе представлений, норм и принципов, действующих как механизм сохранения и воспроизводства данной общественной системы и, следовательно, отражающей интересы тех, кто в таком сохранении заинтересован. Эта линия идет от самого К. Маркса, говорившего о фетишизации отношений, то есть о восприятии общественных отношений как предметов. Она была развита поздними марксистами, в частности Г. Лукачем в концепции идеологии как «ложного сознания», «приписанного классового сознания», основанного на «овеществлении» общественных отношений. Постулировалось, что за «ложным сознанием» скрывается нечто истинное,

³ Gabriel, Almond; Verba, Sidney. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1963. Pp. 3-5.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Собр. соч., изд. 2, т. 3. – М.: Политиздат, 1955. – С.25. [Marks K., Jengel's F. Nemeckaja ideologija (German ideology) / Sobr. soch., Ed. 2, Vol. 3. – Moscow: Politizdat, 1955. P.25].

⁵ Ricoeur, Paul. Freud and Philosophy. – New Haven: Yale University Press, 1970. P. 32.

адекватно отражающее реальность. Это было характерно для марксизма, смело применяющего критический подход к любой идеологии, кроме своей собственной, что получило яркое выражение в теории пролетарской идеологии как объективной науке, сформулированной В.И. Лениным. Немарксистские теории идеологии, подтверждая ее всеобщий, господствующий и навязываемый характер, уходят от этой проблемы, склоняясь к релятивизму (К. Маннгейм, Т. Парсонс).

2. Идея о том, что идеология исполняет важнейшую функцию интеграции индивидов в общество, давая им ориентиры и создавая понятную картину мира. Еще К.Маркс отмечал, что «в буржуазном обществе различные функции взаимно предполагают друг друга», а «антагонизмы в области материального производства делают необходимой надстройку из идеологических сословий, деятельность которых, – хороша ли она или дурна, – хороша потому, что необходима»⁶. Согласно Л. Альтюссеру, категория субъекта «является конституирующей для всякой идеологии постольку, поскольку всякая идеология имеет функцию (которая определяет ее сущность) «конституирования» конкретных индивидов в субъекты»⁷. Утверждая, что каждая идеология строится вокруг некоего центра – Субъекта (это может быть Бог, нация, государство, класс и т.п.), и вводя понятие «интерпелляции» - принятия субъектом роли, навязываемой идеологией, Л. Альтюссер отмечает, что «индивид подвергается интерпелляции как (свободный) субъект для того, чтобы он свободно следовал заповедям Субъекта, т.е. для того чтобы он (свободно) принимал свое подчинение»⁸.

3. Важнейшее положение о том, что хотя идеология существовала во все времена, в индустриальном (капиталистическом) обществе ее интегрирующая и, соответ-

ственно, закрепляющая роль существенно повысилась, что связано с существенными изменениями самого характера этого общества. Г. Лукач, например, обращал внимание на то, что при капитализме труд принципиально меняется, он абстрагируется от своего конкретного содержания, приобретает характер товара и становится жестко рациональным и четко калькулируемым. Труд отчуждается от личности работника и противопоставляется ей как чуждая объективная сила. Старые формы производства побеждаются новыми, возникает сплошная капитализация всего общества (торговый капитал, роль денег как сокровища или как денежного капитала и т.д.). «Товарный характер товара, абстрактно-количественная форма калькулируемости проявляются здесь в своей полной чистоте: эта форма, таким образом, становится для овеществленного сознания формой проявления его подлинной непосредственности, за пределы которой оно, будучи овеществленным сознанием, и не помышляет выходить. Напротив, оно стремится закрепить ее и увековечить путем «научного углубления» в схватываемые здесь закономерности. Подобно тому, как экономически капиталистическая система беспрестанно производит и воспроизводит себя на все более высокой ступени, точно так же в ходе развития капитализма структура овеществления погружается в сознание людей все более глубоко, судьбоносно и конститутивно», – пишет Г. Лукач⁹.

Тончайший анализ сознания М.К. Мамардашвили выделял схожие предпосылки возникновения современных идеологий: 1) появление «идеологических социальных структур» или «массового общества» (значительного слоя населения с относительно высоким уровнем жизни, живущих за счет творческого и высокотехнологичного труда других, что сделало возможным массовое размножение труда в

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала») / Собр. соч., изд. 2, т. 26. – М.: Политиздат, 1955. – С.281. [Marks K., Jengel's F. Teorii pribavocnoy stoimosti (IV tom «Kapitala») (Theories of added value / Capital. Vol. IV) / Sobr. soch., izd. 2, Vol. 26. – Moscow: Politizdat, 1955. P. 281].

⁷ Luis Althusser. Lenin and Philosophy and Other Essays. – London: New Left Books, 1971. P. 160.

⁸ Ibid. P.169.

⁹ Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. – М.: Логос-Альтера, 2003. – С. 189. [Lukach G. Istorija i klassovoe soznanie. Issledovanija po marksistskoj dialektike (History and class consciousness. Research on Marxists' dialectics). – Moscow: Logos-Al'tera, 2003. P. 189].

виде продуктов); 2) массовость духовного производства, безличный характер интеллектуального труда за счет его специализации и индустриализации. Это делает возможным и необходимым намеренную фабрикацию сознания, «чтобы охватывать головы людей так, чтобы в действиях этих людей воспроизводились, реализовывались те или иные социальные проекты и задачи», в результате чего «через одинаковость их мышления достигается какая-то одинаковость их поведения»¹⁰.

Особая роль в этом процессе принадлежит появляющимся в XX веке средствам массовой коммуникации, что позволяет в условиях решенности основных задач просвещения (ликвидации неграмотности, демократизации культуры) любому человеку выступать в качестве производителя или потребителя продуктов духовного производства¹¹. Идеология в этом новом обществе дает массовому потребителю жизненные ориентиры и делает его жизнь в обществе осмысленной и значимой, тем самым заставляя его добровольно оправдывать и воспроизводить существующую общественную структуру.

Интересно, что впитавший и переработавший марксизм, но не являвшийся его сторонником М.К. Мамардашвили относит полную реализацию этой модели к эксцессам западного развития – германскому фашизму и советскому коммунизму, но не к самому мейнстриму западного общества, которое, как он считал, восприняло подобный анализ как предостережение и преодолело последствия. Это связано с характерной для него общей линией: переносом анализа феномена мышления как продукта индивидуального постоянного творческого усилия на социальное развитие. Сточки зрения М.К. Мамардашвили, создание и функционирование институтов «сложного» демократического общества, основанного на разделении вла-

стей и верховенстве закона, также требует такого усилия. В этом смысле, так же как мыслящий человек только и является человеком, такое общество (то есть, западное) только и является обществом, все остальные общности простые, в них реального развития, реальной общественной жизни «не случилось» (конечно, примеры М.К. Мамардашвили приводит прежде всего из российской и советской действительности). В этом отношении он идет вполне в стиле классической западной мысли, многие представители которой (Ш. Монтескье, Г. Гегель, Дж.С. Милль, в России – П.Я Чаадаев и др.) считали, что истинное развитие и свобода характерны только для Европы, а другие части света, прежде всего, Азия, – царство застоя, рабства, скудости мысли.

Используя разделяемый М.К. Мамардашвили подход «подозрения», в его идеализации западного общества можно увидеть и влияние Гегеля, считавшего прусскую монархию близкой к идеальному государству, и поставленный «с головы на ноги» советский марксизм, почитавший идеальным государством СССР. Кроме того, нелюбовь к СССР М.К. Мамардашвили была вызвана личным опытом и «грузинским» взглядом на советскую действительность, заострявшим собственную отстраненность от СССР как империи «русских».

Конечно, до конца «холодной войны», когда М.К. Мамардашвили читал свои лекции, западное общество было еще гораздо более «нормальным», чем советское. Но все же попытка идеализации такого переходящего явления, как социальное устройство конкретного общества в конкретный период, выведение его превосходства из общих философских закономерностей со временем стали казаться устаревшими и даже курьезными.

Ход исторического развития показал, что хотя первоначально тоталитарные советская и нацистская системы действительно были наиболее радикальными примерами господства идеологии, т.н. «демократические» государства также, хотя и в несколько более мягком и скрытом виде, пошли по пути идеологизации. В них также сложилась идеократическая система.

¹⁰ Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. – М.: Азбука, 2014. – С. 63. [Mamardashvili M.K. Ocherk sovremennoj evropejskoj filosofii (Analytical review of modern European philosophy). – Moscow: Azbuka, 2014. P. 63].

¹¹ Ibid. P. 63.

ИДЕОКРАТИЯ

Общественную систему, основанную на идеологии, обычно называют идеократией. Авторы одного из немногих монографических исследований идеократии Я.Пекалкевич и А.Пенн пишут: «Легитимность идеократической политической системы вытекает из принципов монистической идеологии. Предполагается, что те, кто принимают решения в этой системе, используют строго определенную систему критериев, которая позволяет им абсолютно верно интерпретировать события. Поэтому их решения безошибочны. От других типов политических систем идеократию отличает тот факт, что она выводит легитимность своих конкретных программ действия *исключительно* из положений самой идеологии. В отличие от нее в других системах политическое действие оправдывается отсылкой не только к конкретной идеологии, но и к стандартам, источниками которых являются иные своды правил, например, нормы, регулирующие политическое поведение, научные исследования, художественное творчество – нормы, вытекающие из сферы человеческого поведения»¹².

При этом идеологию они определяют, как «интегрированный набор, теорий, утверждений и целей, составляющих общую программу организации общественной жизни. Она состоит из взгляда на прошлое, настоящее и будущее, на котором основана программа политического действия»¹³. Отличие монистической идеологии состоит в том, что «реальность может быть интерпретирована на основе универсально верного и исчерпывающего набора идей. В то время как другие идеологии являются частичными по своему интерпретационному охвату, монистическая идеология претендует на то, чтобы быть всеобъемлющей и абсолютной. Она подразумевает объяснение всех аспектов реальности. В связи с этим, она отвергает любое разделение различных областей человеческого поведения, включая разделение политической, социальной, экономической,

этической и эстетической сфер человеческой деятельности. Поэтому политическая система рассматривается как включающая в себя все сферы человеческого общества. Монизм также отрицает необходимость условных допущений, связанных со сложностью, но вместо этого утверждает абсолютное знание реальности, которое не принимает во внимание более непосредственное чувство неопределенности»¹⁴.

Соглашаясь с тем, что наиболее изученным видом идеократии являются тоталитарные режимы XX века (нацистской Германии и сталинского СССР), авторы выделяют и второй ее «идеальный тип»: популистскую идеократию. Такая идеократия «основана на ее добровольном принятии, обусловленном высоким уровнем поддержки широко распространенной монистической идеологии»¹⁵. Ее примерами Я. Пекалкевич и А. Пенн считают некоторые небольшие замкнутые политические образования, в частности, кальвинистскую Женеву и Содружество Массачусетс. Таким образом, если в тоталитарной идеократии основную роль играет насильственное навязывание идеологических постулатов, то в популистской – их добровольное (или кажущееся добровольным) принятие большинством.

Я. Пекалкевич и А. Пенн признают, что все общества, в том числе и демократические, не чужды каких-то форм идеологии. Однако демократия отличается от идеократии идеологическим плюрализмом, который противопоставляется идеологическому монизму. В качестве примера они приводят США, в политической системе которых имеется «набор широко распространенных убеждений, который способствует избирательной интерпретации истории, современной реальности и принципов, на которых основана система. В американском случае эта система убеждений включает в себя такие концепции, как правление, осуществляемое народом, управление по закону, неотъемлемые права человека, триумф демократии и т.д.»¹⁶ Но отличие американской плюралистической системы от монизма идеократии состоит в том, что «кон-

¹² Piekalkiewicz, Jaroslaw; Penn, Alfred Wayne. Politics of Ideocracy. – Albany: State University of New York Press, 1995. Pp. 26-27.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P.27.

¹⁵ Ibid. P.28-29.

¹⁶ Ibid.

фликтами по поводу значений этих убеждений и их применения полна американская история»¹⁷, в то время как при монизме такие дискуссии невозможны.

Если сравнивать американскую или современные европейские политические системы со сталинской или гитлеровской, то американские теоретики, безусловно сходятся в том, что первые гораздо более плюралистичны. Но плюрализм здесь – вопрос степени. Нельзя сказать, что в тоталитарных обществах не велись никакие дискуссии относительно истории или политической системы. Дискуссии были, и даже очень острые, но их область была крайне узка, а рамки и формы дозволенного серьезно ограничены. Однако и в современном западном обществе рамки дозволенного, хотя и гораздо более широки, не только существуют, но и постоянно сужаются.

Сами Я. Пекалкевич и А. Пенн указывают на эти рамки, говоря о том, что в американском обществе может вестись дискуссия по некоторому набору убеждений, однако набор этот ограничен и избирателен. Дискуссия же по другим убеждениям вряд ли возможна. Да и пример оправдания политического действия в неидеологических системах не идеологией, а сводами правил, нормами, научными исследованиями, художественным творчеством и т.п. также малоубедителен, так все это в современном мире в большой степени также относится к идеологии.

Яркие свидетельства тому – появление идеи «политической корректности» и распространение в самое последнее время в университетах и других учреждениях различных «кодов языкового общения». По мнению некоторых наблюдателей, подобные коды порождают новое явление: «карательную оборонительность» и создают культуру, «в которой каждый должен дважды подумать, перед тем, как говорить, чтобы не быть обвиненным в бесчувственности, агрессии или даже в чем-то худшем»¹⁸. Такая культура хорошо знакома всем, кто жил в СССР.

Абсолютная свобода слова в западном обществе – не более чем идеологическое клише. В США или Европе вполне можно обсуждать вопрос о том, какая демократия лучше и как ее достигнуть, но не о том, нужна ли демократия вообще. Можно говорить о лучших способах борьбы за равенство женщин и мужчин, белых и черных, но не о том, равны ли они по природным способностям. Пока еще можно обсуждать, разумны ли гомосексуальные браки, но уже нельзя считать гомосексуализм болезнью или даже отклонением. Конечно, за неправильные мнения вас не посадят в лагерь или не будут пытаться в Гестапо, но с большой долей вероятности уволят с престижной должности, подвергнут остракизму в прессе и отлучат от приличного общества. А за некоторые мнения уже вполне могут и подвергнуть административному или уголовному преследованию: например, за отрицание Холокоста, а в некоторых странах – и геноцида армян, за непризнание гомосексуализма нормой, за распространение нежелательной информации.

Кроме сужающихся рамок дозволенного, налицо и движение господствующей идеологии в сторону монизма. Взять хотя бы теорию естественных, неотъемлемых прав личности и выросшей из нее концепции общечеловеческих ценностей. Еще век-полтора назад это была всего лишь одна из теорий; основатель утилитаризма И. Бэн-там называл естественные права «обычной чепухой», а естественные и неотъемлемые права – «риторической чепухой» или «чепухой на ходулях»¹⁹. Сегодня же «права человека» – предмет веры, центр господствующей идеологии, в котором нельзя сомневаться. Такими же предметами веры стали понятия «демократия», «рыночная экономика», «глобализация», «гуманитарная интервенция» и т.п. По существу, господствующая идеология превращается в светскую религию, со своими святыми понятиями, которые являются объектами по-

¹⁷ Ibid. P.25-26.

¹⁸ Lukianoff, Greg; Haidt, Jonathan. The Coding of the American Mind / The Atlantic, September 2015. Mode of access: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/09/the-coddling-of-the-american-mind/399356/>.

¹⁹ An Examination of the Declaration of the Rights of the Man and the Citizen Decreed by the Constituent Assembly in France / The Works of Jeremy Bentham, Now First Collected: Under the Superintendence of His Executor, John Bowring. – Edinburgh, 1839. P. 501.

клонения, фетишами (на этот раз в прямом, а не марксистском смысле). Причем эта новая религия выходит за рамки национальных государств, становится идеологией всего западного мира и, точно также, как и советский марксизм, пытается выдать себя за научную и универсальную.

В полном соответствии с определением монизма Я. Пекалкевича и А. Пенна расширяется сфера охвата западной идеологии: она уже затрагивает не только политику, но и регламентирует семейные отношения, отношения между сослуживцами и коллегами, определяет формы воспитания и образования детей и т.п. Различные стороны жизни общества и научного знания сливаются в ней в единое целое: под нужды идеологии подстраивается медицина (доказывая, что гомосексуализм и многие психические расстройства – более не отклонения, а норма), антропология (отрицая наличие человеческих рас) и другие науки. Происходит стирание грани между научным знанием и идеологическим постулатом: и за тем, и за другим стоит не объективное, научное исследование, но интересы лоббистских групп. Идет всемирное потепление, или нет, полезен алкоголь или вреден, хороши ли ГМО, эффективны ли те или иные лекарства или вредны определяется в рекламной борьбе производителей той или иной продукции и их конкурентов, а также представляющих их интересы политиков и СМИ, которые спонсируют соответствующие исследования.

Конечно, западное общество значительно уступает тоталитарным и даже авторитарным режимам по уровню репрессий. Но это еще не означает, что его идеология не является монистической. Ее повсеместное господство обеспечивается значительно более высоким уровнем убежденности субъектов, принятием ее постулатов обществом (такая убежденность в СССР, например, особенно в последний период его существования практически отсутствовала). Таким образом, жесткие репрессии не только не применяются в соответствии с идеологическими постулатами, но они становятся объективно ненужными. Такая система вполне соответствует модели популистской идеократии.

«ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО» И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Движение западной идеологии в сторону монизма основано на значительных изменениях в уровне развития технологий и эволюции общественной структуры в конце XX – начале XXI веков. Во-первых, рыночная экономика в сочетании с повышением производительности труда создавала все больше возможностей для безбедного и не требующего чрезмерных усилий существования значительной части населения.

Слой «масс», рост влияния которого заметил в конце XIX - первой половине XX веков Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет и другие теоретики «восстания масс», значительно увеличился, чему не в малой степени способствовало создание т.н. «государства всеобщего благоденствия». При этом развитие рыночной экономики привело к зависимости элит, руководящих производством, от растущих масс, заигрыванию с ними, потаканию их интересам и вкусам.

Это привело, в частности, к снижению уровня образования, которое, согласно новой идеологии, должно стать доступным, простым, нравиться тем, кто его получает и не заставлять их особо напрягаться. Тот же процесс привел к фактическому уничтожению высокого классического стиля в искусстве, который более не востребован и не может быть продан. Культурный низ соединился с культурным верхом, всегда существовавшая скоморошеская похабщина, ранее предназначавшаяся для развлечения необразованной части населения, захватила оперные театры и выставочные залы, а примитивные псевдофилософские рассуждения распространяются вместе с любовными романами и детективами. Эта тенденция выражается и в эстетике – например, в концепции перформанса – яркого и бессмысленного действия, которое, в отличие от статичных картин, может заинтересовать обывателя. Кумирами мира массовой культуры становятся не те, кто добивается совершенства в своем искусстве долгим обучением и упорным трудом, но женщины, т.н. «модели», прославившиеся лишь внешнем видом и красивой походкой, певцы без голоса, музыканты-любители, ни-

где не обучавшиеся, но выступающие с примитивной и хорошо понятными большинству музыкой и словами.

На передний план выходят те, кто способен привлекать внимание примитивным эпатажем, выдавая за объекты искусства разбитые унитазы, инсталляции из использованных банок из-под кока-колы. Музыка становится примитивной, для того чтобы стать более понятной, громкой и ритмичной. Объективные критерии художественности пропадают так же, как и критерии качества того или иного товара, верности того или иного положения, правдивости той или иной новости. И так как художником, актером, писателем и музыкантом теперь может быть любой, кто именно станет знаменит определяется интересами культурно-развлекательного бизнеса и связанных с ними СМИ.

Идеи необходимости для искусства быть понятным, «актуальным», борьба с «элитизмом» становится частью официальной идеологии, рассматривающей продукты искусства как «товар», продающийся на «рынке». Основанное на независимом самовыражении творчество полностью заменяется на изготовление «культурного продукта» для потребностей массового рынка. Сюда же можно отнести индустрию спортивных зрелищ, также превратившуюся в составную часть государственной идеологии. В пожелании успехов группе, с которой связана твоя жизнь (городу, спортивному клубу, школе, вузу, стране и т.п.) в принципе нет ничего ненормального, однако гипертрофированная гордость за успехи коллектива, а не за свои собственные, полная самоидентификация с ним себя с ним играет такую же иллюзорно-компенсационную роль, как и участие в социальных сетях. Вместо индивидуальной работы, личного усилия, человек радуется за работу других и тем самым создает иллюзию собственного усилия и причастности к большому делу.

Кроме того, участие в группах спортивных и прочих фанатов (какие бывают, например, у эстрадных певцов, актеров и прочих популярных личностей) создает чувство общности на основе примитивных общих символов, что организует массу и тем

самым становится полезно для содержания и самовоспроизводства существующего порядка. Та же функция у ставших возможными только в эпоху Интернета флэш-мобов – объединение, пусть и в бессмысленном, но коллективном действии, создающим чувство общности и сопричастности, ранее незнакомых друг с другом, разбросанных по комнатам и кабинетам огромного метрополиса «нетизенов»²⁰, и при этом развлекающее и даже провоцирующее публику.

Во-вторых, дальнейшее развитие т.н. «демократии», то есть участия все большего количества населения в идеологически разрешенной церемонии влияния на власть путем выборов, изменило сам характер политики. Современная демократия имеет мало общего с изначальной практикой и теоретическими представлениями о ней. Начиная с Аристотеля и до середины XIX века, демократия трактовалась как непосредственное правление народа, причем под народом понимались наиболее ответственные его представители – свободные взрослые граждане, обладающие личной свободой и собственностью. Этому способствовало существование различных цензов. При этом даже такая демократия большинством теоретиков считалась опасным строем, который мог привести к диктатуре большинства. Нынешнюю же систему участия народа в политической жизни через представителей Аристотель называл олигархией.

В современном мире олигархия стала неизбежной в связи с общим ростом населения, а также из-за постоянного расширения состава избирателей за счет подключения ранее не участвовавших слоев и ликвидации цензов. Видя угрозу диктатуры этого растущего большинства, отцы-основатели США (Дж. Мэдисон, А. Гамильтон, Дж. Джей) разработали систему «сдержек и противовесов» и разделения властей (они еще не употребляли термин «демократия» в позитивном смысле, а говорили о «республике»). И хотя эта система в конституции США формально сохраняется и сегодня, в области идеологии и на практике явно победила линия Т. Джеф-

²⁰ «Netizen» – человек, живущий в Сети. От англ. «net» (сеть) и «citizen» (гражданин). Иногда переводится, как «сетянин».

ферсона, настаивавшего на неотъемлемом праве большинства править по своей воле.

Это привело к росту взаимной зависимости политиков и избирателей. Политики все более зависели от непосредственных нужд избирателей. Был выработан новый тип политика-популиста, больше всего заботящегося не о решении реальных проблем, а о собственном рейтинге, политике без стратегического мышления, постоянно откладывающего непопулярные, но необходимые решения.

К измелчанию политических лидеров и их зависимости от бизнеса ведет и маркизация избирательного процесса, отношение к кандидатам как к товару, предлагаемому на рынке на выбор потребителю. Эта система далека от идеала демократии и не случайно недавно в докладе ученых Принстонского университета, по сути, была признана олигархией (конкретно речь шла о США²¹). Сравните нынешних бесцветных руководителей Англии, США, Франции с Ш. де Голлем, У. Черчиллем, Ф. Рузвельтом, и это сразу станет понятным. Массы же избирателей, в свою очередь, предпочитают слабых политиков, которые им вполне понятны и не сильно выделяются на общем уровне.

При этом выбор избирателям обычно предоставляется небольшой. То, что в рамках официальной идеологии называется консенсусом, в действительности – результат строгих ограничений. Ранее характеризовавшиеся различными программами партии сблизилась до полной неузнаваемости. Чем отличается политика лейбористов при Т. Блэре от политики консерваторов, а социал-демократов от христианских демократов в Германии (несколько раз входивших в одно правительство), сказать непросто. При этом часто ни одна из избираемых партий не отражает позиции избирателей по многим вопросам. Например, по всем опросам в Великобритании большинство населения «евроскептически», но евроскептические партии из-за хитростей избирательной системы держат за пределами политическо-

го мейнстрима. То же самое происходит в Германии, где большинство населения не настроено антироссийски, но все партии занимают антироссийскую позицию. В США формально в выборах президента постоянно участвует 4–5 кандидатов, но никто об этом даже не знает, так как телеканалы показывают дебаты только тех, кто выдвинут приемлемыми партиями.

Наконец, огромную роль сыграло развитие новых информационных технологий. Официальная идеология создала теорию прогрессивного «информационного общества», не знающего границ интернационального сообщества, хорошо информированных, инициативных и ответственных граждан, принимающих разумные решения²². Однако предоставляя полезную справочную информацию тем, кто в ней нуждается, для большинства населения Интернет играет совершенно иную роль.

В современной реальной экономике и политике люди еще более отчуждены от продукции и от власти. Работая в крупных компаниях, в которых заняты тысячи людей, они часто не представляют ни конечного смысла, ни результатов своей деятельности, получая довольно много за роль винтика огромной машины. Таковы двигатели современной глобализированной экономики: менеджеры «самого среднего звена», сидящие с 9-ти до 6-ти в многочисленных офисах по всему миру и от души отдыхающие в выходные (кто видел дикие пьяные толпы этих белых воротничков, заполняющие пятничными вечерами улицы Лондона, Нью-Йорка, Гонконга, Токио и любого другого крупного города мира, знает, о чем идет речь).

Казалось бы, такая судьба хоть и безбедна, но незавидна с точки зрения самооценки. Участие же в социальных сетях, где человек имеет несколько сотен «друзей», часто в других городах и странах, которых он никогда не видел (и которые могут быть совсем не теми, за кого себя выдают), постоянный обмен с ними «лайками» и порой

²¹ Gilens, Martin; Page, Benjamin, *Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens // Perspectives on Politics*, September 2014, Vol. 12, No. 3, pp. 564-581.

²² László Z. Karvalics. *Information Society – What is it Exactly? (The Meaning, History and Conceptual Framework of an Expression)*. – Budapest, March-May 2007. Mode of access: http://www.itk.hu/netis/doc/ISCB_eng/02_ZKL_final.pdf.

бессмысленными «комментами», наконец, возможность «опубликовать» любое собственное «произведение» и мнение, – все это создает иллюзию значительности и сопричастности какому-то важному процессу, иллюзию нужности и важности для мира и людей. Если раньше твое произведение не прошло бы творческого отбора в редакции журнала или книжном издательстве, тебя за бесталанность не взяли бы на режиссерский факультет, то сегодня ты сам автор, издатель и режиссер; тебя читают, и ты получаешь отклики, пусть даже и от небольшого числа «друзей».

Интересно в этом плане изменение отношения к дневникам. Если раньше дневниковые записи и личные письма считались интимными, прочтение дневника другим лицом – делом постыдным, то сегодня основная часть текстов в Интернете по сути и есть личные дневники, да еще и сопровождаемые фотографиями и видеозаписями, в которых рассказывается, кто что ел, с кем спал, что купил и т.п. Причина этому – психологическая необходимость почувствовать свое значение в мире, в котором реально ты ничего не значишь. При этом, естественно, в Интернете, который служит еще и напрямую для развлечения, далеко и широко распространяются стереотипы и клише, цементирующие новую массу. Таким образом, социальные сети выполняют неоценимую для идеократии адаптивную и пропагандистскую роль, по существу являясь частью господствующей идеологии. Конечно, в Интернете можно найти и иное содержание, в том числе и призывы к свержению всего, чего угодно, но оно не является основным.

С развитием Интернета связана новая тенденция в общественной эволюции. Еще в конце 90-х годов XX века С. Московичи заметил начало нового процесса, который он удачно назвал «глобализацией масс», то есть возникновения «массы мирового масштаба». Он заключается в создании наднациональных сообществ «с гигантскими ядрами городов и рынками в миллионы человек, которых побуждают жить и потреблять однотипным образом», и в расцвете электронных и телевизионных сетей, которые, «с одной стороны, связывают между собой людей,

находящихся на огромных расстояниях друг от друга, а с другой стороны, проникают в самые недра частной жизни каждого». Французский социолог предсказывал, что «бурное развитие систем мультимедиа до предела ускорит этот процесс»²³.

Таким образом, важнейший момент новой системы – ее *выход за рамки национальных границ*, реальная идеологическая глобализация, которая следует за экономической и благодаря которой сегодня можно говорить о сложившейся идеократии в рамках всего «западного» мира. Позитивная теория глобализации – такая же часть новой идеологии, как и теория «информационного общества». В действительности за идеологической глобализацией можно видеть самые различные интересы: и интересы международных корпораций, нуждающихся в однородной, говорящей на одном языке и разделяющей общие представления рабочей силе, и интересы растущего международного чиновничества, и, наконец, искренние порывы идеологизированных субъектов, действительно считающих, что их правительства бомбят соседние и далекие государства из благородных намерений, чтобы сделать мир лучше.

В этом новом сообществе идеократического плюрализма (в отличие от идеократического тоталитаризма) крайне трудно определить, кто собственно является виновником, а кто – жертвой, кто – выгодополучателем (у марксистов – эксплуататором), а кто – проигравшим (эксплуатируемым). Уже в тоталитарном обществе встает вопрос поиска конкретного виновного в преступлениях. На Нюрнбергском процессе, например, сложно было определить, кто собственно отдавал тот или иной приказ, и в какой форме, а кто его исполнял, так как преступления приняли индустриальный характер, основанный на

²³ Московичи С. Предисловие к русскому изданию / Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – М.: Центр психологии и психотерапии. 1998. – С. 20. [Moskovich S. Predislovie k russkomu izdaniju (Introduction to the Russian Edition / Vek tolp. Istoricheskij traktat po psihologii mass (The Age of masses; Historical tractate on mass psychology). – Moscow: Centr psihologii i psihoterapii. 1998. P. 20].

разделении труда, и степень участия каждого была юридически не вполне определенной. В результате, пришлось объявить преступными целые организации.

Но в строго централизованной государственной тоталитарной системе хотя бы есть «главный идеолог», который со своими сотрудниками изобретает формы и методы индоктринации. Есть и «главный палач», которому подчинены все более мелкие палачи и которые разрабатывают стратегию репрессий. А кто определяет стратегию индоктринации в плюралистической идеократии? Кто является ее объектом? К выгодополучателям, вероятно, надо отнести высшие классы общества, т.н. «элиты». Но она не имеет четких границ, к тому же и ее представитель может субъективно не понимать объективных последствий своих действий, истинно считая их полезными для общества и гуманными, в то время как они приносят бедствия и страдания. И в этом смысле он также будет жертвой идеократии. С другой стороны, и представитель низших слоев, искренне считающий существующую систему идеальной или, по крайней мере, лучшей из возможных, и работающий для ее реформации с целью укрепления, также может считаться столпом идеократического режима.

Проблема этого общества, как и всякой идеократии и монополии вообще, – тенденция к застою. Успешно распространив власть идеологии на все общество, власти сами стали ее жертвой. Пребывая в иллюзорном мире, они часто не способны объективно анализировать возникающие проблемы и эффективно их решать.

Основные постулаты идеологии «демократизма» просты. 1) Западное политическое устройство является наиболее передовым, обеспечивающим наивысший уровень свободы и благосостояния всем членам общества; 2) Это устройство («демократия») обеспечивается широким участием всего народа во власти путем избрания власти на честных выборах, что является неотъемлемым правом каждого; 3) Государство обеспечивает права не только большинства, но и различных меньшинств (конкретных список меньшинств постоянно расширяется); 4) Все страны мира рано или поздно придут к этой системе, и За-

пад должен им в этом помочь; 5) Различные деструктивные, антидемократические силы мешают этому естественному процессу, и Запад должен вести с ними борьбу ради счастья порабожденных ими народов.

В эту идеологию никак не вписываются некоторые реальные проблемы Запада: сохраняющаяся бедность и социальное расслоение, миграция, снижение уровня образования, рост национализма и т.п. Более того, как отмечал еще А.А.Зиновьев, если само существование такого серьезного вызова как СССР способствовало тому, что западные элиты шли на некоторые уступки в смысле расширения социальных программ, то после его распада необходимость в этом отпала. Поэтому именно в 90-е годы произошло сближение «левых» партий с правыми, которые вместе стали выполнять единую программу в интересах правящей элиты. А.А.Зиновьев говорил: «Страны Запада познали настоящую демократию во время холодной войны. Политические партии имели подлинные идеологические различия и разные политические программы. Органы прессы тоже сильно отличались друг от друга. Все это оказывало влияние на жизнь простых людей, способствовало росту их благосостояния. Теперь этому пришел конец. Демократичный и процветающий капитализм с социально ориентированным законодательством и гарантиями занятости был во многом обязан существующему страху перед коммунизмом. После падения коммунизма в странах Восточной Европы на Западе началась массированная атака на социальные права граждан»²⁴.

Современная западная система, несмотря на свою внешнюю устойчивость, стала терять популярность в связи с неспособностью решать реальные проблемы. Это вызвало нынешний рост популярности политиче-

²⁴ Зиновьев А.А. Запад против России. Взгляд философа. Интервью газете Фигаро 24 июля 1999 г. Русский перевод. «Независимая газета», 14.08.2014. http://www.ng.ru/ideas/2014-08-14/4_zinoviev.html. [Zinov'ev A.A. Zapad protiv Rossii. Vzgljad filosofa. Interv'ju gazete Figaro / Nezavisimaja gazeta, August 14, 2014. Mode of access: http://www.ng.ru/ideas/2014-08-14/4_zinoviev.html].

ских сил, представляющих крайние фланги: правых, призывающих решать проблему миграции и выступающих за сохранение традиционной морали, и левых, недовольных растущим неравенством. Пока не ясно, устоит ли центр против этого растущего недовольства.

НОРМАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

В отличие от Запада, после конца холодной войны с удвоенной скоростью двигавшегося в сторону идеократии, Россия, наоборот, из тоталитарной идеократии превращалась в обычное, нормальное государство. Термин «обычное» здесь означает, что таких неидеократических государств, не старающихся навязывать свою модель другим, не считающих ее общественным идеалом и венцом социальной эволюции, а просто решающих насущные, практические проблемы – большинство в мире. В них существуют различные режимы: чаще всего авторитарные различной степени жесткости, но есть и демократические (например, Индия или Япония).

Термин «нормальное» определить труднее. Общее определение нормальности вряд ли возможно, ее легче показать примерах от противного. В социальной жизни ненормальность – это стремление строить общественные отношения на основе выдуманных человеком идеологических догм, вступая в противоречие с законами природы, исторически сложившимися и показавшими свою полезность общественными привычками и свойствами человеческой психологии. Например, если на данной широте и почве тысячу лет возделывали пшеницу, а идеология требует сажать там кукурузу, то это ненормально. Если сотни лет крестьяне наиболее эффективно работали в собственных хозяйствах, а идеология требует согнать всех в коммуны, все обобществить и оплачивать работу «трудоднями», несмотря на гибель миллионов людей от голода, это не нормально и даже абсурдно. Если природа создала мужчин и женщин разными и механизмом размножения сделала их сексуальную связь между собой, а идеология требует считать их одинаковыми, объявляет нормальным

принадлежность к другим несуществующим полам, и пропагандирует сексуальную связь лиц одного пола – это ненормально. Точно также ненормальны системы, основанные на терроре и убийстве невинных людей, ведь людям любой культуры не свойственно бессмысленно убивать ближних. Точно также ненормально, когда идеология требует не лечить и облегчать страдание тяжело больных и разочаровавшихся в жизни, в том числе и детей, а убивать их, считая выбор смерти «правом человека». Ведь помогать больным, страдающим, раненым, а не добивать их считается нормальным в рамках всех человеческих культур. Ненормально и общество, где по идеологическим причинам опасных сумасшедших держат не в соответствующих закрытых заведениях, а отпускают на волю и считают «альтернативно интеллектуально развитыми». Речь здесь идет не о каких-то высоких религиозных принципах, а о простой природной, биологической и психологической нормальности, нарушение которой характерно лишь для извращенных тоталитарных и идеократических систем. Характерный признак ненормального общества – постоянный страх не за действия, а за «неправильные» слова и мысли, которые, будучи открытыми для государственных соглядатаев доминирующей идеологии, вторгающейся в самые сокровенные стороны человеческой жизни, могут вызвать самые опасные последствия.

Исходя из этих принципов, и советское общество, и современное западное, безусловно, являются ненормальными. Россия же, отказавшись от монистической идеологии, сегодня мало чем отличается от десятков других стран, где традиционные структуры и представления сосуществуют с более современными, а руководство, точно не имея идеологического общественного идеала, просто старается, как может, решать возникающие проблемы. Конечно, и в России, как и во всех странах, имеются идеологические элементы, элементы явной ненормальности. Так, идеологическими были реформы Е.Т. Гайдара, направленные на реализацию в стране абстрактной экономической модели вместо решения реальных проблем, которые привели к экономи-

ческому краху 1998 г. В последнее время, в особенности после присоединения Крыма и бешеной атаки Запада на Россию, идеологические элементы в российском обществе нарастают. Ненормально уничтожение пищевых продуктов или запрет на усыновление сирот иностранцами, который обрекает детей на жалкое существование.

Но эти элементы еще крайне любительские и несистематические по сравнению с СССР и современным Западом. Несмотря на очевидность идеологизации российского телевидения, например, его невозможно сравнить с такими пропагандистскими машинами Запада, как CNN или BBC, где альтернативные точки зрения (выходящие за рамки идеологического консенсуса) жестко не допускаются. В этом, кстати, причина большой популярности в Европе и США канала «Russia Today», дающего хоть и не менее идеологизированную, но альтернативную точку зрения, которую с интересом воспринимают правые и левые критики существующих порядков.

Исторически Россия всегда была частью Большого Запада, но частью периферийной. На сегодня можно сказать, что в этом есть и позитивная, и негативная сторона. Ее население глубоко не усвоило черты западной цивилизации, сделавшие возможными ее скатывание к идеократии. Западная идеология, основанная на слиянии секуляризма, просвещенческой теории поступательного общественного развития и идеи врожденности и неотъемлемости «естественных прав», разделяется лишь небольшой частью российского общества²⁵. Большинство же россиян, как показывают многочисленные опросы, живут в другом мире: политические права их особенно не волнуют, а набирающие популярность различные религиозные конфессии все больше критикуют секулярный релятивизм и пропагандируют мораль, основанную на абсолютных ценностях.

Не усвоены в России и те институты западной общественной структуры, которые и

сегодня позволяют ей обеспечивать наибольший уровень личной и политической свободы граждан: верховенство права, система разделения властей, независимость суда и т.п. Недостаточно развиты и современные экономические механизмы.

Возможно ли заимствование этих позитивных сторон западной цивилизации без скатывания к идеократии (то есть, оставаясь страной нормальной, стать достаточно свободной) пока неясно. Но уже очевидно, что ситуация с соотношением уровней свободы меняется. Если говорить не только о политической свободе, которой обычно ограничивается интерес западных идеологов, то движение к меньшей личной свободе в семье, личных отношениях и т.п. на Западе очевидно. В России есть безусловный дефицит политической свободы, но в других отношениях общество в ней гораздо свободнее западного. Если заострить этот аргумент и задаться вопросом, где будет комфортнее жить человеку традиционных взглядов: в обществе большей политической свободы, но разгула того, что он считает полной безнравственностью, или там, где можно меньше участвовать в управлении государством, но тебя не заставляют регистрировать «нетрадиционные браки», наблюдать из окна парады гомосексуалистов и не отбирают детей из семьи за «неправильное» воспитание? Вероятно, при определенных условиях выбор может быть и в пользу меньшей свободы.

В любом случае, чтобы идти по этому пути, необходимо, не скатываясь к западной идеократии, решительнее уходить от собственного идеократического и тоталитарного прошлого, порывая со сталинизмом как во внутренней, так и во внешней политике. Не боясь осуждения собственного прошлого, необходимо подчеркивать принципиально иной характер России по сравнению с СССР, а если и утверждать преемственность, то не с тоталитарным СССР, а с гораздо более правовой и эффективной царской Россией (в особенности в последний период ее существования).

Примеров успешного сочетания нормальности, сравнительно высокого уровня свободы и ускоренного развития в мире пока немного. К ним, вероятно, можно отнести

²⁵ Подробный анализ этой идеологии см.: Смирнов И.В. Либерастия. Режим доступа: <http://supol.narod.ru/archive/books/liberast.htm> [Smirnov I.V. Liberastija. Mode of access: <http://supol.narod.ru/archive/books/liberast.htm>].

такие разные страны, как Индию, Сингапур, в какой-то степени Южную Корею.

Стратегия России в сложившейся ситуации должна заключаться в попытке переждать опасные метаморфозы Запада. А метаморфозы эти неизбежны. Вызванная идеологической монополией неспособность решать реальные социальные проблемы ведет к серьезному недовольству. Проблема миграции, например, может решаться на основе правой альтернативы, усиление которой приведет к принципиальному изменению господствующей саморазрушительной идеологии в сторону большей закрытости, замкнутости. Эти изменения будут сопровождаться распадом нынешних интеграционных структур. Все это серьезно изменит характер западного общества и цивилизации.

Если же победит левая альтернатива, выступающая за еще большую открытость на классовой, а не национальной основе, западное общество скорее всего исчезнет или изменится еще более радикально. В перспективе возможна исламизация Европы или, по меньшей мере, существенные идеологические компромиссы с исламом, который не потерпит нынешние моральные нововведения (США будут изменяться под влиянием растущего количества мигрантов

из Латинской Америки, которые также принесут иные ценности). В конце концов, наплыв чужестранцев разрушил другой интернациональный западный проект – Римскую империю. Кстати, до этого в Риме полностью сменилась господствующая государственная идеология: христианство пришло на смену язычеству. В какой мере империя после осталась этого той же, а в какой – другой, сказать не просто.

Впрочем, и крайне левые и крайне правые действуют в рамках существующей идеологической парадигмы и вряд ли могут конструктивно решать реальные проблемы общества.

Конечно, пока еще полностью не исключен вариант поглощения России западной идеократией. В ней есть часть населения, уже живущая в этой парадигме, однако его доля невелика, вероятно, 10–20%. Поэтому, такой вариант маловероятен: Запад находится на этапе цивилизационной обороны, а не наступления. Популярность альтернатив, например китайской и радикальной исламской, растет. Возможно, России в смутные годы будет суждено сохранить и какие-то элементы западной цивилизации, как, например, периферийная Ирландия сохранила христианство в «темные времена» раннего средневековья.

Новая международная идеократия и Россия

Александр Владимирович Лукин, д. ист. н., PhD (Оксфордский университет), руководитель департамента международных отношений НИУ «Высшая школа экономики», директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО МИД России

***Аннотация:** В настоящей статье автор предлагает не только анализ роли идеологии в современном мире, проводя в подтверждение своих тезисов и исторические параллели, но и доказывает существование мощной идеологии «демократизма» Запада, которая стала превращаться в международную идеократическую систему, оказывая мощное влияние на все сферы человеческой жизни. Опираясь на подходы известных политологов и социологов, автор предлагает критический анализ современной западной идеократии, ее связи с веком информации и глобализации, развитием современной культуры. Особое внимание в статье также уделяется концепции «нормального государственного строя» и месту России в этих условиях.*

***Ключевые слова:** идеократия, демократизация, Запад, нормальное государство, глобализация, идеология, культура.*

New International Ideocracy and Russia

Alexander Vladimirovich Lukin, Dr. of History, PhD (Oxford University), Head of the International Relations Department (The National Research University Higher School of Economics), Director of Center for East Asia/SCO Research (MGIMO University)

***Abstract:** The author of the article analyzes the role of ideology in the modern world, underpinning his theses by historical examples, as well as posits the existence of the powerful Western ideology of “democracy”, which is transforming into international ideocratic system influencing all facets of human life. Taking into consideration the theoretical approaches of prominent political scientists and sociologists, the author analyzes critically analyzes modern Western ideocracy and its interdependence with the age of information, globalization and postmodern cultural development. The article emphasizes the concept of normal state” and studies the role of Russia in these processes.*

***Ключевые слова:** ideocracy, democratization, the West, normal state, globalization, ideology, culture.*

РОЛЬ ЗАПАДА В ФОРМИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ И ПОЛИТИКА РОССИИ

А.Д. Воскресенский

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ

Несмотря на наличие в целом более или менее общего интеллектуального осмысления мира и его исторической эволюции, единой мировой политики и единой мировой системы, в ее современном сегодняшнем понимании, до XIX в. все же не существовало, а сосуществовали несколько несвязанных, но частично перекрещивающихся иерархизированных регионально-цивилизационных мир-систем (протоевропейская, исламская, китайская), из которых наиболее универсальной и наиболее открытой была европейская система, которая в силу своего универсализма и открытости для других государств оказалась наиболее привлекательной для всех участников международной жизни. Европейская система была привлекательной еще и потому, что она покоилась на стремительно развивавшейся экономической модели, на основе которой был создан современный уклад жизни. К началу XIX в. в европейской традиции начала формироваться концепция современного единого открытого для всех мирового сообщества равных государств, к которой к середине XX в. добавилась идея эволюции этих государств с разной скоростью к системе справедливого и полного участия народа в управлении государством всеобщего благосостояния (демократическое государство открытого социально-политического доступа с системой социальной поддержки), и модернизации современного типа, основанной на целенаправленно разрабатываемых массовых научно-технических инновациях, представляющих собой коммерциализи-

рованные научные открытия, меняющие мировой технологический уклад. Эти концепции и сформировали социальный облик современного человечества. Система европейского типа, единственная на тот исторический период, была открытой, т.е. она позволяла просто присоединиться к ней всем желающим государствам, которые принимали такую систему координат и готовы были соблюдать определенные правила, которые получили название «международное право». Этого оказалось достаточным, чтобы к такой системе постепенно стали присоединяться другие, периферийные, де-юре независимые и равные друг другу в этой системе государства, и, в частности, страны Азии и Африки, ранее входившие в другие, неевропейские иерархические системы (исламская, китайская), показавшие свою меньшую конкурентность, либо страны, входившие в европейскую систему сначала на подчиненных началах в качестве колоний и полуколоний. Здесь следует специально обратить внимание на тот факт, что все ранее существовавшие неевропейские международные протосистемы де-юре вообще никогда не признавали равноправие других государств. Они исходили из базовых принципов иерархии и подчинения, а степень зависимости внутри этой системы варьировалась в зависимости от исторической обстановки и геополитических соотношений, цивилизационных и религиозных установок, конкретных обстоятельств.

После Второй мировой войны, модернизирующаяся на этапе деколонизации Азия должна была выбирать одну из двух версий распространившейся на весь мир европей-

ской модели модернизации и развития – авторитарно-плановую модель, основанную на идеологии циклического чередования: мобилизация – стабилизация / застой – системный кризис / политическое «подмораживание» – «политическая оттепель», или демократическую рыночную, основанную на самоорганизации и экономической и политической конкуренции, а в дальнейшем и на системе открытого социально-политического доступа. В противоборстве этих тенденций и сформировалась современная авторитарная индустриальная и антиавторитарная постиндустриальная модель развития, а Восток вступил в этап политической модернизации, который продолжается до сегодняшнего времени. На этом этапе некоторые из незападных стран (включая страны Востока) сумели построить систему открытого социально-политического доступа, позволяющую избегать системных кризисов и догнать страны Запада, одновременно сохраняя свою культурно-национальную специфику, а некоторые так пока и не смогли выйти из повторяющихся циклов «мобилизация-стабилизация-застой-кризис».

Модель старого экономического уклада практически была исчерпана к концу XX в. Соответственно другие, незападные страны, которые приняли западную модель рыночной экономики и конкуренции, но с национальной спецификой, разработали свои варианты модернизации и стали догонять по некоторым параметрам лидеров мировой системы («догоняющая» модель развития), а некоторые, создав региональные версии системы открытого доступа, попытались дополнить или даже оспорить западную модель постиндустриального развития, привнеся в нее свои культурные параметры и свою специфику (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур). Также появились страны, сформировавшие модель авторитарного регулирования частично децентрализованной экономики с частично ограниченным (по разным причинам и различным образом) социально-политическим доступом (Тайвань, Южная Корея, Сингапур). Такая модель показала свою успешность на конкретном историческом этапе, но некоторые страны сумели отойти от этой модели

(Тайвань, Южная Корея) и двинуться к построению консолидированного демократического общества с открытым социально-политическим доступом. Также эта модель, пусть осуществляемая на начальной стадии и в ограниченных сегментах экономической и социальной жизни общества, чуть позже привела к подъему коммунистического Китая и ограниченного количества авторитарных стран (Вьетнам, Куба при Рауле Кастро), но успех ее существования также стал подвергаться сомнению, поскольку неизбежно вставал вопрос о том, каков будет следующий этап развития этих обществ, на который сами эти страны пока не смогли дать приемлемого миру ответа.

Другие страны, не сумевшие сформировать хоть какую-то национальную модель модернизации и/или сформировать коалиции, способствующие усилению внешнего или регионального фактора модернизации, стали отставать в своем развитии. Так возник импульс к формированию новых правил функционирования мировой системы, которые должны были бы вступить в силу до перехода к новому экономическому и технологическому укладу, поскольку перешедшие к новому укладу получают возможность переформулировать правила мировой системы в соответствии со своими интересами, а не в соответствии с интересами всех, тем более, отстающих. Кроме того, у части участников и их политических элит, которые не могли похвастаться успехами в развитии, возникло желание сломать существующую систему, либо с помощью нелегитимного применения силы архаизировать принципы её организации. Особенно это желание было сильно у тех государств, которые не вписывались не только в формирующийся новый, но и в существующий политико-экономический уклад (страны с «неуспевающей» моделью развития).

На этапе завершения старого и формирования нового технико-экономического уклада стали возникать прообразы новых моделей конфигурации мирового политико-экономического пространства, и мир как бы «завис» на этапе эволюционного переходного периода к новому политико-экономическому порядку и новому научно-техническому

укладу. Возникла ситуация сосуществования в одном пространственно-временном ряду мирового развития современностей разного типа (А. Аппадурай)¹, воплощенных в макрорегионах и национальных государствах с социально-политической, социально-экономической и социально-культурной организацией разного структурного типа, а также и других, в том числе и новых акторов международных отношений и мировой политики. Конкретным выражением сосуществования современностей разного типа стало усложнение мировой структуры и увеличение номенклатуры мировых акторов: глобальных макрорегионов, международных регионов, национальных государств, крупных внутристрановых регионов со своей экономической, историко-политической и культурно-цивилизационной спецификой, негосударственных акторов (блоков, объединений, корпораций, неправительственных организаций и др.). Национальные государства продолжают оставаться основными традиционными политико-административными акторами международных отношений и мировой политики, но не во всех макрорегионах в равной степени и теперь уже не в единственном качестве, а в определенных областях (финансово-экономической, культурно-цивилизационной / религиозно-конфессиональной, к примеру) теперь уже могут и не являться самыми влиятельными или даже основными участниками мировых процессов (в разной степени в зависимости от макрорегиональной специфики), или же их влияние начинает заметным образом дополняться или, в некоторых случаях, оспариваться. Сосуществование современностей разного структурного типа и с разной системно-структурной организацией приводит к тому, что в одном пространственно-временном ряду сосуществуют традиционные и новые акторы международных отношений, а макрорегионы и национальные государства дифференцируются в соответствии со структурными принципами организации, что приводит к сосуществованию, в частности, и конфликтов старого и нового типов.

¹ Appadurai, Arjun. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 229 p.

Тип политического доступа в конкретных национальных государствах, сочетание разных типов политического доступа в макрорегионах разной структурной организации, находящихся на разных исторических этапах развития, в конечном счете, влияет на стратегии развития, характер и приоритеты внешней политики государств, которые, в свою очередь, продолжают в значительной степени определять процессы формирования пространства мировой политики. Характер и степень дифференциации (однородности / разнородности) пространства мировой политики, в свою очередь, влияет на скорость эволюции систем социального доступа в конкретных государствах. Вычленение взаимосвязей такого рода дает возможность анализировать влияние типа социально-политического доступа в государствах, коалициях государств и глобальных регионах мира на процессы формирования и характер пространства мировой политики и заниматься социальной инженерией форматирования национального и мирового пространства с целью максимизации преимуществ для поступательного национального развития. Такого рода проблематика, политическая по своему характеру, не анализируется и не изучается в традиционных международных отношениях, а анализируется в таких сферах междисциплинарного исследования как сравнительная мировая политика, системно-структурная история международных отношений², кроссрегиональный политический анализ, сравнительная политология³ и мировое комплексное регионоведение⁴.

² Системная история международных отношений, 1918-2003; в 4 т. / Под ред. А.Д. Богатурова. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003. [Sistemnaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij (Systemic history of international relations), 1918-2003; v 4 t. / Ed. by A.D. Bogaturova. – Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnoshenijam, 2003].

³ Сравнительная политология / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект-Пресс, 2015. – 752 с. [Sravnitel'naja politologija (Comparative politics) / Pod red. O.V. Gaman-Golutvinoj. – Moscow: Aspekt-Press, 2015. 752 p].

⁴ Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр / Инфра-М, 2015. –

МОДЕРНИЗАЦИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Основная проблематика сегодняшней мировой дискуссии о связи экономической и политической модернизации⁵ и влиянии этих процессов на мировое развитие и мировую политику вращается вокруг двух стержневых гипотез. В соответствии с первой экономический рост сопровождает, а с определенного момента и поддерживает появление устойчивых демократических форм модернизированной политической системы. Экономический рост, основанный на расширении поля экономического взаимодействия и взаимосвязанности, укрепляется единством модернизирующихся политических систем. Концепция национального суверенитета трансформируется, предполагая контроль наиболее значимых параметров, а не абсолютно всех экономических, политических и социальных практик. Национальные государства становятся более открытыми, мир становится все более открытым, и динамика его поступательного развития основывается на все большей открытости. Эта гипотеза подтверждается как количественными статистическими расчетами целой серии исследований экономистов

и политологов (А. Пшеворски, М. Алварес, Х.А. Чейбуб, Д. Асемоглу и др.), так и эмпирическими примерами. Этому взгляду соответствует политический лозунг «экономика предшествует политике» в его различных теоретических и практических вариантах, озвученных как политологами (С. Липсет, А. Пшеворски и др.), так и политиками (Дэн Сяопин, У. Клинтон, В. Путин и др.). В соответствии со второй гипотезой, подсказанной реальной жизнью и стихийно озвученной сначала политиками (В. Гавел, Л. Валенса), а затем в разное время политиками, экономистами и политологами (Б. Ельцин, Е. Гайдар, А. Чубайс), существует обратная причинная связь – для ряда трансформирующихся сообществ «политика может предшествовать экономике» – сначала нужно целенаправленно форсированными темпами модернизировать политические институты, не взирая на сопутствующую форсированную трансформацию национального суверенитета, а затем вследствие этого неизбежно ускорится экономическое развитие. В соответствии с этим предположением «демократия ... может начинаться в экономически слабых обществах»⁶, но укрепляющееся политическое единство, основанное на общем понимании характера и направления мировых политических процессов, неизбежно приведет и к экономическому расцвету. Укрепляющееся же политическое единство приведет к снижению национальной конкуренции, что и гармонизирует, в конечном счете, трансформируемые национальные суверенитеты. Эта гипотеза основана на теоретических предположениях, но также имеет некоторые частичные эмпирические подтверждения (опыт некоторых «малых стран» Африки и Восточной Европы). В то же время, она интенсивно дискутируется и оспаривается, к

448 с.; Мировое комплексное регионоведение / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр / Инфра-М, 2014. – 416 с.; Практика зарубежного регионоведения и мировой политики / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Магистр / Инфра-М, 2014. – 568 с. [Mirovye kompleksnoye regionovedeniye. Vvedeniye v spetsial'nost' (World comprehensive regional studies: introduction to the professional field) / Pod red. prof. A.D. Voskressenski. – Moscow: Magistr: INFRA-M, 2015. 448 p.; Mirovye kompleksnoye regionovedeniye (World comprehensive regional studies) / Pod red. prof. A.D. Voskressenski. – Moscow: Magistr: INFRA-M, 2015. 416 p.; Praktika zarubezhnogo regionovedeniya i mirovoj politiki: uchebnik (World regional studies and world politics) / pod red. prof. A.D. Voskressenski. – Moscow: Magistr: INFRA-M, 2014. 568 p].

⁵ Демократизация и модернизация. К дискуссии о вызовах XXI века. – М.: Центр исследований постиндустриального общества. Издательство «Европа», 2010. – 318 с. [Demokratizatsiya i modernizatsiya. K diskussii o vyzovakh XXI veka (Democratization and modernization. On challenges of the XXI century). – Moscow: Centr issle-dovaniy postindustrial'nogo obshchestva. Izdatel'stvo «Evropa», 2010. 318 p.].

⁶ Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). – М.: Московский общественный научный фонд, серия «Научные доклады», 1999. – № 78. – с. 35 [Mel'vil' A.Iu. Demokraticheskie tranzity (teoretiko-metodologicheskie i prikladnye aspekty) (Democratization transition. Theoretical and methodological aspects). – Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, seriia «Nauchnye doklady», 1999, № 78, p. 35].

примеру, в «больших странах» – России и Китае, что косвенно свидетельствует о роли фактора региональной специфики в «больших странах», в частности, в связи с проблематикой трансформации суверенитета при одновременном обеспечении политического порядка, так и не нашедшей пока адекватного контекста в этой дискуссии и отброшенной как малозначащая. Соответственно центральной становится проблематика идеальной, т.е. наиболее конкурентной и одновременно наиболее стабильной модели экономического и политического устройства, приближения существующих к этой модели и степень допустимости региональной / страновой вариативности ключевых параметров⁷. Понятна и прямая связь этих теоретических дискуссий с практикой внутристрановых трансформаций («подталкивание» vs. «стабилизация») и их влияние на международные отношения, мировую политику и практическую дипломатию.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА

В начале XXI в. ситуация в мире изменилась кардинальным образом: глобализирующийся мир стал как бы сжиматься, а на первый план стали выходить проблемы новой, более тесной взаимозависимости природы и человека, людей, национальных сообществ, народов, стран между собой в процессе устойчивого поступательного развития, без решения которых само существование человечества становилось проблематичным. В связи с этим и сами западные исследователи и политики сначала стали отмечать, а потом и объяснять новую тенденцию повышения роли стран Востока (и вообще, регионов мира в целом) в мировой политике, пытаясь предложить но-

вое целостное объяснение специфике процессов, происходящих в разных регионах мира. Возникла мировая дискуссия внутри взаимосвязанных частей западного, открытого для обсуждения новых тенденций, и наиболее открытой и продвинутой части восточного политического и интеллектуального сообществ (Э. Саид, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, А. Франк, П. МакНилл, Д. Лэндс, Е. Гайдар, Р. Капур, М. Махатхир, К. Махбубани, М. Хатами, Н. Фергюссон, Р. Нейсбит и др.) о роли региональных факторов в экономико-политическом развитии мира, хотя сам термин «региональный фактор», по крайней мере, на начальной стадии дискуссии и не употреблялся. Затем реальность нового века (события «9/11» и мировой финансово-экономический кризис) заставила пересмотреть некоторые из дотоле казавшихся незыблемыми парадигмальных представлений прикладных общественных наук и обратиться к незападноцентричным, объективистским объяснениям мировых политических и экономических процессов, пока все еще не представленным в виде целостных логически непротиворечивых объяснений. В соответствии с этой новой тенденцией, объясненной в исследовании Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста⁸, существует три типа социального (точнее социально-политического) доступа: примитивный, естественный (в другой терминологии – ограниченный) и открытый.

Порядок социального (или социально-политического) доступа (иногда используются расширительные термины: социальный или социально-политический порядок) – это институализированная на основе легальных или неформальных / неформализованных правил система организации внутренней жизни общества и государства с точки зрения доступа к власти и форм властвования

⁷ Демократии XXI века: смена парадигмы. Аналитический доклад Фонда ИСЭПИ и группы зарубежных авторов. – М.: Издательский дом Академии им. Н.Е. Жуковского, 2015. [Demokratii XXI veka: smena paradigmy. Analiticheskii doklad Fonda ISEPI i gruppy zarubezhnykh avtorov (Democracies of the XXI century. ISEPR Research). – Moscow: Izdatel'skii dom Akademii im. N.E. Zhukovskogo, 2015].

⁸ Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Издательство института Гайдара, 2011 [Nort D., Uollis D., Vaingast B. Nasilie i sotsial'nye poriadki. Kontseptual'nye ramki dlia interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva (Violence and social orders. Conceptual framework for interpretation of human history). – Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaidara, 2011].

посредством упорядочивания применения насилия, либо угрозы его применения и выполнения процедур и правил, обеспечивающих формальную или неформальную социальную организацию и управление государством и обществом.

Примитивный социальный порядок сегодня в целом неконкурентоспособен и сфера его распространения сокращается, оказываясь во все более суживающихся, депрессивных и отстающих региональных сегментах (точнее – фрагментах) мира. Существование естественного (ограниченного) социального порядка (в системе аргументации Д. Норта, Д. Уоллеса и Б. Вайнгаста он не нуждается в вычленении специальных структурно-временных дифференцированных этапов) проходит в свою очередь определенные временные этапы: хрупкое естественное государство, базисное естественное государство и зрелое естественное государство. Однако, судя по всему, существуют и структурные подтипы временных этапов естественного социального порядка, по-видимому, уже на этапе зрелого естественного государства: архаизированный и традиционалистский, анклавный, анклавно-конгломеративный, конгломеративный, гибридный, переходный. Эти подтипы соответствуют разным временным этапам эволюционного развития национальных сообществ и обладают достаточной степенью своеобразия, что оказывает существенное влияние на способы и формы конфигурирования внутренней и внешней сфер жизни этих сообществ. По-видимому, существуют и разные подтипы государств открытого социального порядка, во всяком случае, можно говорить о европейской и американской модели, но этот вопрос по разного рода практическим причинам (необходимость консолидации стран открытого социального доступа) в политической теории подробно не рассматривался, просто потому, что переход к новой, более продвинутой и совершенной социальной модели был важнее фиксации различий внутри этой модели. Сегодня примерно половина всех существующих государств принадлежат к государствам с естественным социальным порядком, практикующим ограниченный социальный и политический доступ. Кроме этого, существует и социально-

политический порядок открытого доступа, который создали, активно поддерживают и развивают 25 государств. Круг государств с системой открытого доступа постепенно расширяется и сегодня их количество приближается к 100. Этап самого значительного расширения государств с таким типом порядка социального доступа пришелся на период после распада СССР. Государства с естественным и открытым социальными порядками активно конкурируют друг с другом на международной арене, причем форму и способы этой конкуренции определяют примерно 40–60 государств: 25–30 государств с открытым социальным порядком и 20–30 государств с естественным социальным порядком охранительного характера. По мере эволюционного развития человечества и технологий уничтожения жизни, либо ее продления, формы этой конкуренции смещаются от военных, включающих теперь и оружие массового поражения и приводящих к неисчислимым людским и катастрофическим экономическим потерям, к невоенным, требующим все больших интеллектуальных ресурсов для разработки стратегий консенсусного, эволюционного, соревновательного развития. Остальные государства либо пользуются в той или иной степени порядком открытого доступа, импортировав соответствующие институты, либо не могут его построить в силу причин, прежде всего, внутреннего характера.

К естественному (социально-политический порядок естественного доступа) принадлежит большее количество государств, но открытый (социально-политический порядок открытого доступа) создал более высокий уровень жизни, защитил его мощнейшим военно-политическим блоком, покоящемся на фундаменте высокоинтегрированной экономики, быстрее реагирует на непредвиденные политико-экономические обстоятельства и активно расширяется. Этот социально-политический порядок является в целом более конкурентным и более легитимным, поскольку основан на демократическом правлении, подразумевающим прямое участие народа в управлении через систему открытых и транспарентных выборов и строго оговоренную по срокам и

процедурам периодическую ротацию политических и экономических управленцев, позволяющую привлечь считающихся большинством в обществе профессионально наиболее компетентными на срок, в течение которого возможно биологически рационально воспользоваться их компетенциями в максимальной степени, но без применения системы насилия, принуждения или прямого / косвенного экономического подкупа за счет других граждан-налогоплательщиков. Такой социальный и политический порядок лучше гасит негативные внешние и внутренние импульсы, при экономических кризисах показывает меньшую глубину падения и отката назад, создал политические предохранители против возникновения системных кризисов и, в силу этого, стабильнее и в целом интенсивнее и быстрее развивается, создавая населению более благоприятные условия существования, основанные, по крайней мере, последние 200 с лишним лет на массированном внедрении интеллектуальных инноваций (социальных и технологических), в частности, приходящих и через эмиграцию квалифицированных специалистов, не могущих найти для себя адекватной ниши для творчества и полной реализации своих способностей в тех странах с порядком естественного социального доступа, из которых они уехали.

К государствам с открытым социально-политическим порядком, ядро которых достаточно компактно расположено в Европе и Северной Америке, примыкает географически разнородная группа государств переходного типа, которые двигаются в направлении построения системы открытого социального доступа, но находятся на разных исторических этапах этого процесса. В количественном отношении группа государств с открытым социально-политическим доступом, неконсолидированного или переходного типа составляет примерно половину государств-членов мирового сообщества, это самые активные его члены, формирующие все еще разрозненную, но в целом исторически укрепляющуюся систему многосторонних институтов глобального управления. Количество государств с системой ограниченного социально-политического

доступа постепенно сокращается, в основном потому, что реальной альтернативы социальному порядку открытого доступа не предложено, несогласие с ним касается некоторых параметров этой системы как неприемлемых по историко-культурным, религиозным или экономическим соображениям для ограниченных сегментов политической элиты ряда государств.

Упрощая, можно сказать, что система открытого социально-политического доступа (демократическое правление) предоставляет возможность участия в управлении всем гражданам на основе транспарентных условий, понятных всему обществу и консенсусно одобренных им, но, одновременно, не означает простого доступа к управлению всех и каждого, так как и эта система обладает своими заградительными механизмами и жесткими принципами отбора. Однако эти заградительные механизмы и принципы отбора (душевное здоровье, образование, компетенции, квалификация, подтвержденные самостоятельно и индивидуально, а не сфальсифицированными дипломами; морально-нравственные качества и др.) не включают в себя априори этнические, конфессиональные, социальные или идеологические критерии. Критерии социально-политического доступа в этой системе транспарентны, рациональны, одобряются и поддерживаются всем обществом, в частности, путем открытой дискуссии и конкуренции политических программ.

Система открытого и равного доступа не анархична, как это могло бы быть неправильно интерпретировано на основе ее названия, она позволяет методами социальной инженерии на основе жестких, но открытых и транспарентных критериев, консенсусно признаваемых обществом, выдвинуть к государственному управлению наиболее талантливых и подготовленных вне зависимости от их расовой, этнической, конфессиональной принадлежности или политических убеждений, если они не являются экстремистскими и не подрывают существующего конституционного строя. Она также позволяет осуществлять управление в течение приемлемого срока с точки зрения биологически оправданных условий концентрации нена-

сильственным путем усилий конкретного индивидуума на направлении его интенсивной управленческой деятельности. Т.е. система открытого доступа – это как бы жесткая, но одновременно гибкая «сетка» политических, экономических и общественных институтов / социальных правил, «вплетенная» в социум таким образом, что внутри каждой ячейки допускается свободное развитие, направляемое этими институтами и ограниченное «только» рамками конституции.

Учитывая основные тенденции развития человечества и принципиальную ограниченность природных ресурсов, логично предположить, что в усложняющихся внешних и внутренних условиях поступательного развития при наличии ядерного оружия выработка дальнейшей внешней и внутренней политики государств будет нуждаться не в опоре преимущественно на силовые методы, ограниченные возможным применением оружием массового уничтожения, которое приведет к гибели всего человечества как биологического вида, а в умении договариваться с другими, т.е. во все более полном социальном консенсусе при одновременном внутреннем упорядочивании. В противном случае системные кризисы и кровопролитные войны прошлого становятся неизбежными, и мы вынуждены будем констатировать, что человечество по мере своего исторического развития ничему не учится и не воспринимает исторический опыт, даже придумав оружие своего собственного уничтожения как биологического вида. Хотя точка зрения о возможности допустить развязывание третьей мировой ядерной войны сегодня также существует, она связана все же в основном с недостатками при передаче исторического опыта через системы образования, т.е., в конечном счете, с малой конкурентностью систем образования и науки, т.е. ненаследственных (а, возможно, и наследственных) систем продуцирования и передачи знания, а также потерей умения форматирования биологического начала в человеке (в частности, агрессивности) посредством методов социальной инженерии.

Если мы исходим из того, что при достижении определенного уровня экономического развития ослабление контроля над

социально-политическим доступом становится неизбежным, что в свою очередь способствует ускорению экономического развития через максимально возможную добровольную и сознательную мобилизацию масс на основе общей культурно-ценностной идентичности, а не на основе принуждения (прямого или косвенного), то мы рано или поздно зададим себе вопрос, а почему же представители политической элиты не озабочены вопросом о том, как ввести в своих странах демократическое правление. Действительно, к концу 1990-ых годов около 120 стран мира (т.е. более 60% всех стран) избрали политические режимы выборной демократии. Этот факт и послужил основой для выдвижения С. Хантингтоном концепции «третьей волны демократизации»⁹. Однако к концу 1990-ых наметился явный откат, и дальнейшего углубления и расширения процесса демократизации не произошло. Связано ли это с какими-либо неудачами, или же возможными ограничениями в этом процессе? Ответ на эти вопросы представляется отнюдь не тривиальным и не таким уж простым. Прежде всего, он связан с оценкой или переоценкой прогностических способностей политической науки и необходимостью усиления метода политического анализа инкорпорированием кроссрегиональных аналитических методик, но также и в целом с возможностью правильно интерпретировать характер и прогнозировать ход мировых политических процессов, его региональных и внутриполитических составляющих.

К концу XX века возникло достаточно много новых явлений, которые вызвали незавершенность процесса модернизации для ряда обществ, а соответственно торможение процесса перехода от этапа модернизации к этапу постмодернизации для обществ, которые достигли уровня экономического развития, который и позволял в принципе начать такой переход.

Прежде всего, страны, начавшие переход

⁹ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с. [Huntington S. Tret'ia volna. Demokratizatsiia v kontse XX veka (The Third Wave: Democratization at the end of the XXth century). – Moscow: ROSSPEN, 2003, 369 p].

от этапа модернизации к этапу постмодернизации и от этапа естественного социально-политического доступа к построению системы открытого доступа, в силу многих причин как бы «зависли» на этапе перехода в «серой зоне» не авторитарных, но и не демократических государств. Введя выборность, эти страны не смогли из-за опасности возможной политической нестабильности при изменении системы обеспечения политического порядка или не захотели по каким-то причинам (в том числе внутриполитическим или внутрикорпоративным) продвигаться дальше на пути построения системы открытого социально-политического доступа, что заставило кардинальным образом пересматривать все основные положения такого нового формирующегося направления политической науки как транзитология (transition studies). Это, в частности, в свою очередь, привело к формулированию концепций «нелиберальной демократии» (Ф. Закария), «суверенной демократии» (В. Сурков), «гибридных политических режимов», «незападной демократии»¹⁰.

Далее возникла проблема сравнения реальной эффективности управления демократических режимов и авторитарных. Дело в том, что ранее были сформулированы правильные теоретические представления о том, что демократическое правление в целом более эффективно, чем авторитарное, что и приводит, в конечном счете, к постепенному отмиранию авторитаризма и, теоретически, к всеобщей демократизации¹¹. Однако к концу XX в. возник целый ряд популистских режимов (Венесуэла, Боливия), которые стали успешно эксплуатировать неспособность ряда стран с политическими режимами неконсолидированной демократии решать проблемы

бедности, социальной справедливости, экономического обнищания некоторых сегментов общества или даже целых социальных классов. Более того, оказалось, в целом, недооценена способность отдельных авторитарных режимов к самореформированию и повышению внутренней конкурентоспособности, в то время как события «арабской весны» в целом подтвердили тенденцию отмирания наиболее одиозных и неэффективных вариантов авторитарного правления. Так, на конкретном историческом этапе возникла неожиданная для многих политиков и политологов проблема своеобразной конкуренции моделей развития не только между демократиями и автократиями, но и между конкурентными авторитарными или гибридными политическими режимами (к примеру, социализм с китайской спецификой в КНР) и расхитительскими режимами различного типа: brutальным персоналистским или идеологическим / клерикальным авторитаризмом (Ливия и др.), безответственными неконсолидированными демократиями (некоторые африканские и азиатские государства). Кроме того, и некоторые старые демократии (к примеру, Индия) при ближайшем рассмотрении оказались подвержены порокам, которые, казалось бы, при такой долгой истории демократического развития должны были уже исчезнуть или же быть сведены к минимуму. Однако бедность и коррупция в этих странах так и не преодолены, а расслоение в обществе продолжало углубляться, несмотря на экономический рост и явные успехи в новых сегментах экономики (электроника, хай-тэк, фармацевтика, программирование и др.).

Оказалось, что хотя в целом глобальный капитализм и обеспечил невиданные ранее темпы экономического развития – с 1970-ых годов мировая экономика выросла как минимум в четыре раза – так и не удалось создать модель рыночного развития без периодических экономических кризисов и необходимости ребалансирования, а самая современная версия экономического строя – глобальный финансовый капитализм – оказалась сопряжена еще и с таким новым явлением как большая финансовая волатильность. Несмотря на то, что причины всех этих новых явлений уже получили

¹⁰ Democracy in a Russian Mirror / Ed. by Adam Przeworski. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. (Русское издание см. Демократия в российском зеркале / Ред.-сост. А. Мигранян, А. Пшеворски. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 598 с. [Demokratiia v rossiiskom zerkale (Democracy in a Russian mirror) / Red.-sost. A. Migranian, A. Pshevorski. – Moscow: MGIMO-Universitet, 2013. 598 p.]

¹¹ Archibugi, Daniele, Mathias Koenig-Archibugi and Raffaele Marchetti. Global Democracy. Normative and Empirical Perspectives. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

свое объяснение в исследовательской литературе, государства и мировое сообщество в целом так и не выработали надежных механизмов предотвращения мировых кризисных явлений финансово-экономического плана, а некоторые политические режимы увидели в этом опасность влияния на внутренние процессы, включая возможность дестабилизации внутреннего политического порядка к извне.

Кроме этого, в политико-экономической сфере государства-лидера мировой системы – США – возникли абсолютно новые явления политико-экономического характера: государство-гегемон стало постепенно трансформироваться в государство-доминант и государство-лидер, но при этом содержание категории мирового лидерства в силу факторов объективного и субъективного характера оказалось подвержено изменению. Способствовали этому как внешние, так и внутренние причины в мировой системе, которая достаточно далеко продвинулась на пути глобализации за последние два с лишним десятилетия, но все же не смогла глобализироваться полностью. Некоторые государства с другой системой социального доступа постарались ускорить эрозию мирового лидерства США, дополнительно подорвать это лидерство военно-террористическими способами (события «9/11» и террористические акты в разных странах мира), запугав гражданское население и вынудив власти в условиях военно-политической и экономической нестабильности прибегнуть к жестким мерам усиления порядка. Это привело к секьютеризации проблемы выбора политического и экономического развития на фоне военного вмешательства США при президенте-республиканце в дела целого ряда государств и регионов для того, чтобы отомстить за террористические акты в отношении США. Однако решающую роль в процессе трансформации мирового лидерства все же сыграли внутриамериканские фискально-финансовые и политические факторы.

Политическая система США оказалась поляризована в гораздо большей степени, чем это казалось возможным ранее; формирование внутривнутриполитического консен-

суса в США и особенно между разными ветвями политической власти оказалось затрудненным, а внешние «малые» войны США, в которых значительную роль играли внутривнутриполитические и нередко эгоистические американские интересы, не привели к окончательной победе более менее справедливой рыночной экономической системы и демократии во всем мире. Таким образом, на практике переход к системе открытого социально-политического доступа оказался обусловлен в современных экономических и политических условиях необходимостью сохранения достаточно жесткого политического порядка во всех сегментах мирового пространства, а в некоторых случаях даже введением мер его дополнительного обеспечения некоторыми странами, особенно в периоды возникновения мировой финансово-экономической турбулентности и опасности мирового терроризма. Понятно, что в условиях необходимости повсеместного ужесточения политического порядка, а также все усиливающегося противодействия неизбираемых элит стран с социально-политическим порядком ограниченного, и особенно, архаичного доступа, введению порядка открытого социально-политического доступа в глобальном масштабе, процесс демократизации застопорился, а в некоторых региональных сегментах мира обнаружился даже явный откат.

Как было отмечено выше, порядок социально-политического доступа – это институализированная на основе легальных или неформальных / неформализованных правил система организации внутренней жизни общества и государства с точки зрения доступа к власти и форм властвования. Порядок социально-политического доступа является важной, но не единственной составной частью политического порядка – системы институтов, норм, правил и мер, обеспечивающих упорядочивание и устойчивость политической и политико-экономической сферы общества и государства, включая (но не ограничиваясь ими), в том числе, кодифицированное использование угрозы легальных и легитимных репрессивных мер в отношении уклоняющихся и / или сило-

вых мер в отношении неподчиняющихся легальным и легитимным требованиям власти. Политический порядок связан с тремя социальными институтами: государством, системой правопорядка и системой эффективного государственного управления. Эти институты начали трансформироваться в новое качество, но их трансформация оказалась незавершенной, более того – сама модель трансформации оказалась сильно подверженной воздействиям различного рода. Таким образом, политическое развитие не только оказалось сложным и многогранным процессом, но оно в разных обществах, сосуществующих в одной пространственно-временной плоскости, представляет собой разную степень равновесия составных частей общественной системы, обеспечивающих открытый социально-политический доступ и, одновременно, поддерживающих политический порядок. Такое определение политического порядка на определенном историческом этапе вступило в прямое противоречие с его пониманием влиятельными сегментами национальных элит, в том числе и частью американской политической элиты, которая увязывала переход к открытому социально-политическому доступу в других странах не только с большей открытостью, демократичностью и справедливостью этого порядка, но и с неременной большей восприимчивостью к узко понимаемой, а иногда и просто своекорыстной составляющей американских национальных интересов. Это вызывало напряжение во взаимоотношениях США с некоторыми странами и, особенно, с политическими режимами гибридного типа в крупных странах, находящихся на этапе построения национальной системы открытого социально-политического доступа. Определенные сегменты американской (и в целом, западной) политической элиты хотели играть не просто определяющую структурную роль в переходе к будущему режиму только-только нарождающейся глобальной демократии и его защиты, но в сохранении для своей страны / стран максимально благоприятного политико-экономического положения в новой системе отношений. Понимание политической модернизации не просто как процесса линейного движения по этапам

системы социально-политического доступа от стадий ограниченного доступа (естественный доступ) к более открытым стадиям (открытый доступ), но также и как процесса определенного соотношения и равновесия факторов, обеспечивающих социально-политический доступ, его большую, или меньшую открытость, и институтов обеспечения политического порядка объясняет мировую политическую динамику во всей ее сложности и социально-политической конкретике.

Ранее считалось, что переход от естественного социально-политического порядка к открытому в национальных сообществах происходит автоматически и спонтанно по мере экономического развития и повышения экономического благосостояния; главное только понять и осознать эту историческую закономерность, подобно тому, как в свое время в некоторых государствах была «осознана» и «обоснована» историческая закономерность неизбежности перехода всех стран от капитализма к социализму, а затем и к коммунизму во всемирном масштабе. Однако, эти гипотезы пока полностью не подтверждаются практикой общественного развития. В более позднее время они были дополнены концепцией необходимости гегемонии, а затем – структурной гегемонии (С. Стрейндж), еще позже – лидерства, т.е. наличия ведущей державы или коалиции ведущих держав, которые обеспечивают и закрепляют расширение системы открытого социально-политического доступа в мировом масштабе и гарантируют невозможность отката и попятной архаизации мировой системы или ее ключевых сегментов. В настоящее время часть американских и европейских исследователей и политиков стала считать, что построение системы открытого социально-политического доступа – есть некоторая спонтанная аномалия социальной эволюции, невозможная для повторения всеми странами в силу их интеллектуальной и социально-политической неготовности к этому. Параллельно возникло объяснение, в соответствии с которым в действительности переход части государств к системе открытого доступа имел свою собственную жесткую логику: императив экономического развития, основанного

на создании рыночного пространства шире, чем территория национального государства, с распространением его на все мировое сообщество, приводит и к трансформации национального суверенитета повсеместно таким образом, чтобы обеспечивать контроль только ключевых параметров, без чего было бы невозможно как активное принятие извне инвестиционных, финансовых, торговых и миграционных потоков, так и свое собственное расширяющееся экономическое проникновение на внешние рынки. Понимание этого императива требовало трансформировать и развить теории национальной и международной безопасности, адаптировав их к императиву трансформации параметров национального суверенитета, обеспечивая адекватное соответствие этих параметров стратегической идее обеспечения развития. Необходимость поддержания высокого уровня технологического развития и использование миграционных потоков извне как способа решения демографических проблем и «притока мозгов» требовал применения новых методов социальной инженерии посредством введения открытого международного доступа к высококонкурентным национальным системам образования, науки и транспарентных механизмов финансирования этого процесса. Появление крупных иноэтничных компонентов в результате многолетней миграции и необходимость инкорпорирования диаспор в иное по этническому составу общество на условиях равноправия способствовало концептуальному оформлению этого процесса (теории «плавильного котла», мультикультурализма и др.) и принятию системы открытого социально-политического доступа как ответа на решение вопроса о системном кризисе в результате изменения демографических параметров и этнической составляющей сложной социальной системы, которая по каким-то причинам ограничивает социально-политический доступ на основе этнонационального, этноконфессионального, социального или какого-либо иного критерия. Однако введение этих новых параметров развития должно сопровождаться эволюционным изменением политического порядка при сохранении в целом его стабильности. Если же система политического порядка в стране по

каким-то причинам подвергается опасности дестабилизации извне или изнутри, то необходимость сохранения стабильности может перевесить необходимость развития.

При всем своеобразии исторического развития конкретных государств с системой естественного (ограниченного) социально-политического доступа можно, тем не менее, выделить его общую составляющую – системные кризисы, которые периодически возникают в обществе такого типа. Разные по природе и формам проявления они обычно приводили к значительному снижению эффективности осуществления легитимных норм обеспечения правопорядка при его формальном ужесточении, а повышение эффективности виделось в проведении правовой политики. Опыт истории свидетельствует, что проблема циклического возникновения системных кризисов (кризисов легитимности) в обществах ограниченного социально-политического доступа не может быть решена только юридическими / правовыми средствами, что и формирует безальтернативность введения социальных и политических порядков открытого доступа, поскольку это уменьшает вероятность социально-политических кризисов, т.е. способствует переходу всей мировой системы в целом в более стабильное состояние, поскольку уменьшает нестабильность ее региональных и страновых сегментов. Однако такая постановка вопроса не исключает, а предполагает необходимость понимания пространственной и временной специфики в этом процессе.

В соответствии с нелиберальными политическими теориями, можно управлять обществами без социальной системы открытого доступа, периодически (или постоянно) применяя силу или угрозу применения силы для обеспечения подчинения народа неизбираемым элитам и, одновременно, постоянно подвергаясь опасности системного кризиса, приводящего к массовому неповиновению народа и полной или частичной замене неизбираемых элит. Открытое конкурирование интересов, соподчинение на основе системы транспарентных правил через достижение национального консенсуса предполагает построение социально-политической си-

стемы открытого доступа в соответствии с либеральными политическими теориями. Однако, при теоретической правильности этого постулата, страны со зрелой системой ограниченного социального доступа при переходе к системе открытого социального доступа могут легко попасть в ловушку противоречия, заключающегося в противоборстве тенденции к стабилизации, равновесию и дальнейшему изменению, преобразованию. Нередко встречается ситуация когда желание несменяемого / пожизненного правления прикрывается лозунгами обеспечения правопорядка и стабилизации, а желание перемен выдается за подрыв правопорядка. Известны и обратные примеры, когда под прикрытием оппозиционности речь идет о нелегитимном или насильственном завоевании власти. В этой ситуации возможности осуществления циклической модели мобилизация-стабилизация оказываются полностью исчерпанными, развития общества не происходит, но преодоление этого тупика не представляется возможным в силу внутренних социально-психологических и культурно-исторических причин. При этом часть общества не хочет и не может доверить политической элите принятие решений, априори признаваемых не только легальными, но и легитимными, однако самым часто предлагаемым рецептом выхода из сложившейся ситуации предлагается лишь повышение легитимности путем ужесточения легальности и приведения ее в адекватный запросам части общества вид. Такая политика чревата изменениями революционного типа; однако возможная коренная смена элит в ходе этого процесса неминуемо приводит к меньшей эффективности при отстаивании своих интересов гражданским обществом, а нередко к полной деконструкции хрупкого гражданского общества и/или откату в социальном, политическом, а части и экономическом развитии. Т.е. дальнейшие изменения, преобразования, модернизация обществ при сохранении внутреннего порядка, регулирующего изменения в направлении повышения их положительного, конструктивного характера, а не препятствующего таким изменениям и без повышения деструктивного характера изменений – главная задача

следующего этапа политического развития стран,двигающихся в направлении построения социально-политического порядка открытого доступа. Следовательно, возникает политическая проблема характера (конструктивного или деконструктивного) и пределов вмешательства государства (либо каких-либо его функциональных частей) в сугубо гражданские политические процессы, но при этом одновременно усиливается необходимость соответствия гражданских и политических процессов законам государства, что связано с конструированием такой системы государственных институтов общественного порядка, которая бы обеспечивала соответствие политической конкуренции законам страны, а политические и общественные институты должны конкурировать таким образом, чтобы не подрывались основы конституционного и общественного порядка и не нарушались нормы правопорядка.

Но потребность в демократическом устройстве может вызревать в других странах иначе, чем в странах Запада, где развитие свободного общества и экономических отношений рыночного типа сопровождалось последующим формированием демократических институтов и всеобщего избирательного права.

Так на постсоветском пространстве демократический импульс большинства, выраженный меньшинством и направленный против монополии правящей партии коммунистов на власть, возник до формирования демократических ценностей и частной собственности. В итоге новая политическая система в этих странах зависла на начальных ступенях политических и экономических преобразований, а власть, политическая элита и общество не сумели изменить сложившееся веками отношения между собой, в результате чего сформировались авторитарные системы государственного капитализма, архаизированные автократии или гибридные политические системы.

Способы формулирования и конституционного закрепления личных прав и свобод человека в каждом государстве различны. Это связано с неравномерностью экономического и политического развития стран, неодинаковостью политических и правовых

систем и традиций. Кроме того, причина разных подходов кроется в уровне политической и правовой культуры, связанной с различным национальным восприятием норм международного права. Государственное регламентирование в области прав человека обнаруживает сильное разнообразие, но на современном этапе можно констатировать процессы сближения правовых систем и установления схожих минимальных стандартов прав и свобод человека в национальных законодательствах государств. Существуют и системы регионального нормативного уровня, которые дополняют универсальные положения, а в некоторых отношениях и повышают степень требовательности к защищенности и эффективности реализации прав и свобод человека. Следовательно, возникает проблема сравнения степени реальной защищенности и эффективности реализации прав и свобод человека в различных политических системах и соответствующих им системах обеспечения внутреннего порядка или в однотипных политических системах, находящихся на различных исторических этапах своего развития. Эта проблема может, в частности, трансформироваться в проблему «двойных стандартов», различных концепций обеспечения прав человека и служить инструментом регулирования межгосударственных отношений или форматирования международного порядка.

Таким образом, если мы признаем влияние культурной и социально-психологической специфики, особой, обусловленной страновой спецификой политической культуры, национальной психологии и национального характера, то должны также признать, что в зависимости от своего характера и интенсивности влияния эти факторы могут формировать своеобразие обществ как одного и того же типа социально-политического порядка, так определять специфику конкретных этапов развития социальных порядков; они могут затруднять или препятствовать переходу от одного типа социального порядка к другому, могут возвращать общества с переходными подтипами социального порядка на колено развития циклического типа. Выделение структурных подтипов естественного (ограниченного) со-

циального доступа на зрелом этапе его развития в зависимости от характера исторического этапа позволяет управлять развитием не только социальных и политических, но и культурных и социально-психологических процессов в обществе определенного типа, а эти процессы, в конечном счете, влияют и на формирование типов и моделей внешнеполитического взаимодействия государства.

Переход от одного этапа к другому внутри социальной системы естественного доступа связан с повышением эффективности государства или, в терминологии китайского профессора Хэ Чуаньци, успешности проведения первичной, вторичной и интегрированной стадий модернизации¹². Первичная модернизация связана с индустриальной эрой, вторичная – с информационной, а интегрированная понимается как совокупное состояние двух стадий, фиксирующее характер их взаимного соотношения в данной стране и отличие от передового уровня такого соотношения. Таким образом, в современных условиях переход к системе открытого социально-политического доступа возникает на переходном этапе зрелого естественного государства (по-видимому, на стадии перехода от гибридного политического режима к неконсолидированной демократии) при понимании исчерпанности путей первичной модернизации для данного государства – т.е. по теории профессора Хэ Чуаньци при реализации большинства из возможных для данной страны индикаторов первичной модернизации на 100%, либо при превышении доли индикаторов вторичной модернизации над индикаторами первичной (выход в фазу вторичной модернизации).

Такая постановка вопроса смещает практический акцент от исследования траекторий режимных трансформаций и вариантов перехода других обществ к осознанию подтипа зрелой системы естественного доступа, на котором находится данное конкретное об-

¹² Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001-2010) / Под ред. Хэ Чуаньци. – М.: Издательство «Весь мир», 2011 [Obzornyi doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001-2010) (Review of modernization in China and the world) / Pod red. Khe Chuan'tsi. – Moscow: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2011].

щество, анализу составных характеристик этого этапа, включая внешнеполитические компоненты, и выявлению путей повышения эффективности государства, которая бы способствовала переходу к более зрелому этапу естественного доступа, на котором возможно начало успешного формирования консенсуса политических элит об исчерпанности циклических моделей, уже не обеспечивающих развитие в условиях современного общества, и необходимости определить пути формирования ключевых параметров открытого доступа, а также к обсуждению национальной версии этих ключевых параметров, если этого требует национально-историческая специфика развития конкретного общества. Но при этом возможное наличие национально-исторической специфики не должно подменять систему открытого социально-политического доступа системой ограниченного доступа, поскольку мировая политическая наука сегодня позволяет достаточно четко, на основе детально проработанных научных критериев (как качественных, так и количественных) отделить один тип социального доступа от другого. Естественно, что все это становится практически невозможным, если стихийно или целенаправленно продолжает усиливаться социальная архаизация и деградация общества.

Понимание политической элитой страны исчерпанности первичной модернизации и осознание необходимости продвижения в фазу развития вторичной модернизации, по видимому, и формирует национальный консенсус необходимости обсуждения путей и ключевых параметров введения системы открытого социально-политического доступа как базового условия вступления в фазу расцвета вторичной модернизации, без которой конкуренция с другими государствами, ранее уже вышедшими на эту фазу своего развития, становится, в конечном счете, заведомо проигрышной. Эта стадия политического развития – выход за циклическое воспроизведение моделей «мобилизация – стабилизация» и «подмораживание – размораживание», которые не обеспечивают нормальное поступательное развитие государства в современных условиях, неизбежно влияет и на

формирование внешнеполитических стратегий государств.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА СОВРЕМЕННОГО МИРА

В процессе трансформации социальных порядков национальных сообществ ключевую роль, судя по всему, играют не только естественно-существующие (уровень экономического, политического, социального и правового развития конкретного общества), но и сформированные или формируемые путем социальной инженерии факторы: определенный уровень экономики и соответствующей ей социальной структуры, понимание исчерпанности циклической модели развития, сознательный консенсус политических элит и общества по вопросу необходимости модернизации и эволюционной трансформации социально-политического порядка и системы обеспечения правопорядка, гарантирующих эволюционную, но стабильную, безопасную и поступательную трансформацию и развитие общества без системных кризисов. Эта модель позволяет строить современные устойчивые политические и социальные институты, без которых, в свою очередь, невозможно проводить дальнейшую экономическую модернизацию, без которой, в свою очередь, невозможно построить сильное, благополучное и свободное государство. Такой комплексный подход позволяет понять внутреннюю связь между формами социального порядка и политическими системами, т.е. роль внутривнутриполитических факторов в развитии и формировании мирового политико-экономического пространства, и по-новому подойти к проблеме влияния внутренних структурных процессов в государствах разного типа на характер международных отношений и процесс мирового развития, т.е. анализировать и прогнозировать влияние разных типов социальных порядков на взаимоотношения государств в международной сфере. Это способствует пониманию причин существования разных теорий объяснения международной реальности (реализма, идеализма, прагматизма, конструктивизма и др.), а также западноцентричных и незападноцентричных подходов к международным отношениям и мировой политике.

Таким образом, со второй половины XX в. политическая система мира хотя и приобрела глобальность прежде всего с точки зрения необходимости экономического объединения и управленческой координации для ответа на экономические кризисы и глобальные вызовы новой эпохи, реальная мироцелостность пока так и не возникла, т.е. политическая система мира оказалась состоящей из государств разного типа, с разными типами порядка социально-политического доступа и разными стратегиями развития, а именно:

а) из государств с социально-политическим доступом естественного (ограниченного) типа. Эти государства ориентированы на межгосударственные отношения Вестфальского типа, они признают и отстаивают принцип национального суверенитета прежде всего в категориях жесткого реализма в международных отношениях. В зависимости от зрелости типа ограниченного социально-политического доступа и конкретной внутрисполитической организации власти, эти государства допускают войну как способ решения проблем внутренней и международной политики. Однако на зрелом этапе развития естественного социального доступа осуществление военных действий как способ ведения международных отношений было кодифицировано положениями международного права и обусловлено неременной необходимостью отпора агрессии со стороны другого государства / государств, а применение силы требовало или консенсуса постоянных членов Совета Безопасности ООН или принятие соответствующей резолюции, дающей право (мандат ООН) на внешнее вмешательство и/или применение силы. При этом в любом случае применение военной силы допускалось только после того, как все дипломатические методы решения конфликта были полностью исчерпаны и международное общество в принципе согласилось с этим. Государства социально-политического доступа ограниченного типа называют также государствами Модерна, или Вестфальскими государствами;

б) из государств с открытым типом социально-политического доступа. Государства этого типа в ходе интеграционных

процессов в значительной степени перераспределили свой суверенитет в рамках наднациональных и внутринациональных институтов. Отношения между собой они регулируют с помощью различных инструментов кооперативизма: либерального институционализма, кооперативной гегемонии, демократического мира, а в отношении государств с другим типом социально-политического доступа могут применять весь арсенал международных инструментов, в том числе при определенных условиях жесткий реализм, санкции, гуманитарные интервенции, принуждение к миру и даже, как правило все же в редких случаях и при определенных условиях, военные интервенции. Эти государства называют государствами пост-Модерна, или пост-Вестфальскими государствами, хотя все эти названия только частично отражают характеристики современной системы международных отношений. Эти государства руководствуются международным правом и, одновременно, необходимостью защищать социально-политический порядок открытого доступа как структурно более уязвимый к внешним угрозам в том числе и военным путем, хотя конкретную ипостась политической власти в этих странах нередко упрекают в применении «двойных стандартов», злоупотреблениях или же в каких-либо эгоистических соображениях. Если эти обвинения обществом признаются достаточно весомыми или, что бывает крайне редко, подтверждаются судом, то происходит обязательная смена представителей конкретного политического режима / власти / правящей партии или коалиции на следующих выборах в ходе голосования народа или же в результате процедуры вотума недоверия (импичмента);

в) государств с примитивным или архаическим типом социально-политического доступа. Это в основном государства традиционной культуры, ориентированные нередко на автаркию и строящие отношения внутри государства и вовне — с другими членами международного сообщества — в значительной степени на довестфальских принципах (семейных, родоплеменных, клановых, архаизированных, иерархических и т.п.). Многие из этих государств в прошлом

были колониями, некоторые не имели своей государственности, не выступали самостоятельно на мировой арене. Государства такого типа называют государствами пре-Модерна, или до-Вестфальскими государствами. Государства этого типа во внутривнутриполитической жизни в основном руководствуются даже не правом, а системой традиционных, племенных, клановых норм и соответствующей системой традиционных социальных институтов, которые могут иметь современные названия и даже вполне современную форму. Эти государства неофициально могут придерживаться традиционных норм, отношений и иерархий прошлого и в современных международных отношениях (к примеру, М. Кадаффи приезжал на сессии Генеральной Ассамблеи ООН со своим традиционным шатром и принимал в нем лидеров других государств, в традиционалистских государствах с историей длительного кочевого развития принято одаривать скакунами, традиционными видами оружия и т.д.), однако в силу своего обычно слабого экономического положения и зависимости от внешнего мира в целом все же исходят из общепринятых норм международного права, поскольку являются членами ООН.

Наряду с этими тремя основными группами государств выделяются несостоявшиеся государства, государства непризнанные или частично признанные, которые оказались в той или иной степени «выпавшими» из мировой политической системы, но при этом существуют в реальности на определенных территориях и имеют свое население. Эти государства и государственные образования в целом ряде случаев и по различным причинам могут вообще не придерживаться норм права, в том числе и международных.

Наличие государств разного типа, пусть и в других пропорциях, чем в прошлом, а также связанных в большей степени, чем раньше глобальными связями взаимозависимости, определяют сохранение в мире конфликтности старого и одновременно переход к конфликтности нового типа, т.е. незавершенность переходного периода в современных нам международных отношениях — именно это характеризуют

специфику современного исторического этапа развития человечества. Поэтому современные официальные парадигмы международных отношений в рамках специализированных государственных институтов, особенно в государствах с различными типами социально-политического доступа, признавая необходимость сотрудничества, осознают и объясняют мировые процессы пока в основном в рамках переосмысленного реализма, неореализма или прагматизма и плохо увязывают процесс мирового развития кооперативистского типа, требующего выработки новых способов и методов защиты своих национально-государственных интересов преимущественно несиловыми методами и способами, с внешними и внутренними аспектами проблематики экономической и политической модернизации и с наличием разных акторов международных отношений, не обязательно государствами и, возможно, уже по преимуществу не государствами. Реальное политико-экономическое наполнение этого процесса, как стало ясно в ходе мирового финансово-экономического кризиса, сложнее и многомернее, а стремление к сотрудничеству и развитию на разных уровнях и между государствами с разными типами социально-политического доступа, даже при стремлении укрепить и обезопасить свой суверенитет от внешних опасностей, все же превращается в преобладающую тенденцию начала XXI в., которую мировые террористические акты не только не подорвали, а еще более укрепили.

Сложность нынешнего периода международных отношений связана с тем, что у государств, находящихся на разных временных этапах развития, охранительные тенденции и необходимость развития могут вступать в противоречие.

Мировое лидерство обеспечивается не только сегодняшним уровнем экономического, технологического и политического развития, но и способностью продуцировать социальные инновации, открывая новые пути социально-политического и технологического развития для всего человечества. Конкуренция на пути продвижения к новому, более совершенному технологическому и социальному укладу, требует производства

социальных, экономических и политических инноваций, которые являются базой для инноваций технологических. Сумевшие обеспечить продуцирование технологических и социальных инноваций подтвердят свой существующий статус или станут новыми мировыми лидерами. Кроме того, возникает и целая серия абсолютно новой проблематики сравнительно-политического характера, связанной с трансформацией и переформатированием мирового политического пространства: насколько новые формы демократии (в частности, восточной или шире – незападной демократии) и интеграции альтернативны существующим, какова их экономическая и политическая перспектива? Могут ли они каким-то образом повлиять или как-то скорректировать вектор мирового развития и/или повлиять на внешнеполитические стратегии государств?

Дело в том, что государства с порядком открытого доступа монопольно контролируют легитимное применение насилия путем подчинения военных сил контролю политической системы, гарантирующей смену власти в случае злоупотребления этим контролем. Эта способность основана на поддержке безличных отношений как внутри государства, так и в более широком масштабе. Для физической защиты своего населения экономически самые развитые государства открытого социального доступа создали и самый мощный в мире военно-политический блок НАТО. «Военная сила» этого блока «политически» подкрепляет поддержку распространения системы безличных отношений в более широком масштабе и, одновременно, гарантирует защиту системы открытого социального доступа извне. В государствах с другим типом социально-политического доступа или в государствах переходного типа по внутриполитическим причинам это может рассматриваться как угроза. Распространение безличных отношений и безличных международных институтов кооперационного развития в целом способствует уменьшению опасностей столкновения прежде всего между государствами с открытым социальным доступом («демократии не воюют»), но и одновременно в том числе при ряде условий и государств с разными системами

социального доступа, ведь государства не разоружаются и продолжают поддерживать свою военную силу. Практика мирового политического взаимодействия показала, что военные противостояния на сегодняшнем этапе мирового развития уже не позволяют конструктивно решать вызовы безопасности и обеспечивать развитие. Такая постановка проблемы позволяет на основе прагматизма формировать внешнеполитические партнерства конструктивного типа, в том числе и между государствами с открытым и естественным типом социального доступа, строить «обезличенные» концепции внешнеполитического взаимодействия и теории внешнеполитической деятельности государства, максимально «абстрагируясь» от идеологического фактора в мировой политике и прагматично ориентируясь, прежде всего на кооперационное взаимодействие с государствами, внешняя политика которых в силу типа их социально-политического порядка является максимально предсказуемой, а уровень социальных и технологических инноваций которых позволяет модернизироваться и другим государствам. Такие прагматичные партнерства конструктивного типа позволяют снизить уровень военного балансирования и военных противостояний. Но достижение договоренностей и взаимопонимания между государствами с открытым и ограниченным типом социального доступа, особенно в период мировых кризисов и социально-экономической турбулентности достигаются значительно сложнее, требуют больших усилий, являются менее прочными и в большей степени зависят от политической конъюнктуры. Особенно вредят взаимопониманию внезапные немотивированные перемены политического курса: разрыв неформальных партнерств, внезапные переходы от строительства системы доступа одного типа к прямо противоположному, деконструкция республиканизма, демонтаж правового общества и опора на архаику, а во внешней политике переход к агрессивной автаркии, опоре на противостояния разного рода, включая военные приготовления, подготовку к войне, конфронтационную риторику, как, впрочем, и любые двойные стандарты, вмешательство во внутренние дела

под своекорыстными или эгоистическими предложениями, снобизм в решении глобальных проблем и т.д. Все это служит только подрыву взаимного доверия и разрушает взаимопонимание. Однако особенно опасными и государства с открытым доступом, и в равной степени подавляющее большинство государств с естественным (ограниченным) доступом, считает разрыв письменных соглашений, поскольку при нарушении неформальных соглашений упрекать можно только себя за непредусмотрительность или объяснять это изменившимися обстоятельствами; разрыв неформальных соглашений можно смирить и работать над восстановлением утерянного уровня отношений в будущем, а разрыв подписанных соглашений чреват подрывом международного права как всеобщей основы международного консенсуса и опасностью войны «всех против всех». Кризисы такого рода имеют серьезные последствия и разрешаются путем существенных усилий, нестандартных или асимметричных решений, компромиссов и взаимных уступок.

Что же касается государств до-Вестфальского типа, то они могут создавать проблемы не только своим гражданам (гражданские войны, разрушенная экономика и т.п.), но и другим, поскольку именно на их территории, как правило, и создаются лагеря для тренировки террористов, очаги производства наркотиков, незаконной торговли оружием. Из этих стран, как правило, и устремляются потоки беженцев, там в силу их невысокого экономического и технологического развития возникают очаги эпидемий трудноизлечимых болезней. Так формируются своеобразные «серые зоны» мировой политики – территории, где деятельность центральных властей в значительной степени ограничена и где международному сообществу трудно предпринять какие-либо меры. Другую группу образуют государства, которые обладают суверенитетом, но которые противопоставили себя мировому сообществу. В таких государствах властные институты работают, но сами эти государства плохо вписываются в современную систему правил межгосударственного взаимодействия. Как правило, это жесткие авторитарные государ-

ства с сильной идеологической или религиозной ориентацией, практикующие насильственные формы мобилизации и социальной организации своего населения.

Как стало ясно в самом начале XXI в. после террористических актов в столицах ведущих государств с системой открытого социально-политического доступа, проблема выбора пути политического и экономического развития была секьютеризирована, т.е. стремление подорвать эволюционный путь трансформации мировой системы, затормозить или прервать силой формирование системы открытого социально-политического доступа насильственным путем, проверить на прочность тезис «демократии не воюют» (хотя демократии не воюют прежде всего между собой), попытка некоторыми религиозными автократиями насильственно подорвать с помощью террористических актов мировой тренд формирования глобальной демократии стали восприниматься как попытка силой повернуть вспять мировое развитие и подорвать глобальную стабильность, за которую было заплачено кровью миллионов людей во время Второй мировой войны, т.е. это стало восприниматься как проблема национальной безопасности в не меньшей степени, чем нелегитимное внешнее вмешательство извне во внутренние дела суверенного государства. Это, в конечном счете, и привело войнам в Кувейте, Афганистане, Ираке и Ливии.

На нынешнем этапе мирового развития существовавшая ранее система баланса и эволюционного развития государств с разными социально-политическими порядками оказалась в значительной степени подорвана усилиями безответственных политических игроков разных стран, хотя все основные параметры договорной системы существующего баланса все еще сохраняются. Раньше система баланса и мирного сосуществования двух систем поддерживалась наличием ядерного и военного паритета двух внеевропейских центров bipolarности (СССР и США) и двух типов социально-политического доступа в международной системе европейского типа, логика которого подчиняла все другие интересы

поддержанию этого паритета, поскольку в противном случае разразилась бы ядерная война. После распада биполярной системы Ялтинско-Потсдамский порядок начал медленную эволюционную трансформацию в новое качество, основанное на понимании, что постепенный эволюционный переход все большего количества национальных государств к системе открытого социально-политического доступа и постепенное мирополитическое форматирование следующей стадии мирового порядка в виде режима глобальной демократии фактически ликвидирует основу конфликтов старого типа, особенно, и в первую очередь – военных (войны за территорию, силовые приращения территории, а не расширение пространства взаимодействия и т.д.).

Дело в том, что в ходе мирового развития последних сорока лет правитель-сюзеры и политическая элита государства де-факто потеряли не только моральное, но и юридическое право делать все, что они хотят с населением своей страны. Если раньше сюзеры полностью вершил судьбы населения своей страны (хочу – убью, хочу – помилую), то к концу XX в. массовые репрессии, геноцид в отношении своего населения, неспровоцированные акты агрессии стали неприемлемы, что породило концепции «гуманитарной интервенции» и разного рода «принуждений к миру» со стороны мирового сообщества, направленных на обоснования права «принудительной коррекции» мировым сообществом такого рода актов для защиты гражданского населения. Также стала скрупулезно оцениваться способность политической элиты страны эффективно управлять «подведомственными» им территориями, поскольку возникла потребность в новой, модифицированной системе мирового / регионального регулирования и поддержания мировой стабильности на основе контроля ключевых параметров, которые позволяют сохранять стабильность, но в то же время не препятствуют развитию. Поскольку взаимозависимость мира стала всепроникающей, способность или неспособность национальных политических элит эффективно управлять национальными территориями стала затрагивать не только политическую

элику и население конкретной страны, но и все другие страны, с которыми они вступили в партнерские отношения. Это, в конечном счете, послужило возникновению, с одной стороны, феномена глобализации политики, с другой – к опасениям внешнего нелегитимного подрыва национальной системы обеспечения политического порядка, возможности «двойных стандартов» и нелегитимного вмешательства во внутренние дела других государств под надуманными, а возможно и эгоистическими или даже своекорыстными предложениями.

Процесс трансформации существующей версии мирового порядка в целом зашел достаточно далеко, чтобы стать очевидным в связи с появлением новых негосударственных акторов мировой политики и происходящей эволюцией категории национального суверенитета, воспринимаемой достаточно болезненно во всех региональных сегментах мира (в ЕС в связи с бюджетным дефицитом Греции, Италии, Португалии и Франции и формированием внешнеполитического и военного ведомства ЕС, в России и Китае в связи с опасениями внешнего нелегитимного «подталкивания» этой эволюции и политики «двойных стандартов», в Иране и КНДР в связи с иракскими, ливийскими, сирийскими событиями и наличием жестко закрытых конфессиональных или идеологических режимов, фактически не имеющих конструктивных внешнеполитических партнеров т.д.), но одновременно он еще очень далек от своего завершения. В то же время эволюционная трансформация мирового порядка, а не его силовой слом, устраивает практически всех основных участников мирового процесса, так как позволяет, не рискуя жизнями своего населения и сохраняя существующий национальный уровень экономического развития, осуществлять конкуренцию моделей развития, т.е. использовать комбинации национальных, региональных, наднациональных и транснациональных факторов для поиска наиболее благоприятного и соответствующего своим национальным интересам места в международной системе, а, заняв более благоприятное место, конструктивно участвовать в трансформации этой системы мировым сообществом максимально благоприятным

для своей нации образом, затрачивая усилия в основном на переформулирование и коррекцию правил функционирования мировой системы, а не на затратные или даже губительные в современных условиях опасности применения оружия массового уничтожения с точки зрения внутреннего экономического развития, демографического потенциала и часто также затратные, но мало эффективные в целом, с точки зрения решения долгосрочных задач, военно-силовые способы решения проблем. Другое дело, что в ходе такой конкуренции выявились не только модели «догоняющего», но и «неуспевающего» развития. Политические элиты таких государств должны объяснять своему населению, в чем причины отставания. Часто вместо объяснений и выяснения причин отставания происходит переориентация на автаркию и поиск внешних и/или внутренних врагов.

Кроме того, в последние десятилетия возникла дискуссия о путях построения порядков открытого социально-политического доступа в разной региональной реальности и при разной степени влияния национально-исторической специфики (дискуссия о демократии в России и Китае). Необходимость монопольной консолидации определений вариативности параметров и характеристик тех или иных политических режимов как успешно построивших порядок открытого социально-политического доступа связана как с относительно небольшим количеством государств зрелой степени открытости социально-политического доступа, так и наличием между ними тесных военно-политических отношений в рамках военно-политического блока НАТО и ряда двусторонних военно-политических союзов. Необходимость интеллектуальной демополизации вариативности построения порядков открытого доступа связана с переходом мировой системы в состояние полицентричности. В тоже время логика перехода от униполярности, требовавшей от лидера мировой системы неуклонного ослабления всех других конкурирующих центров силы и влияния, к многополярности, сместившей акцент на сторону необходимости для лидера построения системы максимально дружественных отношений с другими цен-

трами силы и влияния в мировой системе, ставит вопрос о возможности конкуренции региональных вариантов порядка открытого социально-политического доступа (тем более путей его построения) при сохранении общего понимания его базисных характеристик без неуклонного усиления военно-политического противостояния глобальных регионов или ослабления самой системы открытого доступа, а также при понимании необходимости формирования новых партнерств конструктивного, а не деструктивного типа.

Создав и начав распространять систему институтов открытого социального порядка, Запад открыл эпоху освоения этих институтов другими государствами, в том числе и восточными, которые получили возможность конкурировать с Западом на пути создания более приспособленных, т.е. более конкурентных региональных версий такого порядка в рамках единого тесно переплетенного, взаимосвязанного и взаимоперекрываемого пространства мировой политики, экономики, безопасности. Наиболее яркий пример этому – Китай, который в рамках эволюции гибридного политического режима успешно обеспечил легитимизацию разных форм собственности через систему «трех представительств» (саньгэ дайбяо), инкорпирование всех прогрессивных политических сил в эволюционирующую «полуторапартийную» политическую систему, регулярную сменяемость высшего руководства и коллегиальность принятия решений при персональной ответственности высшего руководителя в соответствии с достаточно транспарентными юридически прописанными правилами, законодательно закрепленные принципы мирного сосуществования и юридическую кодификацию применения военной силы против Тайваня как историко-географической части единого Китая, т.е. Китая одной цивилизации и одного этноса, но состоящего из двух географических частей, управляющихся де-факто разными политическими режимами с разными типами социально-политического доступа. На 4 пленуме ЦК 18 созыва (октябрь 2014 г.) КПК провозгласила курс на построение правового государства, опору на право,

т.е. продвинулась дальше в практическом построении провозглашенного ранее курса на построение в Китае гармоничного общества и правового государства.

Сегодня построение системы открытого социально-политического доступа «обособленно», т.е. вне единого и тесно сплетенного пространства политики, экономики, правовых норм и безопасности маловероятно, а построение каких-либо реальных альтернатив не просматривается. Путь опоры только на собственные силы априори экономически более затратен, чем внутренние трансформации на основе укрепления и расширения мирового пространства коллективной безопасности, международного права, единых политических и экономических представлений. Поступательное продвижение по пути построения национальной версии порядка открытого социально-политического доступа в России даст возможность решать вопросы национального развития и модернизации, не отвлекаясь на излишние траты бюджетных средств на вооружения, но и не забывая о своей обороноспособности. Такой путь дает возможность избежать нелегитимного насилия в отношении граждан страны, использовать наднациональные / транснациональные источники для инвестиций, технологической и институциональной модернизации своего национального государства, повышая уровень и качество жизни своего населения на территории своей страны и ориентирует страну на будущее, а не на настоящее или тем более прошлое.

Для России важнейшей стратегической задачей является не дать втянуть себя в такую геополитическую конфигурацию, которая «заморозит» ее внутривнутриполитическое и экономическое развитие, станет препятствовать формированию прагматичных партнерств конструктивного типа и эволюционному переходу к более эффективным и современным этапам социально-политического доступа, противопоставит государствам, имеющим более высокий инновационно-технологический уровень, и отрежет от преобладающей в мире модели социально-экономической интеграции открытого типа, на основе которой формируется новое качество взаимозависимости и

сопряженности мирового регионально сегментированного политико-экономического пространства, так как в этом случае Россия теряет шанс на использование широкого регионального и международного ресурса для инвестирования в экономическое, социальное и инновационно-технологическое развитие страны и вынуждена будет увеличивать свои затраты на поддержание военного паритета с превосходящими военными коалициями и «идеологическое обеспечение» своей новой закрытости от мира, делегитимизирующей ее политическое устройство. Псевдонеобходимые военные паритеты, понимаемые в русле устаревающей реалистической парадигмы межгосударственного соперничества, отбросят назад экономическое и политическое развитие страны и помешают осуществлению задачи «сохранения» народа и политической и экономической модернизации. Т.е. долгосрочной задачей для России становится минимизация разрывов во взаимосвязанном политико-экономическом и социально-культурном пространстве Европы и Восточной Азии с акцентом на конструктивной, прогрессирующей «общности», стимулирующей поступательный эволюционный переход к более совершенным этапам социального доступа, а не моделей политического устройства, способствующих деградации страны, ее «противопоставленности», «закрытости» или «особости». Форма осуществления такой политики – прагматичное и конструктивное «расширение» единого, взаимосвязанного и консенсусно упорядоченного трансграничного и трансрегионального пространства политики, экономики и безопасности «через» Россию с максимальным включением ее в это формирующееся трансрегиональное пространство более высокого уровня, а внутривнутриполитической задачей – такое развитие инфраструктуры, эффективности государства на конкретном историческом этапе порядка социально-политического доступа, которое будет способствовать максимальному прогрессивному сопряжению и взаимосвязанности российского пространства (экономического и политического) с его евро-атлантическим и тихоокеанским измерением таким образом, чтобы этот процесс

способствовал политическому и экономическому развитию России, а не ее деградации и/или архаизации политического и экономического устройства.

* * *

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что в существующие в настоящее время в мировом сообществе концепции и параметры взаимосвязи внешней и внутренней политики, включая концепции регионально-национальных моделей демократического правления, международно-политических регионов разных структурных типов, региональных подсистем со своим своеобразием внутреннего устройства и системы мировосприятия дискуссионны, но именно эти дискуссии и определяют будущее идейно-теоретических основ мирового порядка второй четверти XXI в. Такая постановка вопроса объясняется следующими практическими соображениями:

– Происходит трансформация Вестфальской системы: изменившаяся система генерирует новые типы вызовов и угроз, которые по-другому воздействуют на государство – не уничтожают его, а подвергают эрозии некоторые из традиционных параметров и/или трансформируют в новое качество. Рассмотрение данных процессов только с точки зрения того, придают или нет субъекты международной системы значение глобальным процессам как существенным, не является достаточным, но и не оспаривает понятие глобальности современных международных отношений.

– Не учитывается наднациональная и транснациональная составляющая мировых процессов, которая охватывает не только одно государство, но и региональные группы государств и отдельные части государств. Не учитывается также явное противоречие между логикой сохраняющегося пока еще деления мира на суверенные государства и транснациональным характером глобализации. К примеру, при анализе процессов, происходящих в Африке и Латинской Америке, следует принимать во внимание также деятельность негосударственных акторов, а также комплекс вызовов и угроз, источником которых не яв-

ляется государство в прямом смысле слова (к примеру, террористические группировки, наркокартели). Предложенный в неотрадиционалистских концепциях (концепции «новых центров силы», «возвращения истории» в национальных государствах и макро-регионах мира с архаизированным внутренним структурным устройством и/или типом социально-политического доступа) не дает адекватного понимания контекста транснациональности и трансрегиональности эволюционирующей и трансформирующейся мировой системы отношений.

– Проблематика «нового качества» границ (концепции «проницаемости границы», границы как зоны сотрудничества, границы как зоны экономического взаимопроникновения и взаимодействия, границ «трансформеров», не мешающих развитию трансграничных процессов) трудно концептуализируется и встраивается в традиционные теории международных отношений, акцентирующих внимание только на государстве как единственном полноценном акторе международных отношений.

– В мире явно происходят процессы «теневой интеграции» регионов – «стягивания» за счет нетрадиционных / неформальных / неформализованных угроз и других типов угроз, а также региональные трансформации и более широкие и глубокие тенденции (макрорегионализация). Современные исследователи предусматривают возможность трансформации регионального комплекса. В то же время механизм подобной трансформации и, в частности, его конкретная политико-экономическая и социально-политическая составляющие, пока не совсем ясны: трансформация в ряде случаев сопровождалась беспрецедентным падением уровня жизни населения, что, соответственно, затрудняло выработку практических рекомендаций. Кроме того, в международных отношениях в расчет не принимаются внутренние процессы, которые зачастую становятся причинами появления и распространения новых «внешних» для других участников процессов и трендов (к примеру, нетрадиционных угроз безопасности), а также такие проблемы, которые оказываются шире по территориальному

охвату, нежели национальное государство, либо группа государств. Дальнейшая теоретическая и практическая концептуализация взаимосвязи мировых внешних и внутренних процессов, в том числе и их политической составляющей, позволяет разрабатывать

прикладные теории конкурентных моделей регионального и национального развития, основанных на максимизации кооперативистского начала в стратегии национальной модернизации и развития при адекватной защите своих национальных интересов.

Роль Запада в формировании международной системы и политика России

Алексей Дмитриевич Воскресенский, профессор, доктор политических наук, PhD (Манчестерский университет), декан факультета политологии МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Сравнительная политика»

***Аннотация:** Существование современностей разного структурного типа на разной исторической основе и с разной системно-структурной организацией приводит к тому, что в одном пространственно-временном ряду международных отношений сосуществуют традиционные и новые акторы, а макрорегионы и национальные государства дифференцируются в соответствии со структурными принципами организации. Тип политического доступа в конкретных национальных государствах, сочетание разных типов политического доступа в макрорегионах разной структурной организации, находящихся на разных исторических этапах развития, в конечном счете, влияет на стратегии развития, характер и приоритеты внешней политики государств, которые, в свою очередь, продолжают в значительной степени определять процессы формирования пространства мировой политики. Вычленение взаимосвязей такого рода дает возможность анализировать влияние типа социально-политического доступа в государствах, коалициях государств и глобальных регионах мира на процессы формирования и характер пространства мировой политики и заниматься социальной инженерией форматирования национального и мирового пространства с целью максимизации преимуществ для поступательного национального развития. Теоретическая и практическая концептуализация взаимосвязи мировых внешних и внутренних процессов, в том числе и их политической составляющей, позволяет разрабатывать прикладные теории конкурентных моделей регионального и национального развития, основанных на максимизации кооперативистского начала в стратегии национальной модернизации и развития при адекватной защите своих национальных интересов.*

Ключевые слова: Современность, мировая политика, международные отношения, акторы, регионы, политический доступ, приоритеты внешней политики, мировое пространство, социальная инженерия, национальное развитие, национальные интересы, кооперативистское начало.

The Role of the West in Evolving World Order, and Russian Politics

Alexei Dmitrievich Voskressenski, Professor, Dr.Pol.Sc., PhD
(University of Manchester), Dean of the School of Political Affairs and
World Politics (MGIMO University), Editor-in-Chief of Comparative
Politics, Russia

Abstract: *Coexistence of structurally different modernities with various historical backgrounds and systemic/structural organizations leads to the coexistence of different traditional and new actors within the same spatial-temporal continuum of international relations, with macroregions and nation-states differentiating in accordance with structural principles of their organization. The type of political access in particular nation-states and the combination of different types of political access in macroregions of different structural organizations and historical phase, ultimately determine a development strategy, the tone and priorities of foreign policy of states which still have powerful influence on further evolution of world politics space. Identifying such interrelations helps to analyze the impact of the type of social and political access within states, coalitions of states and global regions on the evolution and features of world politics space as well as to employ social engineering of national and global space to maximize benefits in the process of social development. Theoretical and empirical conceptualization of interdependence between external and internal processes, including political component, makes it possible to develop applied theories of competitive regional and national development patterns based on higher cooperative trends in national strategies for modernization and development while defending adequately national interests.*

Ключевые слова: *modernity, world politics, international relations, actors, regions, political access, foreign policy priorities, world space, social engineering, national development, national development, national interests, cooperation.*

IMMUNITY FROM WESTERN POLICY ORIENTATION: REVISING THE RELATIONS BETWEEN GREECE AND RUSSIA

Marios P. Efthymiopoulos

INTRODUCTION

On April 8, 2015, Mr. Alexis Tsipras, the Prime Minister (PM) of Greece, visited the Russian Federation and its capital Moscow.¹ During his official visit, Mr. Alexis Tsipras had a meeting with Mr. Vladimir Putin, the President of the Russian Federation, and other top Russian officials. The meeting, much anticipated by the Greek side, inspired a lot of criticism from the West on its usefulness in the time of crisis. One may add that a worldwide discussion ‘ran high’. It would put Greece on the standpoint yet again: western media reacted with skepticism.² What is Tsipras all about? Would this affect the ongoing discussion on the future of Greece’s participation in Eurozone? Would it affect the future geopolitical standpoint of Greece towards the West? International news agencies associated Tsipras with reallocation of national interests of Greece vis-a-vis Europe.³ News media concentrated on the ideological necessity of the ruling government party “Syriza”⁴

of Greece, to reallocate interests towards the Russian Federation. Higher attention to Russia causes bypassing the current EU embargo and/or a future increase of measures applied, due to the Ukraine Crisis.

PM Tsipras is reallocating national and foreign interests of the Hellenic Republic. That is clear. He is creating a new geostrategic, geopolitical and economic security oriented map. A new policy orientation is at hand. A new ‘chess game’ is being put in order. It considers economic realities and ideological trends. A new policy spectrum of Greece is shaped. It considers a strong alliance with the Russian Federation, that is just a start. An alliance which may also expand to include an eventual and necessary membership of Greece to New Development Bank newly established by BRICS (Brazil, Russia, India, China and South Africa),⁵ making Greece the first European Union member to possibly commit its debt and the IMF, EU and ECB debt loan to this emerging institution. Within the context of bilateral relations between the two, the government of the Hellenic Republic is looking for strong political support from the Russian Federation.

The agenda of discussions during the latest meeting between the two leaders included issues of foreign and defense affairs, energy issues, trade, and cultural affairs, to name a few. Considering early analyses in the news media⁶ and primary

¹ Announcement of the Visit of Alexis Tsipras in Moscow, April 8, 2015 / Athens News Agency and the Prime Minister’s Office. Mode of access: http://www.amna.gr/pressReleaseView.php?id=83044&doc_id=15188561.

² Trade Ties and Sanctions on the Agenda as Greece’s Tsipras Visits Moscow / Deutsche Welle, April 8, 2015. Mode of access: <http://www.dw.de/trade-ties-and-sanctions-on-the-agenda-as-greeces-tsipras-visits-moscow/a-18366314>.

³ Russia Links Loom Larger as Greece Seeks Debt Relief / The Wall Street Journal, January 28, 2015. Mode of access: <http://www.wsj.com/articles/russia-links-loom-larger-as-greece-seeks-debt-relief-1422481033>.

⁴ Syriza, is the political party lead by PM (2015) Alexis Tsipras in Greece. Leftist political party-ideological approach to the former Communist

Leninist Marxist approach, currently in ideological relocation towards the European left.

⁵ BRICS Plan New \$50bn Bank to Rival World Bank and IMF / Russia Today, March 27, 2013. Mode of access: <http://rt.com/business/bank-rival-imf-world-852/>.

⁶ Tsipras Praises ‘Brotherly Relations’ Between Russia and Greece / NewsWeek, March 31, 2015.

sources of information,⁷ many anticipated goals and possible forthcoming achievements are yet to be seen and developed. Enhancement of bilateral relations was discussed. Peripheral and global issues were examined. Concerns were raised in the issues, where joined efforts can be applied to resolve existing challenges or deadlocks.⁸ Relations continue to enhance months later.

Considering the debt and loan negotiations of Greece in June 2015, that is not an ending story. It seems, PM Tsipras looks at economic realities and options. Considering the wish for debt restructure, methodology of payment and investment opportunities among others, the PM looked forward to the latest meeting with President Putin, making sure to support possible Russian actions of potential forthcoming investment opportunities in Greece.

A new policy framework and orientation has now been established. It is a process that binds the two sides together in a step by step ongoing approach. Among them, cultural diplomacy and cultural tie programs⁹ are among the most successful diplomatic policies for reapproachment.

A new agenda for 'sustainable growth policies for Greece' may as well be adopted. It provides evidently a good reason for Russia to increase, through 'traditional', otherwise forgotten, cultural ties with the modern day Russia, as reasoning and motive for cooperation.

Tsipras considers Russia as a cultural and religious ally of Greece, a source for long-term objectives and realization of its national strategic planning procedure, if any, for a foreseeable sustainable growth projection plan, which is closer to BRICS (but also to the USA) than the 'conservative' European Union.

Mode of access: <http://www.newsweek.com/brotherly-relations-between-russia-and-greece-says-tsipras-318303>.

⁷ Private Sources of information from both Russia and Greek side restricted the permission to publish names.

⁸ Tsipras-Putin Sign New Trade Deal and Renew Greece-Russia Relations / Greek Reporter, April 8, 2015. Mode of access: <http://greece.greekreporter.com/2015/04/08/tsipras-putin-sign-new-trade-deal-and-renew-greece-russia-relations/>.

⁹ Ibid.

Realignment of national and foreign policy objectives are at hand. They will create a temporary protection from current and possibly future economic pressures associated with the dependency of Greece from its current debtors and the new Eurogroup negotiating team for the Greek Debt and existing Troika Program. It will also satisfy party politics, ideological leftist needs that will be 'unwrapped' in the near future.¹⁰

Once the re-negotiations of Greece's debt procedures with Eurogroup are complete, however according to a reform program they might be delayed and re-discussed by late 2015, Tsipras estimates to re-engage the market approach to the Russian economy, making sure to add a strong policy of Foreign Direct Investment Opportunities. A good way to do this is the establishment of tax-free market zones for investment opportunities.¹¹

PM Tsipras' wish is to eventually create a new 'reality realm', to do more action rather than planning, to balance foreign policy options and enhance trade effectiveness of Greece with the Eastern hemisphere and global supporters, such as Russia. Russia will alternatively provide a way for a membership seat in newly established BRICS, bypassing the blockade of the existing disintegrating EU-Russian Federation relations.

A global shift of capital flow and for investment globally¹² is in place. The PM of Greece understands this global phenomenon that allows for new checks but also balances of interests and power. Tsipras wants to go into global market economy competition. To do so, he wants and needs the Russian Federation, as well as BRICS and CIS (Commonwealth of Independent States) – emerging 21st-century economies – to support Greek actions and methodologies, reassuring a re-align policy

¹⁰ Tsipras and Putin Hail 'New Spring' in Relations / EU Observer, April 8, 2015. Mode of access: <https://euobserver.com/foreign/128265>.

¹¹ Efthymiopoulos, Marios; Zeneli Valbona. From Transition to Opportunity: Security through Economic Development & Institutional Strengthening Research in the World Economy. – Toronto, CA: Sciedu Press, 2012. Vol. 3, Issue 2.

¹² John Hawksworth. The World in 2050 / PWC. Mode of access: <http://www.pwc.com/gx/en/issues/the-economy/the-world-in-2050.html>.

through trade and future trade agreements with the Russian Federation and BRICS.

'The needs of the two nations and their people are been met', the people from the two respective countries stated,¹³ adding to the current state of affairs the possibility of further negotiating, the importance of ideology support, culture, trade and religion. It is estimated that Tsipras will try to strengthen the current and future relationship with the Russian Federation. Cultural and market reorientation is at the table for further and future negotiations. Tsipras 'leans' towards the Russian side looking at large at global opportunism, and global trade agreements for the foreseeable future as well with other leading states. The conservative market of the EU may not be enough to consider development and growth procedures, even paying off current and future dues in the EU, for a new Greece that otherwise wishes and should pay its debt. However, it should also be made clear that Greece should find constructive and practical methods to come out of the debt as soon as possible. Greece needs robust large investments and development actions in practice while facilitating and evolving its own society to meet the 21st century needs.

This is '*the feasibility study of Tsipras' ideology*'. This is the new framework policy of the Hellenic Government adopted through the last elections in January 2015: keeping balance with both Russia and the USA, yet request change in the European framework through new and possibly more feasible alternatives in paying off a debt, not withholding that the debt has become a European debt.

If the Greek government stands by the end of negotiation period in 2015 the Eurogroup and social pressures then Tsipras will eventually provide evidence and reasoning for strong and robust realignment of total foreign policy objectives which will be beneficial for the Russian Federation. It will offer concrete reasoning and robust objectives. The current state of relations seems to be willing to offer plenty to the global market shareholders. At the

same time, it will affirm objectives of support towards the Russian development structure clause. For the forthcoming years, the Greek risk assessment feasibility plan may be able to assure for new strategic opportunities with the Russian Federation. It will include the regions of the Eastern Mediterranean and North Africa, but also the Middle East and the Black Sea Regions as points of sustainable growth opportunities and stability procedures.

This paper is an attempt to project new strategic realities and options, unfolded from the first official visit of Alexis Tsipras as Prime Minister of the Hellenic Republic to the latest Economic Forum meeting of St. Petersburg in June 2015.¹⁴ This is Tsipras' 'immunity' policy from the Western or otherwise European orientation.

This paper is a real-time challenge. It develops its process and analysis, considering both the EU and world political challenges and changes which occur daily. This paper is written amidst the ongoing Greece-Eurogroup, IMF, European Central Bank negotiations on the future debt payment by Greece. Along the lines of real-time analysis, this paper considers current changes, challenges and threats at all levels: political, trade, economic and military. The paper considers why and how to re-orientate objectives with a global market economies such as the Russian Federation.

The paper inquires the relevance and importance of a robust geostrategic alliance between the two countries; it provides elements of a possible 'success story' between the two; a formation of a new order of checks and balances that goes beyond the traditional sequence of relations existing in the 20th century's issues raised. This paper looks at a strong new possibility, a new power generator for the geopolitical area surrounding Greece. It is a consideration of new feasible options that 'battle' the current state of economic and political affairs at the EU level positively affecting both Greece and the Russian Federation profiting from each other for different reasons.

A strategic plan is been unfolded from the side of Greece. It is believed and appears to be structured. It reflects current needs of a market and a society that needs immediately an

¹³ Interviews held both while the research in both Greece and Russia: In Greece the interview was conducted in late September 2014. In Russia it was conducted in May 2014. Both people interviewed requested their anonymity.

¹⁴ St. Petersburg Economic Forum June 18-20 2015. Official Site: <http://www.forumspb.com/>.

‘injection’ of prosperity, growth, development, innovation and resolution of existing socio-political and economic matters.

This paper is an early analysis that reflects the necessity...or not, of the re-evolution of the Greek-Russian state of affairs. It will look at the profitability risk, of re-orienting, several but not all, national interests towards the Russian Federation, which is the case seen to be at this moment, a ‘win-win’ situation it seems for the both.

Proposals and possible outcomes will be pointed out. Lessons, learned from the recent visit of the PM Tsipras to Moscow, are analyzed. Critical evaluations follow on current and ongoing investigations and assumptions of the new kind and style of possible emerging relations.

The paper is beneficial in leveling Greek-Russian relations. It is a paper of critical thinking and analysis. It is, however, a canonical paper. It considers diverse questions and assumes for concrete political action. Through its argumentation, assumptions and issues for consideration, the article looks at current conditions assuming a structured agenda to be negotiated and applied.

We should note that the paper’s analysis and development of recommendations took longer than anticipated. As real policy and concrete analysis, procedures change by the hour. The research paper was written between January and End of May 2015. It does include primary and secondary sources of information, giving way to a quality paper with a quantitative methodology.

The paper assumed many anticipated and unanticipated changes in the program of the leaders in evaluating the ongoing restoration of Greek-Russian Relations. It was not anticipated that following PM Tsipras’ first meeting with President Putin in Moscow that the earlier would not have joined V-day celebrations in Moscow in early May 2015 but did anticipate the participation of the PM of Greece at the St. Petersburg Economic Forum in June 2015.

The second meeting was expected and foretold.¹⁵ It was the case that Tsipras was

invited to attend V-day Celebrations as well, in less than a semester: constructive development in their bilateral relations. However, the Greek PM could not attend the event. The reason is quite clear: the ongoing discussion on the future of the Greek debt. Neither did the first ‘citizen of Greece’, the Honorable President of the Hellenic Republic, attend the celebrations. Rather, Greece was represented by the head of the Hellenic Parliament, representing the Greek Government Ms. Zoi Konstantopoulou.¹⁶

One would have assumed and expected that in the possible second meeting in Moscow in less than six months PM Tsipras would also extend an official invitation to the President of Russian Federation Vladimir Putin, to officially visit Greece to hold talks, establishing the most important agenda of meetings and ‘wishful thinking’ of enlarging and guaranteeing elements of security stability, development, growth and investment. Yet that was not the case.

Development procedures and effective engagement were expected, nonetheless. In the recent visit, Panagiotis Lafazanis, Minister for Development, met with his Moscow counterparts and experts to discuss the evolving possibility of Greece to meet the criteria of membership in BRICS.¹⁷

A membership in BRICS will eventually be proposed by and through the support of the Russian Federation.¹⁸

We, therefore, assume that strategic alliances will eventually and further be proposed, examined and discussed, considering geostrategic trends and global development opportunities. Historical agreements and treaties will be re-institutionalized. A new balance in the region will be implemented.

Legal and political treaties and legal rivalries will now give way to new discussions.

¹⁶ Paul Mason: “Just Spotted Greek Parliament President Zoe Konstantopoulou Laying Wreath at Moscow V Day. Is She Only NATO Presence There?” Mode of access: <https://twitter.com/paulmasonnews/status/596957271940272128>.

¹⁷ “Cash from BRICS”, Panagiotis Lafazanis Discusses Membership of Greece to BRICS / Ethnos Newspaper Greece, December 1, 2015. Mode of access: <http://www.ethnos.gr/article.asp?catid=22770&subid=2&pubid=64195067>.

¹⁸ Request of the interviewee to keep anonymity for this information.

¹⁵ Protagon article on “Tsipras’s limits” / Protagon, April 6, 2015. Mode of access: <http://www.protagon.gr/?i=protagon.el.article&id=40443>. Invited by President Putin to attend the v-day celebrations according to the newsmedia group Protagon.

Actions will be considered for new positions. Statements and wishes are to be taken.¹⁹ An example: the Montreux Convention Regarding the Regime of the Turkish and Bosphorus Straits²⁰ has not been renewed although its

¹⁹ According to a research visit in Moscow in May 2014, a concluding remark states that outstanding treaty and historical issues will give rise to new and further discussions that will reiterate balance of power and interests control in the regions in and around the Black Sea, Mediterranean region, The Turkish Straights and the Aegean Sea.

²⁰ The Montreux Convention Regarding the Regime of the Straits is a 1936 agreement that gives Turkey control over the Bosphorus Straits and the Dardanelles and regulates the transit of naval warships. The Convention gives Turkey full control over the Straits and guarantees the free passage of civilian vessels in peacetime. It restricts the passage of naval ships not belonging to Black Sea states. The terms of the convention have been the source of controversy over the years, most notably concerning the Soviet Union's military access to the Mediterranean Sea. Signed on 20 July 1936 at the Montreux Palace in Switzerland, it permitted Turkey to remilitarise the Straits. It went into effect on 9 November 1936 and was registered in League of Nations Treaty Series on 11 December 1936. It is still in force today, with some amendments. The proposed controversial 21st century Kanal İstanbul project may constitute a possible by-pass to the Montreux Convention and force greater Turkish autonomy with respect to the passage of military ships from the Black Sea to the Sea of Marmara. For more information on the document you can find here: http://sam.baskent.edu.tr/belge/Montreux_ENG.pdf. The United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS), which entered into force in November 1994, has prompted calls for the Montreux Convention to be revised and adapted to make it compatible with UNCLOS's regime governing straits used for international navigation. However, Turkey's long-standing refusal to sign UNCLOS has meant that Montreux remains in force without further amendments. The safety of vessels passing through the Bosphorus has become a major concern in recent years as the volume of traffic has increased greatly since the Convention was signed – from 4,500 in 1934 to 49,304 by 1998. As well as obvious environmental concerns, the Straits bisect the city of Istanbul with over 11 million people living on its shores; maritime incidents in the Straits therefore pose a considerable risk to public safety. The Convention does not, however, make any provision for the regulation of shipping for the

time has now passed. To add, the future of the Crimean Greeks and the Sea of Azov Greeks, is yet to be specifically discussed with Russia who may play a role of 'safe-keeper' of Hellenic culture, traditions and religion in the Azov Sea. Greeks are established in the areas of southeast Ukrainian oblasts of Luhansk, Donetsk and Mariupol.²¹ To finally add energy to future security and transport from Russia to energy dependent states, via Russia, through Turkey to Greece and beyond.²²

The current state of affairs, all in all, should be expected to develop. Bilateral relations will be strengthened. The Prime Minister of Greece wishes political force reaction to current 'obstacles', with the support of the Russian Federation. Stronger bilateral relations best consider options, while grave geopolitical changes continue in the Eastern Mediterranean and the Black Sea regions. Considering the

purposes of safety and environmental protection. In January 1994 the Turkish government adopted new "Maritime Traffic Regulations for the Turkish Straits and the Marmara Region". This introduced a new regulatory regime "in order to ensure the safety of navigation, life and property and to protect the environment in the region" but without violating the Montreux principle of free passage. The new regulations provoked some controversy when Russia, Greece, Cyprus, Romania, Ukraine and Bulgaria raised objections. However, they were approved by the International Maritime Organisation on the grounds that they were not intended to prejudice "the rights of any ship using the Straits under international law". The regulations were revised in November 1998 to address Russian concerns.

²¹ For More information visit, on Ethic culture of the Azov Greeks: <http://www.azovgreeks.com/gha/index.html?page=hstry>; http://www.greeks.ua/content/research-seminar-ethnic-culture-of-the-azov-greeks-the-experience-and-the-prospects-of-research_en/en. The author travelled to Ukraine and in specific the Azov sea areas, including Luhansk, Mariupol, Donetsk. Discussed and interviewed local people and indigenous Greeks living in the area. Visited the community centers and hospital in Mariupol, and villages around were a large number of Greeks live at. September 2013-October 2013.

²² Tsipras – Putin Speak of Spring, Agree on Energy – Trade Cooperation / New Europe, April 8, 2015. Mode of access: <http://www.neurope.eu/article/tsipras-putin-speak-spring-agree-energy-trade-cooperation/>.

both leaders' prospects and options, the both project interlocutors work and, therefore, are expected to propose issues, which will consider providing an end to existing instabilities and emerging threats on the basis of the both countries' national interests and policies.

This paper is clear of theoretical subject matters. Pragmatism and realism are key elements of canonical policy, with which re-orientation of relations develops.²³ A sole methodological approach to this level of research currently matures, while relations between the two countries develop and events are unfolding. The paper evaluates critical position statements made by decision-making centers. It examines current and recently past analyses, media-world reactions on the relations of the two states and adds value through its primary information collected during academic research trips in Ukraine (September-October 2013), Russia (May 2014) and Greece (September 2014).

The most recent primary information for the creation of this paper was collected from March to April 2015, a few months after Mr. Tsipras took office as the Prime Minister of Greece.

This paper attempts to clarify positions. It puts forward issues for consideration. It establishes reasoning and accountability on the importance to hold bilateral strong long-term structured relations. The paper attempts to increase the level of anticipated results and seeks solutions in standing issues; namely, in the fields of economics and investment opportunities, transit routes, energy security and the future cooperation of the two sides in the field of foreign and security policies.

As a disclaimer, this research is by no means associated with any government, ministries or centers of interest. This paper is a part of academic research. It bears all the freedoms of an academic paper and reflects solely the work conducted by the author. This is an independent study that reflects needs, realities, variables, validity in questioning issues and adding issues and proposals for consideration. It is not associated with any government or any center of decision-making. It is associated

with the research work of the author namely in the field of international security, strategy and development at the American University in The Emirates in Dubai.

ECONOMIC CRISIS, GREEK AND RUSSIAN OPPORTUNITIES

The recent economic crisis has not left anyone unaffected globally and regionally. Fiscal constraints did not leave enough space for people and states, to 'manoeuvre' for new investment, development and infrastructure.²⁴ The same case applied to Greece, which is no less than a victim of itself and of interested lenders with high interests but also of false political turns, in fiscal strategic economic growth, orientation and prosperity levels.

Greece by 2015 is under a debt loan. Its official economic recession dates back to 2010. By 2015, Greece is yet again at a financial deadlock – the result of a political turmoil that led to the change of government in January 2015. Today, under the leadership of Alexis Tsipras, a leftist by ideology, Greece seems to defy current restructuring measures imposed by the EU and the IMF and the ECB (European Central Bank) and looking at possible other options, namely from countries of the global market, looking at their spheres of influence. The countries, which are attractive to the geopolitical and geostrategic needs of Greece, are large countries with non-direct borderline with the state, powerfulness in history, traditions and cultures binding the two or multiple sides, and the willingness to invest. These countries are at the eyes of the Greek government: the USA, the Russian Federation, People's Republic of China, India and Brazil, to name a few, and/or other, also new, institutions that can satisfy independently Greece's needs being the World Bank or the newly established BRICS bank.

What led to the systematic economic disintegration and the necessity of alliance resettlement is quite simple: bad fiscal control during the decades of the 80s and 90s; private

²³ When Tsipras Meets Putin: an Opportunity for Fruit Diplomacy? / The Guardian, April 8, 2015. Mode of access: <http://www.theguardian.com/world/2015/apr/08/greece-russia-tsipras-putin>.

²⁴ Ronald Janssen. Greece and the IMF: Who Exactly is Being Saved? / Centre for Economic and Political Research, July, 2010. Mode of access: <http://www.cepr.net/documents/publications/greece-imf-2010-07.pdf>.

interests and a 'rotten system of then populist government' that somehow satisfied the needs of the then emerging European Community. At the same time, the Greece membership in the European Community before 1981 was seen more as an action of security and established capitalism inside the state, which made a good opportunity for Western influence in the Balkans and unstable Turkey. Eventually, over the years, European integration process succeeded to a point. A European identity was created. Neighborhood policy and enlargement procedures produced viable robust long-term results and integration within the EU frameworks became a necessity for those who are 'aspired to become a member or a trade member with the EU. In all of this, Greece which succeeded much of settling in as an equal member of the EU was at the same time a receiver of large amounts of funds, which would provide for restorations, establishments and development. As soon as Greece reached its peak with the Olympic Games, welcomed back in Greece by 2004, Greece's country and per capita GDP has reached similar levels with the rest of Europe, while inheriting a common currency, the euro, by 2001 and giving up one of the oldest currencies in the world – the Greek Drachma.

The change happened fast. With the new EU regulations as well as control, provided to the EU reaching to the EU Lisbon Treaty of 2009²⁵ on further legal and political integration, some had found the opportunity to miscalculate or exploit power over time. This phenomenon eventually led to the emergency and immediate action loan of Greece before 2010, when its financial strategic growth plan had failed. The program initially supported by the IMF in 2010, which also revived the IMF marketing advertisement as an institution, as people now constantly speak about the IMF, at times of austerity and cutbacks. The loan was for 256 billion euro for Greece, a state of 14 million people, according to the latest demographical statistics of 2009.²⁶

By 2015, five years onwards, Greece has managed to make payments and take

appropriately settled installments, while its society slowly disintegrates, as it seems not to be able to cope with taxation policies. Although Greeks seem to be wishing to pay, the taxation is high, direct and indirect taxation is not stable in terms of when, how much and for how long. Foreign investments have not been declared or completed just yet. Programs of registered investments are solely made in specific numbers being until January 2015, facilitated by the former Prime Minister's Samaras office or 'political environment', or at least seen as such by the Greek public as we questioned many of them. Today we know nothing about how the future will look like. What will come about soon after and especially considering the current negotiations processes of a new debt loan agreement that may facilitate social reconstruction for starters and may lead to the creation of a new industry system that does more than the current one?

Greece seems not only to face economic constraints but also political changes. All results show a question of credibility, the sovereign approach in policies and abilities to deliver in practice. This is a result of a public debt loan, which has a false approach and cause²⁷ over the short period of five years.

The downgrading of the Greek government debt to 'junk bond' status back in April 2010 created a European and global alarm in the respective financial markets.²⁸ A domino effect, one may say, took place. It led to financial degradation, as well as in other countries, especially those of South Europe and Western Europe, Ireland and a non-European country, long overdue to fail first, Iceland.²⁹

The PIGS states (Portugal, Italy, Greece, and Spain) entered a bailout system and loaning

²⁷ Greek Debt Deadlock Hits Share and Bond Prices // Financial Times, April 25, 2015. Mode of access: <http://www.ft.com/cms/s/0/675da560-e82a-11e4-894a-00144feab7de.html>.

²⁸ Zettelmeyer, Jeromin; Trebesch, Christoph; Gulati Mitu. The Greek Debt Restructuring: An Autopsy. – Peterson Institute for International Economic, 2013. 67 p. Mode of access: <http://www.iie.com/publications/wp/wp13-8.pdf>.

²⁹ Iceland Rises from the Ashes // *The Guardian*, October 6, 2015. Mode of Access: <http://www.theguardian.com/world/2013/oct/06/iceland-financial-recovery-banking-collapse>.

²⁵ The Treaty of Lisbon: Mode of access: http://europa.eu/legislation_summaries/institutional_affairs/treaties/lisbon_treaty/ai0033_en.htm.

²⁶ Statistical demographic information.

procedure, which guarantee affordability in payment of salaries and affordability of reset of production, with the proper strategic planning of paying back, but with much-needed restructuring. The case seemed not the same for Greece, which lent more funds that it should have.

Public bonds in Greece rose high. Not a good sign for possible economic growth. Micro-economically, demand and supply were no longer met. Private capital markets were practically no longer available to afford Greece's debt and Greek Banks debts. There was an urgent need to restructure the fiscal sector including the fiscal, social, services, industrial and banking sectors. On the 2nd of May 2010, the Eurozone countries and the International Monetary Fund (IMF) agreed on a €110 billion initial bailout loan for Greece. The conditions were to comply with the following three key points:

A. to implement austerity measures and to restore the fiscal balance;

B. to privatize government assets with an initial total worth of €50bn by the end of 2015;

C. To keep the debt's structure sustainable to the global market needs.³⁰

Indirectly, this meant a request to a total restructure of Greece, for the country, to meet the emergence and needs of global markets but also global new challenges. Eventually, this would lead to social and political restructuring, possibly rendering Greece in the future, an attractive market again, but not in the short-term.

Development and growth for Greece can only come about through several steps, namely meeting the needs of the competitive business market world. This includes mergers and acquisitions (middle to small size businesses), and industries upgrades or closures.

Greece is to meet a new capitalist framework that is to be associated with a corporatist environment, one that would/will be globally applied and make the market both attractive for investment and strong in making capital 'made in Greece.'

This is the new economic world order in business viability terms for Greece. Global

market shares will 'add' or 'make' Greece a global market 'services' provider. It will be a clear long-term financial application to both lenders and investors which seek global market opportunities and investments, but most of all seek long-term stability and feasibility planning.

Mergers and acquisitions are currently initiated through the Committee of accredited members for the sale of public property³¹ to make the market more robust. Yet more are needed. Vigorous structural reforms and new acquisitions will improve competitiveness and growth prospect; from the financial to the banking sectors, services and industries, including the sale of major industry, tourism and private infrastructures and estates. The legal system should be 'renewed' in practice. The health system should meet the needs of the 21st century in infrastructure, technology and services, while private and public insurance and the tourist sectors are currently being restructured and rebranded. Greece needs to meet requirements for affordability in expenses and profitability either as a public or private investment that will satisfy service needs.

For the first two years of the IMF loan period, namely from 2010 to 2012, the Greek economic debt seemed not to be reliable enough and, therefore, its payment dues would not be possibly made. A reformation of the loan, with a restructured procedure, was tasked. It would now be handled, by the European Union. A European monetary group and the European Central Bank would share the burden with the IMF. In essence, the EU is for the first time in charge of a member's state dependency, namely Greece over its debt. Making or marking for the EU a first action with which the EU would be evaluated based upon its credibility and abilities to deliver, making sure the validity of the loan payment action methodologies and a restructured planning that would further integrate Greece in the European Union according to the Lisbon Treaty. The European Central Bank and the Euro-economic working group of the Eurozone members are now in charge of all consequent policies to follow.

³⁰ Europe and IMF, agree to a 110 Billion Euros Financing of Greece / IMF, May 2, 2010. Mode of access: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/survey/so/2010/car050210a.htm>.

³¹ TAIPED, "ΤΑΙΠΕΔ" // HRADF. Mode of access: <http://www.hradf.com/el> (the Public authority accredited to sale public property).

However, the procedure to meet the required EU needs rendered the Greek state vulnerable. Greece's dealings fit well with the 28 EU members, the Eurozone members and the IMF, however, do have a strong impact in its social structure and political actions.

The aforementioned made Tsipras's new government tasks since January 2015 quite difficult, as the government represented not only the Greek Left but also social voices from a different range of political party affiliations that can no longer cope with the new rules, procedures and surely vast amounts of taxation.

Tsipras came in hard, adding red-lines and strong political and fiscal objectives. His strategic plan is to negotiate with an initial team leadership and then a government task force. It is headed by its Ministry of Economics and its new minister, Dr. Yanis Varoufakis, a solid personality in economics, with however a questionable negotiating effectiveness that is yet to be proven.

Tsipras' tasks were/are to have a new deal, and/or a group of deals. Deals that will possibly both create affordability of debt payment but also create affordability of global market exposure and development and social restructuring. It is well understood, however; action planning and procedures during the negotiation period are quite different. Negotiations have been going on since the national elections of Greece, in January 2015 nominated Tsipras its Prime Minister.

By June 2015, negotiations are evolving. It is clearly hard to find common ground on solid debt repaying methodology and effectiveness. Eventually, fall out of negotiations, may lead Greece to a 'death-row action', known as Greek Exit or Grexit.

Unfortunately, the economic crisis in Greece is to last for many years. It requires rigorous and serious decisions to be made. A structured planning procedure, a commitment to a strong strategic planning, which needs to be made so not only to bring Greece back and to restore its financial, social and political reliability but to make it a front-runner in regional and global politics. Restructuring, growth and most importantly real-market investment and development; decisions, which will eventually have to be taken, will have to

reflect Greece's future prosperity, growth and development but as many as few possibilities of negative reactions to Greece's society.

A sudden deadlock or breakdown of negotiations will lead to grave challenges and threats. While the new government wishes are slowly downgraded through the steps taken slowly by the Euro-working Group,³² the negotiation procedures continue. Time seems a 'minefield', as time and money are lapsing. A possible resolution to the debt restructuring should be finalized by the end of June 2015 through the Eurogroup and ratified by national parliaments of the states of the Eurogroup, the ECB and the IMF.

Syriza's government will eventually follow similar path payment procedures on the baseline as the predecessor government did with minor or in several cases major changes. The tasked payment methodology will eventually not change. That is clear. Privatization will eventually continue. New taxation policies seem to be negotiated. Greeks will eventually have to face the new realities and consequences.

The sequence of events that will follow will lead Tsipras to ask for more Russian direct investment application and possible BRICS association through membership. Privatization of major industries, sectors and services will continue. Businesses and public infrastructures will be sold. Peripheral and national port authorities, airports and marinas, highways and national rail company among others will be privatized partially or completely to secure fund allocation and sources of income at least for a period lasting until the next general election period. Greece at the same time may become a supplier of Russia's gas and petrol. It will satisfy Russia's military presence in the Mediterranean ocean, and why not in the Aegean if needed.

New challenges will come about. New and emerging economic institutions will give rise to the opportunity for Greece's possible sustainable growth and investment, as long as there is a strategic plan and procedure for the foreseeable future. In this case, BRICS reconstruction bank seems to be an option and/or an opportunity for Alexis Tsipras.

³² Eurogroup Consilium: <http://www.consilium.europa.eu/en/council-eu/eurogroup/>.

His task will be a difficult one. With social and political pressure, national and European, he, among the others, will have to convince Western debt owners that he will bring about a political balance in Greece, a fiscal growth rate, a robust payment methodology and new investment opportunities. Tsipras will take Greece back to the multipolar international political framework,³³ where Greece has a balanced role play as an ally in the region.

Realities and consequences will need to be faced with. A possible Greek exit from the Eurozone, known as Grexit, although an alternative, may not be the best alternative.³⁴ People may believe that a Greek exit will make the national market in the long-term more attractive, due to Greece's location and posture, with early profitability; however, the social circumstances in the short-term period will render Greece vulnerable to social and political instabilities and reactions of questionable security in the country.

Greece will eventually have to resolve standing matters. Greece should find a way to pay off its debt. It is a loan after all. It should have not been agreed, but this is now a rhetorical argument. Greece should have never put itself to the IMF or Eurogroup in such a political and social disposition, the way that it did. This is, however, an entirely different discussion and analysis, which questions morality and ethics in politics, business and society.

Greece's government should attempt to provide concrete, practical, realistic not canonical solely solutions. There are options. Greece will soon face a true opportunity at hand for both its people and possible investors and supporters. Nevertheless, with what geopolitical or strategic cost, I wonder?

An opportunity may be a structured plan of true and actual development, a plan of strategy and effectiveness in putting the 'train back to the rails'. It may stand out in practice as a solution. True development is requested.

³³ A similar reference was made by President Putin on the basis that BRICS reconstruction bank is a key element that brings back a multipolar world // Russia Today, March 22, 2013. Mode of access: <http://rt.com/news/brics-multipolar-world-putin-635/>.

³⁴ There will be chaos said Dr. Efthymiopoulos // Reuters, May 20, 2012. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/2012/05/20/us-greece-newdrachma-idUSBRE84J03Q20120520>.

Development procedures should stand out for real market re-orientation, trade, growth, investment and assistance with services and mobility actions that will render Greece innovative in terms of basic and major city and country infrastructures, all of which will boost investments in the country.

International economic zones should be set up. Foreign Direct Investment should be directed to Greece,³⁵ country, which otherwise is safe, sound and stable, unlike areas of conflict and zones of frozen conflicts or possibilities of unknown external threats.

The major part of the profits of the international zone of taxation should be directed to direct pay of the debt, loan and interests that come with.

Ambitious projects should be declared. Those that relate to energy and direct trade cross-border, regional and international financial growth, development projects of sustainable effectiveness that provide and guarantee financial security. New and smart cities should be created.

Sustainable growth should be established. Strategic planning that recommends an action plan in a timeframe and real action should be projected. This will provide investors with the capital investment back, sustain and afford the investment and will allow a positive outcome, otherwise known as profit.

Local and national GDP will rise again, getting in the way of a five-year recession plan with more years surely to come, if this way and policy persists. The current state of affairs will change. Institutional renewal, innovation and stability will be provided. New employment opportunities, in education, research, health, innovation and other services, will also be provided. A total strategic reallocation in military security affairs will be examined as long as Greece's role within the framework of both the EU and NATO is still protected.

Where the West sees Russian foreign and defense spending or presence as a threat, it is widely and commonly believed in Greece, that Greece can bring a balance to the power

³⁵ Efthymiopoulos, Marios; Zeneli Valbona. From Transition to Opportunity: Security through Economic Development & Institutional Strengthening Research in the World Economy. – Toronto, CA: Sciedu Press, 2012. Vol. 3, Issue 2.

relations between the West, namely the USA, the EU and NATO with Russia.

In essence, marking an economic alliance and re-emergence opportunity of Greece to go along the global market economies, through as well Russia's global market shares, making Russia a gateway to the emerging Eastern market, is a well-structured opportunity.

Financial security, energy security and trade as well may offer stability not only in Greece but the in the South-East European States with European and global aspirations.

Greece's opportunity for financial security will become an aspiration for regional states. Financial security and prosperity is applicable through development projects. Development projects will render cross-border stability if they happen in a cross-border area as well. It is expected to resolve regional issues and disputes and move along the lines of sustainable growth and knowledge economic and development prosperity practices. It will certainly increase the chances for success. It will commit the aspired the South-East European states, to integrated engagement through Euro-Atlantic structures, rendering the region as secure militarily and political for the long-term, while also aspired global market opportunities.

Fiscal security, however, cannot be assured or guaranteed. This is a competitive market approach. Through the framework of relations between Russia and Greece, the stage of competition can be met. There should be a clear long-term projection, commitment and an ambitious strategic plan for total actual growth and development at all fields. For and of a structured innovative and new community engagement and a new market economy that does more for both its citizens, tourists and investors.

The creation of the FDI (Foreign Direct Investment) Network between the two states through the creation of IDN (Interoperable Development Network) would be considered as a 'road map to success.' It will guarantee stability, investment and true development. The FDI through the IDN will guarantee fiscal security and growth in practice. It will eventually recommend for political, military security but as also stability in the region. It will be innovative, co-operational and multilateral. It will create and combine current existing institutions. It will create new institutions of joined conceptual

and practical policies. It will provide actual deliverables for long-term sustainable growth projects that assure sustainable stability, security and profitability.³⁶

Greece and Russia differ. Their prisms of interests differ, power and projection planning as well, checks and balances too. However, they do have more to cooperate with that unites a common cause for a global market effectiveness and cultural diplomacy appreciation. A joined pillar for growth and actual development between the two countries is in a canonical way a strong answer against the growing instability of the market and regional instabilities.

CULTURE, DIPLOMACY IN ACTION

Cultural Diplomacy complements values that projects national influence and gives a way to foreign policy objectives. Cultural diplomacy maybe a 'possible bypass of existing difficulties'. It may positively affect the both countries. Issues of finance, trade, energy, tourism and technology agreements, inter alia, can be added in the agenda of cultural and now effective diplomacy. We are to see a gradual increase of joined decisions that attempt to have an impact factor practically in both regional and international levels through which cooperation will be established.

Cultural Diplomacy will become a 'hub for transport for information and actual development'. It will be an instrument that binds the two. It also binds regional needs for stability and the balance of power that will come about with, if cultural diplomacy is associated with development.

Cultural Diplomacy is not a new policy orientation, for all the countries. The approachment of cultural diplomacy as a policy affects politics. The prisms of realism and pragmatism in international politics projects new realities. Grave geostrategic changes occur. Challenges constantly emerge. Power leadership is projected. Technology is associated with progress, development but also leadership success. Local communities and

³⁶ Efthymiopoulos, Marios; Zeneli Valbona. From Transition to Opportunity: Security through Economic Development & Institutional Strengthening Research in the World Economy. – Toronto, CA: Sciedu Press, 2012. Vol. 3, Issue 2.

societies become global in a local way, through their cultural identity. Cities become truly diverse and multi-cultural. These characteristics now create a field of new policy orientation, mixed in international politics, with which actions are taken named as cultural diplomacy.

Policy and diplomacy of culture as an instrument for influence is not a new policy for Russia. During the Soviet Era, it was part of the “Marxist-Leninist” ideological policy of the Communist Party.³⁷ Education and enlightenment were seen as ‘preparatory courses for party orientation’. The same system is also now applied. Formed during the 20s and 30s, today it seems to reshape itself, to meet capitalist and or corporatist needs of the 21st century.

According to Compendium, “this system remained mostly unchanged until the late 1980s, despite several superficial alterations. Its basic components included:

- Creation of a broad network of state cultural institutions with a strong educational component;
- Formation of a strict, centralized administration and ideological control system;
- Enactment of corresponding regulations;
- Support for classical or high culture that was perceived as loyal or neutral in content”³⁸;
- “...Since 2003, the Federal Government of the Russian Federation, in the spirit of better transparency and more effective budget spending:
 - Re-distributed responsibilities between the three administrative levels by passing more tasks to the regional and local ones;
 - Introduced performance budgeting, and enlarged competitive distribution of budget funds;
 - Created new juridical forms for NCOs (non-commercial organizations) to stimulate institutional restructuring of the culture sector (changing the status of the former state cultural, training and research institutions); and
 - Fostered development of state-private

³⁷ Kellner Douglas. Cultural Marxism and Cultural Studies. Mode of access: <https://pages.gseis.ucla.edu/faculty/kellner/essays/culturalmarxism.pdf>.

³⁸ Compendium: Cultural Policies and Russia / Cultural Policies. Mode of access: <http://www.culturalpolicies.net/web/russia.php>.

partnerships, desestatization, and privatization in the socio-cultural sector, including restitutions to religious organizations...”³⁹

Considering onsite research, information collected and discussions held in Moscow in mid-May 2014, this paper considers that the Russian Federation is in the preparation of a 21st-century cultural strategic concept. We may name it as ‘a Global Russian, Heritage Concept’. It would be safe to assume that Russia’s cultural diplomacy and policy by the end of 2014 is an added value towards foreign and defense policies.

As soon as the geopolitical issues are concerned, Russia claims the right for policy orientation. Crimea, a most debated issue, was and still is a matter of heritage for the Russian Federation; and Crimea seems to be only the start for both political affairs and business actions. Crimean Russians are now part of the Russian Federation.

Solitude seemed to be a key characteristic of request to unite with mother Russia and its Russian historical and cultural ties. A “historical mistake” that had to be resolved, according to Putin’s speech on March 18, 2014,⁴⁰ and unite Crimea to the Russian Federation. A necessity to Russian claims, according to his presidential speech address to lawmakers in Moscow soon before his visit to Crimea⁴¹ and Sevastopol.⁴² An issue was quite differently seen or addressed by counterparts and allies such as leading thinkers in the United States of America⁴³ and the European Union.⁴⁴

³⁹ Ibid.

⁴⁰ President Putin Addresses State Duma: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/20603>, March 18, 2014.

⁴¹ PutinAddressesLawMakersinMoscow//RTnews: <https://www.youtube.com/watch?v=YtM5rk4tods>.

⁴² Putin’s Visit to Sevastopol / EuroNews, May 9, 2014. Mode of access: <http://www.euronews.com/2014/05/09/president-vladimir-putin-makes-on-mention-of-ukraine-crisis-in-victory-day-/>.

⁴³ Putin’s New Words over Crimea, Terribly Reminiscent of Hitler / EuroNews, March 20, 2014. Mode of access: <http://www.euronews.com/2014/03/20/putin-s-words-over-crimea-terribly-reminiscent-of-hitler/>.

⁴⁴ International Business Times: Ukraine Crisis: World Leaders React to Unfolding Disaster in Crimea / EuroNews, March 2, 2014. Mode of access: <http://www.ibtimes.co.uk/ukraine-crisis-world-leaders-react-unfolding-crisis-crimea-1438553>.

Cultural diplomacy is beneficial towards the national strategic and security goals of the Russian Federation. Throughout the heritage and education objectives that it comes with, Russia strategically orients itself and realigns the 21st-century objectives.

Mass media effectiveness as a forward engagement is a part of the cultural and heritage policies of the Russian Federation for the 21st century. It is a tool for marketing. An information and communication tool of strength, which describes Russian policies and understanding in the world community. It allows for more action and responsibilities.

The policy of cultural diplomacy for Russia is an issue of "management for cultural institutional networks."⁴⁵ "...It was passed to the regional and municipal (local) levels and thus their funding was made dependent upon related budgets..."⁴⁶ At present, cultural diplomacy reflects community cooperation. It includes cooperation with the Commonwealth of Independent States (CIS), Brazil, Russia, India, China and South Africa (BRICS countries) and those that are interested in being next to be allied or associated with the Russian Federation, surely and irrespectively of actions in the South East of Ukraine.

For PM Tsipras, cultural diplomacy will test development action and planning. In a bilateral level, it is understood that it brings the two sides closer one to the other. It aims for national interest agendas and action at an international level. *Greece* has limited resources and options in foreign and defense policy objectives. While *Greece* has lowered its national defense expenditure⁴⁷ and its NATO annual budget contribution to a 2.5% per annum, *Greece* looks at options that are cost effective or at least considered like this, unlike what international news media journalists claim.⁴⁸ *Greece* seeks benefit for it to improve its national 'numbers'. To improve interests and

possibly bring a budgetary balance of *Greece* towards its debt to be paid, to the international organizations, states associated with and private debt owners. *Greece* wants and needs to find methods to project growth, which will trigger actual development actions.

Considering that Greeks are now using the Internet as an emerging source of information, Internet communication through which social media platforms do exist for, *Greece* seems to have established a variety of cultural diplomacy policies. *Greece's* rebranding story, a marketing tool, helps to shape and associate *Greece* better with the tourism, its heavyweight industry Tourism, but also possible new trade agreements. However, its rebranding story-telling is not enough. It needs to be and go global.

Ultimately, *Greece* will need to shape a totally new foreign, defense and development economic objectives, for a new strategic long-term, robust plan that surely does more at the levels of much-needed approach what constitutes *Greece* in the global societal structure. One that evens the global market needs and equals profitability both in the micro and macroeconomic levels at the level of Cultural Diplomacy. This is the best method of approaching the international community.

Greece has a complete 'file' of existing and future 'heritage policies'. It holds many reasons to call for action and/or alliances. As *Greece's* culture and heritage is and can surely be understood as a global heritage. Ownership is therefore not an issue. It can be based on the need of protection and global heritage sustainability.

Greece is an 'Archipelago' of Archeology, architecture and design. *Greece* is a place of technology and natural beauty; a resource of morality and ethics, when combined, create a philosophical essence to reality and need of what constitutes a global culture and heritage; the birthplace of the Olympic sentiment, games and respect without fear of racism. This is the new social movement that should be established, one that does more for both the citizens and natives of *Greece* but also the world to which is associated and is assumed that this Great Nation can only benefit by great nations with respect, knowledge and regional and or global power projection.

⁴⁵ Compendium: Cultural Policies and Russia / CulturalPolicies. Mode of access: <http://www.culturalpolicies.net/web/russia.php>.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Sipri Military Expenditure Database. Mode of access: <http://milexdata.sipri.org/>.

⁴⁸ *Greece Can Pay Its Debts in Full, but It Won't: The Signs for Greece's Creditors Aren't Propitious*. Mode of access: <http://www.wsj.com/articles/greece-can-pay-its-debts-in-full-but-it-wont-1424384652>.

LOOKING EAST

Through the prism of agreed fields of cooperation, PM Tsipras and President Putin will develop fast track cooperation in trade and development process concerning bilateral issues. These relate with trade, growth, development and culture. Considering the joined press statement and images,⁴⁹ during their first meeting, and images during the latest St. Petersburg Economic Forum in June 2015,⁵⁰ both sides seem to attempt a re-emergence in otherwise much-needed relations.⁵¹ Irrespective of the current international disputes, namely events happening in Ukraine, the embargo to Russia from the West and the economic status of the Greek state, relations between the two should and will eventually be restructured and renewed. As for both sides, bilateral relationship is a one way street.

A long-term commitment and possibly a form of alliance management may be seen. New forms of cooperation will come into effect supplementing and complementing efforts. Transport, investments, services, new mineral resources exports, maybe sectors of cooperation, which will enrich the most recent of decisions, a gas pipeline, in which the costs of passing through Turkey, Greece and then on to Europe will be divided in an equal share, when in Greece with the Russian Federation⁵². Making and marking Greece as both a service hub and a consumer place through a sustainable growth strategic plan, which will eventually be developed and that will be time-profitable, it will be a strategic plan projecting investment, growth and profitability with all risk assessments associated with.

A signature from both for this new cross country pipeline will render the both sides to

look upon more inter-connected reasons and interests. A new plan will be developed which will be even more supportive in actions and will prevent and or assess possible disintegrating situations in which the both sides will be called to jointly act in and on behalf of their interests.

PM Alexis Tsipras considers possibilities of sustainable short and long-term development and actions while Europe turns its back on him. Accordingly, progress will benefit the both states possibly equally. A long-due and awaited move which does more to bring forth clear relationships with modern Russia, with new dealings, evidently exposing once more joined the cultural and religious ties with.⁵³

The PM of Greece considers pragmatism, a characteristic President Putin is considered for as well. They both want solutions that are valid, affordable and sustainable. In this way Tsipras expects to bring back actual development to the state in all of the possible sectors. Capital will be created with which Greece will meet its debt needs. Greece will look at practical sustainable development in all of its sectors and services; with a different view politically and economically than the current one supported within the state of affairs in Europe.

Political electoral success, which came in January 2015, provided reasoning for a new evaluation and reconstruction of a feasibility process, with all associated risk assessments. According to the aforementioned analysis, Greece may stand out as a viable country, through the following two options:

A. Tackling foreign and national debt. Inside the prism of European command and structure, while anticipating a Euro-Atlantic Trade deal that would probably ease some fiscal and trade issues for Greece while it fights to battle bureaucracy and faulty methods of exports and trade. At the same time Greece will face, and look at, the East for possible options that will not de-rail its EU relations on the basis of capital creation, investment, flows and payback process.

⁵³ In a discussion with a leading academic, it was stated that Russian interests are clearly stated in the field of Business with countries that hold a. great consumer numbers b. geostrategic location c. economic viability. Culture, is a most important asset of success.

⁴⁹ Press Statement and Replies to Journalists of the Bilateral Meeting: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/49220>.

⁵⁰ Zanettos, Nicholas. Russia-Greece Pipeline Kill Diversification Dream? // Signalive News, March 20, 2014. Mode of access: <http://www.signalive.com/en/news/energy/131103/russiagreece-pipeline-kills-eu-diversification-dream>.

⁵¹ Greek PM Defies Neocolonial Approach // Russia Today, April 9, 2014. Mode of access: <http://rt.com/op-edge/248093-greece-russia-talks-relations/>.

⁵² Tsipras & Putin to Sign Preliminary Deal on Gas Pipeline / Ekathimerini, June 17, 2015. Mode of access: http://www.ekathimerini.com/4dcgi/_w_articles_wsitel_1_17/06/2015_551190.

B. Through reforms that supersede already requested the Eurogroup and IMF or ECB reforms. The EU-IMF framework makes sure that the debt is paid back with conditionalities that may make sense in the paper but do not reflect and do not take specific variables into consideration, such as the slow death of Greece's civil society. Agrees with Western programming but with global economic standards in which joined or separate decisions with the Russian Federation shall be taken.

The visit to Moscow in early April 2015 was early considered by the West "a speculative visit, considering the current and ongoing debt negotiations".⁵⁴ A "Political Prophylaxis Syndrome", one could describe immediate reactions from Western Allies, in what others would call the visit as a scheduled and programmed meeting that was actually set up in early February 2015, during the visit of the Hellenic Foreign Minister, Mr. Kotzias to Moscow with his counter-part Mr. Lavrov.⁵⁵

The latest meeting in St. Petersburg during the Economic Forum was labeled by Western media the synthesis of a new strategy that is now seen in the eyes of the Greek PM, a reallocation of interests of Greece: Greece is now immuned from Western Orientation.

WAY FORWARD

The timing of reallocation of the strategic concepts of Greece amidst the fiscal negotiations with the European Union has certainly raised concerns in Europe and in the West. Yet it is also Greece's option and opportunity to engage in reaffirming its role with Global players such as the USA and the Russian Federation.

Greece is to allocate a new foreign and strategic policy orientation that will be fixed

and locked through difficult periods of fiscal years to come. Greece will continue to negotiate with its international debt creditors. For which some Greek officials have suggested and can now find funding elsewhere such as seen in the eyes of direct investment from global partners and institutions such as BRICS.

Russia will not provide eventually direct finance support to Greece, but rather through institutions such as BRICS, in which burden sharing between other members will complete a most needed puzzle of support to Greece.

Nonetheless, direct investment programs, direct sales and cultural programs will become the 'epitomy' of a new policy orientation with which Greece will come back to the more traditional period of support led by the Russian Federation and other supportive European leaders such as France rather than with the European Union, at least for the period in which a leftist, former communist supporter such as Alexis Tsipras will be leading the Greek State.

CONCLUDING REMARKS

Greece is to experience grave changes. Challenges which are laid upon Greece will render the country more vulnerable. Stability and supportive actions are a must for a state, in which geographic location matters. Strategic planning ahead should be done in support with institutions such as the EU to reallocate debt and create a constructive payment plan. However, if this may not be the case, Greece will render itself to a more globalist view in which Russia and the USA as global powers along with those having a European but global orientation such as France, will allow itself for direct talks of mass investment opportunities while strategic planning, law and emotions of society change.

Cultural ties will play a great role in multicultural societies that share similar consequences with Greece. Religious issues will matter and reflect the needs of same religions to wonder their future either in the progress of Europe or in a new state of affairs that does more in terms of more and new joined interests that are now being cleared up considering threats coming from the Asian States and the Middle East.

⁵⁴ Alexis Tsipras Flies to Moscow Amid Speculation of Bailout from Putin // The Guardian, April 8, 2015. Mode of access: <http://www.theguardian.com/world/2015/apr/07/alexis-tsipras-flies-to-moscow-speculation-greek-bailout-vladimir-putin>.

⁵⁵ Joined Comments from the Ministers of Foreign Affairs of Greece and the Russian Federation, as published by the Hellenic Republic Embassy in Moscow / MFA, February 11, 2015. Mode of access: <http://www.mfa.gr/russia/presveia/news/koinos-deloseis-upourgou-exoterikon-kotzia-kai-upourgou-exoterikon-tes-rosikes-omospondias-sergkei-labrob-moskha-11022015.html>.

Immunity from Western Policy Orientation: Revising the Relations between Greece and Russia

Marios Panagiotis Efthymiopoulos, PhD, Assistant Professor, American University in the Emirates, Dubai UAE, e-mail: marios.panagiotis@au.ae

Abstract: *The article analyzes bilateral relations between Russia and Greece in the context of economic crisis in Europe taking into account historic, civilizational, economic, political and international factors. The author assesses possible opportunities which could be enjoyed with the intensification of cooperation with the Russian Federation and with international organizations, such as BRICS. Moreover, the article discusses the economic situation in Greece and possible ways of crisis-management.*

Key words: *Greece, Russia, crisis, economy, West, reforms, debt crisis, Europe.*

Иммунитет против «прозападности» в политике: пересматривая отношения Греции и России

Мариос Панагиотис Эфтьмиопулос, PhD, доцент, Американский Университет в Эмиратах, Дубай, ОАЭ, e-mail: marios.panagiotis@au.ae

Аннотация: *В статье автор анализирует двусторонние отношения России и Греции в свете экономического кризиса в Европе с учетом исторических, цивилизационных, экономических, политических и международных факторов. Автор дает оценку новым возможностям, которые могут открыться перед Грецией в случае интенсификации отношений с Российской Федерацией и международными организациями с ее участием, включая БРИКС. Кроме того, в статье рассматривается экономическая ситуация в Греции и возможности преодоления кризиса.*

Ключевые слова: *Греция, Россия, кризис, экономика, Запад, реформы, долговой кризис, Европа.*

EUROPEAN ENERGY SECURITY AMID UKRAINIAN CRISIS

Vijay Kumar

INTRODUCTION

Crimea issue and further escalation of tension and violence between Eastern and Western region of Ukraine have found echo all over the world. For many of the analysts, even if it cannot be denoted as return of the “Cold War” (which was basically ideological and divided the world into two opposite camps, communism and capitalism), definitely it has once again started chilly rivalry¹ among world most powerful nations namely Russia, America and the countries of the European Union. The rest of the world is now compelled to take diplomatic and political stands, because of its geopolitical implications for the Eurasia region in particular and for the whole world, regarding this unfolding chain of events in the former Soviet region and there is no escape from this situation. The question of sovereignty and integrity of one country, as well as legitimate interest of another country, is getting defined and redefined. Ukraine issue in general and Crimean issue, in particular, bears political, diplomatic as well geopolitical implications for the world in present as well as in the future.

In this regard, it is important to note that many European nations, as well as America, unilaterally and hurriedly proclaimed Russia the main responsible country for this act of violence, tension as well as geopolitically rival act. However, the fact is diametrically opposite. Writing in international journal *Foreign Affairs* with the title “Why the Ukraine crisis

is the West’s Fault: The Liberal Delusions That Provoked Putin” in September/October 2014 issue, prominent American neo-realist thinker John J. Mearsheimer firstly gave the fact which is prevailing in the West, that “according to the prevailing wisdom in the West, the Ukraine crisis can be blamed almost entirely on Russian aggression. Russian President Vladimir Putin, the argument goes, annexed Crimea out of a long-standing desire to resuscitate the Soviet empire, and he may eventually go after the rest of Ukraine, as well as other countries in eastern Europe. In this view, the ouster of Ukrainian President Viktor Yanukovich in February 2014 merely provided a pretext for Putin’s decision to order Russian forces to seize part of Ukraine.”² However, clarifying the issue, he is further of the view, that “but this account is wrong: the United States and its European allies share most of the responsibility for the crisis. The taproot of the trouble is NATO enlargement, the central element of a larger strategy to move Ukraine out of Russia’s orbit and integrate it into the West. At the same time, the EU’s expansion eastward and the West’s backing of the pro-democracy movement in Ukraine – beginning with the Orange Revolution in 2004 – were critical elements, too. Since the mid-1990s, Russian leaders have adamantly opposed NATO enlargement, and in recent years, they have made it clear that they would not stand by while their strategically important neighbour turned into a Western bastion. For Putin, the

¹ Barker, Peter. If Not a Cold War, a Return to a Chilly Rivalry // New York Times, March 18, 2014. Mode of access: http://www.nytimes.com/2014/03/19/world/europe/if-not-a-new-cold-war-a-distinct-chill-in-the-air.html?_r=0.

² Mearsheimer, John J. Why the Ukraine Crisis is the West’s Fault: The Liberal Delusions That Provoked Putin // *Foreign Affairs*, September/October 2014. Mode of access: <http://www.foreignaffairs.com/articles/141769/john-j-mearsheimer/why-the-ukraine-crisis-is-the-west-s-fault>.

illegal overthrow of Ukraine's democratically elected and pro-Russian president – which he rightly labeled a “coup” – was the final straw. He responded by taking Crimea, a peninsula he feared would host a NATO naval base, and working to destabilize Ukraine until it abandoned its efforts to join the West.”³ However, opposite to this fact, to punish Russia for its act and in order to let it retreat from its position the members of the European Union as well as the USA have announced stepwise economic sanctions against Russia. The first step, which had been announced by Europe and America against Russia, were targeted at freezing assets and imposing travel bans on key Putin allies⁴ and this ban list is still being step by step widened.⁵

With GDP of more than \$2 trillion, Russia is the eighth biggest economy in the world and export of commodities, particularly gas and oil, is a basis of its economy.⁶ The EU is Russia's largest trading partner, and there are deep economic links between the two. Almost half of Russia's exports – \$292 billion worth – end up in the EU countries. 15% of Russia's GDP comes directly from the country's exports to the EU. Russia, in turn, is the third biggest trading partner for the EU, with \$169 billion of its imports.⁷ It is important to mention that the use of economic sanctions as a foreign policy tool to get the desired result is not new in this

case. Recent examples of economic sanctions against the two countries, namely Iran and North Korea, can be cited as an example. In this regard EU President Herman Van Rompuy after a meeting in Brussels of the bloc's 28 leaders was of the view that “sanctions are not a question of retaliation. They are a foreign policy tool,” and “our goal is to stop Russia's actions against Ukraine.”⁸ In this background this paper, while making energy as primary factor in Russia-European Union relations and as a very important component for Europe overall development, tries to argue that Europe is heavily dependent on Russian energy (mainly gas and oil), and that economic sanctions against Russia would have limited success and in turn can jeopardize the European energy security as well as European security in general. So political and diplomatic tools (not economic) can be regarded to be the best means to solve the ongoing international crisis.

EUROPEAN ENERGY SECURITY AND RUSSIA

Energy has always played an important role in Europe-Russia overall relationships. In this particular area, the both regions are indispensable to each other. Russia needs money, Europe needs energy. It is important to mention that due to uninterrupted supplies at affordable price Russia has been the main source of energy for European countries, and in the larger European context “Russia stands out as the most important energy supplier. The European Union (EU) imports nearly a third of its oil and almost half of its natural gas from Russia – although the level of dependency differs greatly among the EU member states. According to the European Commission figures, 27% of EU oil consumption and 24% of gas consumption are covered by imports from Russia. As far as EU imports are concerned, 30% of its oil and 44% of its gas come from Russia. Russia is also a major exporter of coal; Russian coal accounted for almost 12% of EU coal consumption in 2005. Furthermore, a few European states are

³ Ibid.

⁴ Yueh, Linda. The Impact of Economic Sanctions on Russia // *BBC*, March 21, 2014. Mode of access: <http://www.bbc.com/news/business-26680182>.

⁵ Council Implementing Regulation No.2015/240 (9th of February, 2015) implementing Regulation (EU) No.269/2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine. Mode of access: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:JOL_2015_040_R_0003&from=EN.

⁶ Chapple, Irene and Kottasova, Ivana. The West's Tricky Trade Relationship with Russia // *CNN*, April, 16, 2014. Mode of access: <http://fjione.tv/the-wests-tricky-trade-relationship-with-russia/>.

⁷ Kottasova, Ivana. Sanctions on Russia: Would World Cup Boycott Hit Harder? // *CNN*, March 24, 2014. Mode of access: <http://edition.cnn.com/2014/03/20/business/russia-eu-sanctions-economy/>.

⁸ US, EU, Russia Ramp up Sanctions over Crimea Action / Business Line The Hindu, March 21, 2014. Mode of access: <http://www.thehindubusinessline.com/news/international/us-eu-russia-ramp-up-sanctions-over-crimea-action/article5813448.ece>.

Table 1

World oil reserves, production and consumption (2008)

World share (%)	USA	EU	Japan	China	Russia	Middle East	Total
Oil reserves	2.4	0.5	0	1.2	6.3	59.9	70.3
Oil production	7.8	2.7	0	4.8	12.4	31.9	59.6
Oil consumption	20.9	22.3	6.4	11.4	3.2	3.9	68.1

Source: Fermann, Gunnar. *Introduction: Dynamic Frontiers of Energy Security* / in Gunnar Fermann (ed.) "Political Economy of Energy in Europe", Berliner Wissenschafts-Verlag, Berlin, 2009, p. 20.

very dependent on imports from Russia: Russian coal accounts for half of the UK's and around 20% of Germany's domestic coal consumption. Russia produces 6% of the world's uranium and supplies around a third of Europe's uranium needs."⁹ Russia supplies gas to 14 European countries; however the main market of its crude oil embraces 11 European countries. According to latest data, in this context, "on the 22nd of January 2014, Alexander Novak, the Russian minister of energy, and Gunther Oettinger, the EU commissioner for energy, published the 13th joint report on the state of energy cooperation between Russia and the EU. This document presents data on the volume of energy trade between the two. According to this official statement, 62% of Russian export of mineral products went to the EU. Russia's share in the import of gas and oil to

revenues are generated from the production, sale and export of energy commodities, so Russia needs an oil price higher than \$117 in order to balance the state budget. Most of Russia's energy export revenue has been generated from trade with the EU, which spent, according to its own estimates, \$1 billion per day on importing energy resources from beyond its borders. In 2012, the EU paid \$300 billion to external suppliers of oil, and \$85 million to external suppliers of gas – Russia supplied a third of the oil and 39% of gas imports to the EU."¹⁰ To quote Metais, "given its central role in the economy, energy is closely linked to the economic growth. It has been calculated, for instance, that for one percentage point of economic growth, primary energy consumption increases by 0.5 point. Considering the fact that development is based on economic growth, it is not surprising

Table 2

World gas reserves, production and consumption (2008)

World share (%)	USA	EU	Japan	China	Russia	Iran	Qatar	Total
Gas reserves	3.6	1.6	0	1.3	23.4	16	13.8	59.7
Gas production	19.3	6.2	0	2.5	19.6	3.8	2.5	53.9
Gas consumption	22	16.2	3.1	2.8	13.9	2.5	0.7	62.6

Source: Fermann, Gunnar. *Introduction: Dynamic Frontiers of Energy Security* / in Gunnar Fermann (ed.) "Political Economy of Energy in Europe", Berliner Wissenschafts-Verlag, Berlin, 2009, p. 21.

the EU reached 29%. At the same time, more than 50% of gas exported by Russia, 66 % of oil and petroleum products, and almost 50% of coal went to the EU. According to preliminary data for 2013, Russia exported 153.9 million tons of oil, 139 bcm of natural gas and 60.5 million tons of coal to the EU. The value of Russian mineral product exports reached \$377 billion in 2013. At the same time, approximately 50% of Russia's state budget

that energy has come to the forefront of political issues".¹¹

The table below has been presented to show unevenness of overall energy (oil and gas) distributions (reserves) and its consumption.

⁹ Perovic, Jeronim. *Introduction: Russian Energy Power, Domestic and International Dimensions* / in Jeronmic, Perovic; Robert W. Orttung and Andreas Wenger (eds) "Russian Energy Power and Foreign Relations Implications for Conflict and Cooperation." – Routledge, Abingdon-Oxon, 2009, p. 5.

¹⁰ Jakub M. Godzimirski. *European Energy Security in the Wake of the Russia-Ukraine Crisis* / Natural Gas Europe, December 30, 2014. Mode of access: <http://www.naturalgaseurope.com/european-energy-security-russia-ukraine-crisis>.

¹¹ Metais, Raphaël. *Ensuring Energy Security in Europe: The EU between a Market-based and a Geopolitical Approach* / Cole Europe, 2014. Mode of access: https://www.coleurope.eu/sites/default/files/.../edp_3_2013_metais.pdf.

However, it can be noted that there are different “Europes” taking into account energy needs. Whether it is the EU-30, the 27 current EU members, or the 15 states that made up the EU before the enlargement of May 1 2004, the level of dependency on Russia varies. In this regard “the countries of the European Union can be divided into three groups. Germany and Italy belong to the first group of countries whose dependency is growing, and which are willing to fund joint projects and invest in Russia’s up-stream activities. The second group of the European states are those whose dependency on Russia is even higher than that of Germany and Italy, such as the Baltic States, Finland, and Central Europe. The third category is represented by states which are less dependent on Russia, but whose gas reserves are waning, including Norway, the Netherlands, and the United Kingdom”.¹² The real energy situation in European countries and their dependence on Russia can be presented in the following table:

Table 3

EU Natural Gas Data, 2012

(Units equal billion cubic feet per year (bcf))

States	Natural Gas Consumption	Natural Gas Production	Natural Gas Import*
Austria	318	64	268
Belgium	597	0	1,084
Bulgaria	95	14	95
Croatia	100	57	48
Cyprus	0	0	0
The Czech Republic	290	5	353
Denmark	138	226	0
Estonia	20	0	22
Finland	109	0	109
France	1,501	22	1,600
Germany	2,656	318	3,065
Greece	148	0	102
Hungary	343	109	208
Ireland	159	7	187
Italy	2,456	275	2,359
Latvia	51	0	55
Lithuania	117	0	192

¹² Closson, Stacy. Russia’s Key Customer: Europe / in Jeronmic, Perovic; Robert W.Orttung and Andreas Wenger (eds) “Russian Energy Power and Foreign Relations Implications for conflict and cooperation.” – Routledge, Abingdon-Oxon, 2009.

States	Natural Gas Consumption	Natural Gas Production	Natural Gas Import*
Luxembourg	39	0	34
Malta	0	0	0
Netherlands	1,285	2,257	512
Poland	586	148	385
Portugal	166	0	73
Romania	477	385	115
Slovakia	212	4	145
Slovenia	31	0	26
Spain	1,109	6	1,225
Sweden	39	0	39
United Kingdom	2,765	1,448	1,734
TOTAL	15,776	5,402	14,048

Notes: Imports plus internal production does not equal consumption because some countries export imported natural gas or their own production within the region. Imports include natural gas received from the other EU countries.

**Some EU countries import more natural gas than they require to re-export natural gas to other countries.*

Sources: BP Statistical Review of World Energy 2013 and Eurogas; cited in Europe’s Energy Security: Options and Challenges to Natural Gas Supply Diversification / in Michael Ratner, Paul Belkin, Jim Nichol, Steven Woehrel. Congressional Research Service; CRS Report for Congress Prepared for Members and Committees of Congress, 2013, p. 8.

Table 4

EU member states’ import dependency on Russian natural gas

Member states	Percentage of total gas imports that comes from Russia
Austria	70
Belgium	8
Czech Republic	100
Estonia	100
France	23
Germany	57
Greece	84
Hungry	81
Italy	36
Latvia	100
Lithuania	100
Poland	68
Romania	100
Slovakia	100
Slovenia	60
Other EU member-states Cyprus, Denmark,Ireland, Luxembourg, Malta, Netherlands, Portugal, Spain, Sweden, the UK)	0

Source: Lisa Pick. EU-Russia energy relations: a critical Analysis / House of Lords, 2008, p.19.

DIVERSIFICATION OF ENERGY RESOURCES

It is not surprising that when member-states of the EU sat together to discuss the next step of economic sanction against Russia on 21 March 2014 in Brussels, the issue that got prominent place was energy.¹³ Now the main issue which has been discussed is to make European nations less dependent on Russian energy sources and diversify its alternative energy. In this regard, it has been argued by many analysts that if Europe wants to hurt Russia on Crimea issue it should stop importing energy from Russia.¹⁴ Otherwise, this exercise of economic sanctions will be futile.¹⁵ However, it has been not for the first time this view emerged among member-states of the EU. Many countries of the European Union feel that new Russian administration has time to

time used energy as a foreign policy tool against neighboring country as well as the European countries. The years of 2006 and 2009 can be cited as an example when European countries were hit hard by blockage of energy flow to Ukraine.¹⁶ Now they are thinking that time is ripe for a search for alternative energy sources. However, congressional research service report prepared for the members and Committees of the Congress in 2013 reveals that “there are many alternatives to Russian natural gas for Europe to choose from, but it would be difficult, if not impractical, for Europe to consider replacing all Russian natural gas imports. Some EU countries and companies also appear reluctant to shift significantly from the status quo. Some of Europe’s larger natural gas companies have huge financial interests in maintaining Russian supplies and do not see a problem in depending so much on one country”.¹⁷ Similarly given Russia’s geographic proximity to Europe and also its large reserves, Wenger is of the view that “Europe’s additional diversification options for stable, reliable, and sustainable energy flows are limited. On the one hand, Europe already has a relatively wide range of energy types, sources, and transit routes due to the high diversity of energy policies at the national level. On the other hand, Russia’s energy power has been rather successful in capturing Caspian energy and in monopolizing European access to it.”¹⁸ He is further of the view that “from a European point of view, transit routes

¹³ Lewis, Barbara. Britain Sets out Europe’s Energy Alternatives to Russia // *Reuters*, March 20, 2014. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/2014/03/20/ukraine-crisis-britain-idUSL6N0MG4YI20140320>; Van Rompuy: EU Moves to Reduce Energy Dependency on Russia / *Voice of Russia*, March 21, 2014. Mode of access: http://voiceofrussia.com/news/2014_03_21/EU-moves-to-reduce-energy-dependency-on-Russia-Van-Rompuy-2608/; Krukowska Ewa. EU Readies Natural-Gas Plan to Cut Reliance on Russia / *Bloomberg*, March 21, 2014. Mode of access: <http://www.bloomberg.com/news/2014-03-20/eu-readies-natural-gas-plan-to-cut-reliance-on-russia-in-months.html>; Kennedy, Bruce. Ukraine Crisis Highlights Europe’s Dependence on Russian Energy // *CBS*, March 14, 2014. Mode of access: <http://www.cbsnews.com/news/does-russian-oil-trump-possible-european-sanctions/>.

¹⁴ Talaga, Tanya. Full-blown Economic Sanctions against Russia Unlikely, Analysts Say / *Star*. March 22, 2014. Mode of access: http://www.thestar.com/news/world/2014/03/20/want_to_hurt_russia_refuse_energy_imports.html.

¹⁵ Gloystein, Henning. EU Options on Russian Energy Stranglehold Few and Pricy / *Yahoo*, March 21, 2014. Mode of access: <http://news.yahoo.com/insight-eu-options-russian-energy-stranglehold-few-pricy-141402503--finance.html>; Chow, Edward C. and Hudson, Anne. The Russia-EU Gas Relationship: A partnership of necessity / *CSIS*, November 20, 2013. Mode of access: <https://csis.org/publication/russia-eu-gas-relationship-partnership-necessity>; Oegg, Barbara and Elliott, Kimberly A. Russia and the Effectiveness of Economic Sanctions between Big Players / *VOXEU*, October 8, 2008. Mode of access: <http://www.voxeu.org/article/futility-using-economic-sanctions-against-russia>.

¹⁶ Ukraine Gas Row Hits EU Supplies // *BBC*, January, 1, 2006. Mode of access: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/4573572.stm>; Factbox: 18 Countries Affected by Russia-Ukraine Gas Row // *Reuters*, January 7, 2009. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/2009/01/07/uk-russia-ukraine-gas-factbox-idUKTRE5062Q520090107?sp=true>.

¹⁷ Ratner, Michael et al. Europe’s Energy Security: Options and Challenges to Natural Gas Supply Diversification / CRS Report for Congress Prepared for Members and Committees of Congress. Mode of access: www.fas.org/spp/crs/row/R42405.pdf.

¹⁸ Wenger, Andreas. Russia’s Energy Power: Implications for Europe and for Transatlantic Cooperation / in Jeronimic, Perovic, Robert W. Ortung and Andreas Wenger (ed) “Russian Energy Power and Foreign Relations Implications for conflict and cooperation” – Routledge, Abingdon-Oxon, 2009.

and supplies from the Caucasus, North Africa, and the Middle East are fraught with risks of their own, given the complexities of the political conflicts in these regions – a point driven home during the 2008 crisis in Georgia”. In this regard, writing about ongoing Crimea crisis and its possible implications, Barker and Crofts have an opinion that EU struggle to reduce its reliance on Moscow in the short term and most alternatives will be more costly than the oil and gas that is currently pumped directly to the West from Russia.¹⁹ However, Russia does not face this type of limitations in searching for alternative energy markets; it has met success also in this regard with the signing of a big gas pipeline deal with China (400 billion dollar worth) moving its energy pivot further to the East.²⁰

CONCLUSION

It is because of the above reasons why Western newspapers are full of information about why there has not been any consensus among the European countries about actual modalities of the economic sanctions.²¹ In this regard, it is important to mention that European countries cannot follow the American path of imposing economic sanction on Russia because “the economic relationship between Russia and the U.S. is more unbalanced. Russia is the

20th largest trading partner for the U.S., with \$27 billion worth trade exported across the Atlantic. On the flip side, the U.S. is Russia's fifth largest partner, with just \$11 billion worth trade. According to Russian Foundation's Chair David Clark, trade is a «relatively unimportant» component of their relations. Energy links are also weakening as the U.S. chooses shale gas for its energy supplies and heads toward self-sufficiency.”²² However, Europe has much more deep economic and energy ties with Russia. According to one analysis, if the EU turned off the gas taps, the annual loss to Russian revenues would be a painful \$70 billion, or 3% of the gross domestic product, points out *Bruegel*, a Brussels-based economic policy think tank. But with 30 % of the EU's energy supplies coming directly from the Russian Federation and its energy producing jewel Gazprom, these taps will never be closed. Dependency usually impacts the both sides, and that is definitely the case here, said Nick Chamie, the Scotiabank's Chief investment officer of international wealth management.”²³ Similarly, Robert Pape, political science professor at the University of Chicago specializing in security studies says that sanctions would hurt the both sides. «Between great powers, leverage is a two-way street; Russia can squeeze us almost as effectively as we can squeeze it,” wrote Pape for the CNN.²⁴ The opinion of the President of Lithuania is also suitable for the occasion: economic sanctions will backfire; political and diplomatic action would be the best in this case.²⁵

¹⁹ Barker, Luke and Adrian Croft. Europe Set to Add Names to Russia Sanctions List, Weigh Energy Issues // Reuters, March 20, 2014. Mode of access: <http://www.reuters.com/article/2014/03/20/us-ukraine-crisis-eu-sanctions-idUSBREA2J0PU20140320>.

²⁰ Young, L. Patrick. Russia-China Deal: Even Energy Pivots East / Russia Today, May 21, 2014. Mode of access: <http://rt.com/op-edge/160212-russia-china-gas-deal-east/>.

²¹ Bell, Stewart. Europe's Dependence on Russian Oil and Gas Makes it Hard to Enact Meaningful Trade Sanctions / National Post, March 3, 2014. Mode of access: <http://news.nationalpost.com/2014/03/03/europes-dependence-on-russian-oil-and-gas-makes-it-hard-to-enact-meaningful-trade-sanctions/>; Unger, David J. Why Europe Can't Hit Russia With Its Biggest Club: Energy Sanctions / Yahoo, March 18, 2014. Mode of access: <http://news.yahoo.com/why-europe-cant-hit-russia-biggest-club-energy-164600230.html>; Groundi, Pablo. Oil Rises Past \$99 Amid New US Sanctions on Russia / ABC, March 21, 2014. Mode of access: <http://abcnews.go.com/International/wireStory/oil-falls-98-demand-crimped-22999539>.

²² Kottasova, Ivana. Sanctions on Russia: Would World Cup Boycott Hit Harder? // CNN, March 22, 2014. Mode of access: <http://edition.cnn.com/2014/03/20/business/russia-eu-sanctions-economy/>.

²³ Talaga, Tanya. Full-Blown Economic Sanctions against Russia Unlikely, Analysts Say. Mode of access: http://www.thestar.com/news/world/2014/03/20/want_to_hurt_russia_refuse_energy_imports.html.

²⁴ Kottasova, Ivana. Sanctions on Russia: Would World Cup Boycott Hit Harder? // CNN, March 22, 2014. Mode of access: <http://edition.cnn.com/2014/03/20/business/russia-eu-sanctions-economy>.

²⁵ Stoll, John D. Lithuania President: Economic Sanctions Will Backfire; Political, Diplomatic Action Best // WSJ, March 19, 2014. Mode of access: <http://online.wsj.com/article/BT-CO-20140319-707155.html>.

European Energy Security amid Ukrainian Crisis

Vijay Kumar, PhD, Jawaharlal Nehru University (New Delhi, India)

Abstract: *On the basis of overall analysis of the European dependence on Russia for its energy needs (mainly gas and oil) this paper tries to argue that economic sanction against Russia will have limited success. It will hurt the region badly, but it has more potential to jeopardize the European energy security aspect – a long cherished goal of the European nations. So, the best means to solve the Ukraine crisis is political and diplomatic tools, not the economic ones.*

Key words: *energy security, economic sanctions, EU, Russia, energy crisis, Ukraine, diplomacy, gas, oil export, Ukraine crisis.*

Европейская энергетическая безопасность на фоне украинского кризиса

Виджей Кумар, PhD, Университет Джавахарлала Неру (Нью-Дели, Индия)

Аннотация: *На основе комплексного анализа зависимости Европейского Союза от российского экспорта энергетических ресурсов (прежде всего, газа и нефти) автор делает вывод о том, что экономические санкции против России не позволят достичь поставленных целей. Санкционная политика нанесет значительный ущерб обеим сторонам; более того, она создает угрозу для европейской энергетической безопасности, обеспечение которой всегда считалось приоритетной задачей Европейского Союза. Таким образом, наиболее эффективный путь к разрешению текущего кризиса – это использование не экономических, а политико-дипломатических средств.*

Ключевые слова: *энергетическая безопасность, экономические санкции, ЕС, Россия, энергетический кризис, Украина, экспорт нефти и газа, украинский кризис.*

КАЗАХСТАН И ЕС: ОТ СТРАТЕГИИ СОТРУДНИЧЕСТВА К НОВОМУ СОГЛАШЕНИЮ О ПРОДВИНУТОМ ПАРТНЕРСТВЕ

Р.С. Курмангузин

На начальном этапе суверенного развития Республики Казахстан (РК) ключевыми внешнеполитическими задачами были определены преимущественно те, с решением которых было связано укрепление государственного суверенитета, территориальной целостности, нерушимости границ, экономической и экологической безопасности, общественно-политической и этнополитической стабильности¹.

Исходя из этого, приоритетными направлениями считались интеграционные процессы на евразийском пространстве: предложения Президента Н.А.Назарбаева о создании Евразийского союза (озвучено в ходе визита в Москву в марте 1994 г.), о созыве Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии – СВМДА (прозвучало с трибуны 47-ой сессии ГА ООН в октябре 1992 г.), а также об учреждении соответствующих структур в Центральной Азии.

Основные внешнеполитические события в страновом аспекте в середине 1990-х гг. были связаны с выстраиванием добрососедских отношений с государствами, с которыми имеются общие границы. В первую очередь это Россия²,

Китай³ и центрально-азиатские страны⁴. Было положено начало диалогу с США⁵, а также взаимодействию с ведущими международными и региональными организациями (ОБСЕ⁶, Европейский Союз, НАТО⁷, ОИК⁸). Необходимо упомянуть и тот факт, что в 1994 г. Казахстан присоединился к ДНЯО в качестве государства, не обладающего ядерным оружием, внося тем самым ценный вклад в международную безопасность и контроль над вооружениями.

На рубеже нового тысячелетия актуальность приобрела интеграция в мировые экономические зоны – «единственный способ выживания нации и государства»⁹. Основной

было подписано 22 документа о сотрудничестве в политической, экономической, военной, технической, а также в области науки и культуры.

³ В апреле 1994 г. Казахстан подписал с КНР Соглашение о государственной границе.

⁴ К началу 1995 г. со всеми соседями по региону были заключены Договора о дружбе и сотрудничестве.

⁵ В феврале 1992 г. в Вашингтоне была подписана Хартия о демократическом партнерстве между Казахстаном и США.

⁶ Казахстан – член ОБСЕ с 1992 г. На саммите организации в декабре 1994 г. в Будапеште республика получила совместные и всеобъемлющие гарантии безопасности со стороны ядерных держав.

⁷ В феврале 1992 г. Казахстан присоединился к программе «Партнерство во имя мира».

⁸ Членство в организации Казахстан оформил в декабре 1995 г.

⁹ Назарбаев Н.А. Стабильность и безопасность страны в новом столетии. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана. 14 декабря 1999 г. / Стратегия независимости. – Алматы, 2003. – С. 74. [Nazarbaev N.A. Stabilit'nost' i bezopasnost' strany v novom

¹ Касенов У. Т. Основные итоги внешнеполитической деятельности Республики Казахстан и ее приоритетные задачи. – Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований, 1994. – С. 22. [Kasenov U.T. Osnovnye itogi vneshnepoliticheskoy dejatel'nosti Respubliki Kazakhstan i ee prioritetnye zadachi (Main results and priority tasks of foreign policy activity of the Republic of Kazakhstan). – Almaty: Kazahstanskij institut strategicheskikh issledovanij, 1994. P. 22].

² Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с Россией был заключен в 1992 г. В 1994 г. состоялся первый визит Президента Н.А.Назарбаева в Москву, в ходе которого

задачей на внешнеполитической арене было определено достижение оптимального баланса «разумного сочетания старых и новых параметров международных отношений»¹⁰.

В этой связи стали набирать обороты взаимодействие с ЕС, который, укрепив позиции в системе международных отношений, с 2000 г. был занят реализацией Лиссабонской стратегии и присоединением стран Центральной и Восточной Европы.

В указанный период Казахстан находился на важном этапе экономического и политического развития. Озвученная в 1997 г. Президентом Н.А.Назарбаевым Стратегия «Казахстан – 2030» требовала решения задач по обеспечению национальной безопасности, устойчивого экономического роста, базирующегося на открытой рыночной экономике с высоким уровнем иностранных инвестиций и внутренних сбережений, а также надлежащим использованием энергетических ресурсов и созданием соответствующей инфраструктуры. В сложившихся условиях перед МИД РК, который уже десятилетие функционировал как центральный орган дипломатической службы¹¹, была поставлена задача по активизации взаимодействия с ЕС.

Первый шаг был сделан в 2000 г. во время визита в Брюссель Президента Н.А.Назарбаева. На переговорах с Пред-

седателем Европейской Комиссии Р. Проди стороны впервые затронули вопрос о достижении в перспективе стратегического партнёрства. Ранее была заложена база перспективного взаимодействия. В 1999 г. вступило в силу Соглашение о партнёрстве и сотрудничестве, подписанное в 1995 г. Был запущен механизм по его реализации, проведены первые заседания Совета и Комитета сотрудничества «РК – ЕС», Комитета парламентского сотрудничества.

Во время встречи Президент Республики Казахстан предложил совместную разработку Общей стратегии сотрудничества в регионе Центральной Азии (ЦА). Документ предусматривал:

- расширение торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия;
- обеспечение доступа товаров и услуг на европейские рынки;
- сотрудничество в области энергетики;
- взаимодействие в сфере добычи и переработки газа;
- сотрудничество в транспортно-коммуникационной области, а также в финансовой и банковской сферах¹².

Необходимость Общей стратегии определялось тем, что в действующем Соглашении не были учтены проблемы, с которыми Казахстан столкнулся в новом тысячелетии. Фактически на начальном этапе Соглашение выполняло роль международного документа, который гарантировал защиту иностранных инвестиций в Казахстане¹³.

В предложениях к Общей стратегии был сформулирован тезис о необходимости поддержки интеграционных процессов в ЦА в интересах объединённой Европы для сбалансированного развития региона. Казахстан стремился достичь взаимопонимания по ключевым проблемам: объединение усилий по противодействию современным вызовам и угрозам (борьба с терроризмом, организо-

stoletii. Poslanie Prezidenta Respubliki Kazahstan narodu Kazahstana (Address of the President of the Republic of Kazakhstan to the people of the Kazakhstan). December 14th 1999. / Strategija nezavisimosti, – Almaty, 2003, p. 74].

¹⁰ Токаев К.К. Дипломатия Республики Казахстан. – Астана, 2001. – С. 47. [Токаев К.К. Diplomacy of the Republic of Kazakhstan. – Astana, 2001. P. 47].

¹¹ В июле 1992 г. главой государства были утверждены положения «О МИД РК», «О Посольстве РК», «Об основных обязанностях Чрезвычайного и Полномочного Посла РК». Постановлением Кабинета Министров «Вопросы МИД РК» была установлена численность работников центрального аппарата в количестве 476 человек (без аппарата госучреждений и персонала по обслуживанию). См. Курмангузин С.А. 45 лет на дипломатической службе: мемуары. – Алматы, 2003. – С. 218. [Kurmanguzhin S.A. 45 let na diplomaticheskoy sluzhbe: memuary (45 years at diplomatic office). – Almaty, 2003. P. 218].

¹² Детальный обмен мнениями по концепции документа состоялся позднее между Р.Проди и Премьер-Министром РК К.Токаевым. Подходы сторон обсуждались и во время второго заседания Совета сотрудничества «РК – ЕС».

¹³ Закон РК «О государственной поддержке прямых инвестиций» был принят в феврале 1997 г., с ноября стал функционировать Государственный комитет по инвестициям.

ванной преступностью, незаконным оборотом наркотиков), налаживание сотрудничества ЕС с существующими на евразийском континенте международными организациями и структурами (ШОС, СВМДА, Евразийское экономическое сообщество¹⁴).

Несмотря на то, что Астане и Брюсселю не удалось выйти на единый документ, казахстанская инициатива позволила европейцам понять интересы одной из стран ЦА, что в дальнейшем облегчило работу при подготовке «Стратегии Европейского Союза в отношении Центральной Азии на 2002–2006 гг.».

Знакомство с последней показало, ЕС учел предложения по формированию открытых рыночных экономик, привлечению иностранных инвестиций, расширению торговли, что являлось необходимым условием улучшения уровня жизни населения в странах центрально-азиатского региона. Были учтены также такие области сотрудничества, как борьба с организованной преступностью, терроризмом и наркотрафиком, защита окружающей среды, развитие демократических институтов, защита прав человека и снижение уровня бедности, повышение эффективности государственного управления, совершенствование законодательства и формирование гражданского общества¹⁵. Безусловно, что указанный документ не являлся стратегией в собственном смысле этого понятия, а лишь определял общие принципы, цели и индикаторы оказания помощи региону¹⁶. Однако его принятие

было связано с интересом, который ЕС стал проявлять к региону после событий 11 сентября 2001 г.

В 2005 г. ЕС осознал необходимость разработки новой стратегии. Не исключено, что это было связано с попыткой дать ответ Вашингтонскому проекту «Большая Центральная Азия». Такое утверждение подтверждают прозвучавшие в 2007 г. высказывания главы МИД Германии Ф.-В. Штайнмайера, который подчеркнул, что ЕС стремится помочь государствам ЦА самим построить свое будущее¹⁷.

По мнению российских специалистов, основной причиной роста политического интереса к региону ЦА стало активное вовлечение европейских членов Североатлантического альянса в борьбу с терроризмом в Афганистане, на которых США стали постепенно перекладывать ответственность за этот регион, а также необходимость поддержки тыловых баз в центрально-азиатских странах¹⁸. Аналитики ЦА связывали интерес ЕС с осложнениями вокруг поставок российского газа в Европу из-за проблем с украинским транзитом в начале 2006 г.¹⁹.

¹⁴ Необходимость такого взаимодействия европейские лидеры признали спустя 15 лет после известных событий на Украине.

¹⁵ Курмангузин Р.С. Казахстанские инициативы по сотрудничеству с Евросоюзом // Вестник МГИМО–Университета. – 2015. – №1(40). – С. 189. [Kurmanguzhin R.S. Kazahstanskije iniciativy po sotrudnichestvu s Evrosojuzom (Kazakh initiatives to cooperate with European Union) // Vestnik MGIMO-Universiteta, 2015, No. 1(40), p. 189].

¹⁶ Казанцев А.А. Политика стран Запада в Центральной Азии: ключевые характеристики, дилеммы и противоречия. – М., 2009. – С. 138. [Kazancev A.A. Politika stran Zapada v Central'noj Azii: kljuchevye harakteristiki, dilemmy i protivorechija (Western policy in Central Asia: projects dilemmas and contradictions). – Moscow, 2009. P. 138].

¹⁷ Лапинс В. Гражданские державы как игроки в Центральной Азии – германская и европейская политика интересов в эпоху перемен // Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центрально-азиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф.Эберта, 2008. – С. 30. [Lapins V. Grazhdanskije derzhavy kak igroki v Central'noj Azii – germanskaja i evropejskaja politika interesov v jepohu peremen (Civic powers as actors of Central Asia – German and European politics of interests in the era of changes) // Central'naja Azija: vneshnij vzgljad. Mezhdunarodnaja politika s central'no-aziatskoj točki zrenija. Berlin: Fond im. F.Jeberta, 2008, P. 30].

¹⁸ Казанцев А.А. Политика стран Запада в Центральной Азии: ключевые характеристики, дилеммы и противоречия. – М., 2009. – С. 127. [Kazancev A.A. Politika stran Zapada v Central'noj Azii: kljuchevye harakteristiki, dilemmy i protivorechija (Western policy in Central Asia: projects dilemmas and contradictions). – Moscow, 2009. P. 127].

¹⁹ Комилова Х.Г. Центральная Азия и Европейский Союз: новые реалии // Современная Европа. – 2009. – №2. – С. 156. [Komilova H.G. Central'naja Azija i Evropejskij Sojuz: novye realii (Central Asia and European Union: new realities) // Sovremennaja Evropa, 2009, No. 2, p. 156].

Можно предположить, что одна из причин это – подведение итогов десятилетнего взаимодействия с государствами региона²⁰.

Что касается Казахстана, то в тот период страна стояла на рубеже нового этапа социально-экономической модернизации и политической демократизации²¹, который был обозначен как вхождение в число пятидесяти наиболее конкурентоспособных и динамично развивающихся государств мира.

Новые приоритеты, связанные со стремлением войти в указанный клуб, требовали внесения корректив во взаимодействие с Брюсселем. Казахстан был заинтересован в придании сотрудничеству большей содержательности в области региональной и международной безопасности, экономики, социального и культурного взаимодействия.

Астана высказала готовность создать благоприятные условия для инвестиционной деятельности, реализации перспективных проектов, а также привлечения передовых технологий²².

В феврале 2006 г. европейцы подготовили предложения к проекту новой Стратегии. В документе преобладала торгово-экономическая проблематика. Учитывая это, а также принимая во внимание, что Казахстан уже излагал своё видение пер-

спективный направлений взаимодействия, заступающая в первой половине 2007 г. на председательство в ЕС Германия попросила Астану представить соображения²³.

Астана передала соответствующие предложения в июне 2006 г. В них подчеркивалась важность взаимодействия в вопросах региональной интеграции, экономического развития, демократизации, сотрудничества в области энергетики и безопасности. В связи с тем, что в некоторых странах ЦА сохранялись вопросы построения институтов рыночной экономики и диверсификации экономических систем, Казахстан предлагал учесть различные потребности государств региона. Основной акцент следовало сделать на повышении эффективности управления экономикой и развитии частного сектора, человеческого потенциала, на эффективности государственного управления, улучшении инвестиционного климата, привлечении новых технологий, создании высокотехнологических и экспортоориентированных производств²⁴.

Оценивая предложения через призму сегодняшних дней, можно выделить одно из них, связанное с взаимодействием региона со странами ЕС в более широком контексте, допуская сотрудничество в формате ЕС – Россия – страны ЦА.

В экономическом блоке затрагивались вопросы взаимодействия в области сельского хозяйства, строительства, металлургии, туризма, нефтяного и газового машиностроения, пищевой, химической и текстильной промышленности. Говорилось о необходимости сотрудничества в создании специаль-

²⁰ ЕС подписал Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве с Казахстаном и Киргизией в 1995 г., с Узбекистаном – в 1996 и Туркменистаном – в 1997 г.

²¹ Назарбаев Н.А. Казахстан на пороге нового рывка вперед в своем развитии. Стратегия вхождения Казахстана в число 50-ти наиболее конкурентоспособных стран мира. Послание народу Казахстана. 1 марта 2006 г. / Избранные речи. Том V. Книга 1. 2006–2007 гг. – Астана. 2010. – С. 32. [Nazarbaev N.A. Kazakhstan na poroge novogo ryvka vpered v svoem razvitii (Kazakhstan is on the threshold of a major breakthrough in its development). Strategija vhozhdenija Kazakhstana v chislo 50-ti naibolee konkurentosposobnyh stran mira (Kazakhstan's strategy of joining the world's 50 most competitive countries). Poslanie narodu Kazakhstana (Address to the people of the Kazakhstan). March 1, 2006. Izbrannye rechi. Volume V. Book 1. 2006–2007. – Astana, 2010. P. 32].

²² В 2005 г. в Концепцию внешней политики РК были внесены изменения, способствовавшие приданию внешнеполитической стратегии экономического характера.

²³ Вопрос о новой Стратегии ЕС обсуждался в ходе визита главы МИД К. Токаева в Берлин в мае 2006 г.

²⁴ Курмангужин Р.С. О вкладе Казахстана в создании Стратегии нового партнёрства Европейского Союза со странами Центральной Азии на 2007–2013 гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – №3(60), июль. – С. 91. [Kurmanguzhin R.S. O vklade Kazakhstana v sozdanii Strategii novogo partnerstva Evropejskogo Sojuza so stranami Central'noj Azii na 2007–2013 gody (Kazakhstan's contribution of elaboration of “The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership for 2007-2013”) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012, No.360, June, p. 91].

ных экономических зон, технопарков и парков информационных технологий, в развитии малого и среднего бизнеса, в предоставлении транспортно-логистических услуг. Отмечалась важность энергетического диалога (речь шла о целесообразности разработки единой европейской энергетической политики в ЦА). Предлагалось уделить внимание проблематике использования водно-энергетических ресурсов, создания условий для наукоемких и высокотехнологических секторов, увеличения негосударственных инвестиций в научно-техническую сферу. Подчеркивалась необходимость постепенности процессов демократизации в регионе, контрпродуктивность любых форм давления извне.

ЕС позитивно воспринял предложения к новой Стратегии. Это, в частности, подтвердили оценки Председателя Еврокомиссии Ж.М.Баррозу, прозвучавшие в Астане в декабре 2006 г.

Несмотря на то, что новая Стратегия была внутренним документом ЕС, европейцы учли пожелания и других центрально-азиатских государств, часть которых прозвучала в марте 2007 г. в Астане на встрече глав МИД стран ЦА и «тройки» ЕС (данная встреча заложила основу регулярному диалогу, получившему название «Астанинский процесс»).

С принятием в июне 2007 г. на саммите ЕС в Брюсселе документа, именуемого «Европейский Союз и Центральная Азия: Стратегия нового партнёрства», ЕС пошёл на активизацию диалога. Регион посетил Генеральный секретарь Совета ЕС – Верховный представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности Х.Солана. В Астане он был принят Президентом Н.А.Назарбаевым, провел переговоры с Премьер-Министром К.Масимовым и Министром иностранных дел М.Тажиним.

Страны региона позитивно восприняли новую Стратегию ЕС, поскольку впервые была предпринята попытка отдельных ведущих стран Евросоюза отказаться от традиционного принципа «навязывания» странам ЦА собственных подходов и оценок²⁵.

²⁵ Сайфулин Р.Ш. Центральная азиатская интеграция: сложный путь от декларации к реалиям / Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии: сравнитель-

ный анализ, возможности и перспективы / Под ред. А.А.Князева. – Бишкек, 2007. – С. 26. [Sajfulin R.Sh. Central'noaziatskaja integracija: slozhnyj put' ot deklaracii k realizacii / Proekty sotrudnichestva i integracii dlja Central'noj Azii: sravnitel'nyj analiz, vozmozhnosti i perspektivy / Pod red. A.A.Knjazeva. – Bishkek, 2007. P. 26].

Ряд аналитиков подчеркивал, что Стратегия компенсировала упущения Европейской политики соседства для стран ЦА, не имевших общих границ с ЕС²⁶. По мнению других, документ официально признавал двухуровневый характер политики ЕС в отношении республик ЦА: двусторонний и региональный подходы, что соответствовало интересам стран региона²⁷.

В Казахстане отмечали многообразие заявленных в Стратегии ЕС приоритетов, относящихся к сферам политического, экономического, экологического и культурно-гуманитарного сотрудничества. В то же время в документе просматривался ярко выраженный интерес ЕС: предупреждение возможных угроз собственной энергетической безопасности и создание условий для организации бесперебойных поставок энергоносителей.

После принятия Стратегии Казахстан предложил учредить в центрально-азиатских странах пост Национального координатора по взаимодействию с ЕС²⁸.

Астана также представила свои замечания к документу, в котором отражалось

ный анализ, возможности и перспективы / Под ред. А.А.Князева. – Бишкек, 2007. – С. 26. [Sajfulin R.Sh. Central'noaziatskaja integracija: slozhnyj put' ot deklaracii k realizacii / Proekty sotrudnichestva i integracii dlja Central'noj Azii: sravnitel'nyj analiz, vozmozhnosti i perspektivy / Pod red. A.A.Knjazeva. – Bishkek, 2007. P. 26].

²⁶ Ормонбекова Л., Ормонбеков Ж. Стратегия Европейского Союза для Центральной Азии: pro et contra / Institute for Public Policy. – Режим доступа: <http://www.ipp.kg/en/print/525/> [Ormonbekova L., Ormonbekov Zh. Strategija Evropejskogo Sojuza dlja Central'noj Azii: pro et contra (EU Strategy for Central Asia) / Institute for Public Policy. Mode of access: <http://www.ipp.kg/en/print/525/>].

²⁷ Омаров М., Омаров Н. Государства Центральной Азии во внешней политике России, США и Европейского Союза // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – №3. – С. 92. [Omarov M., Omarov N. Gosudarstva Central'noj Azii vo vneshnej politike Rossii, SShA i Evropejskogo Sojuza (Central Asia in foreign policy of Russia, the United States and the European Union) // Central'naja Azija i Kavkaz, 2009, No.3, p. 92].

²⁸ В Казахстане на этот пост был назначен куратор европейского направления во внешнеполитическом ведомстве, заместитель министра иностранных дел К. Сарыбай.

европейское видение страновых «приоритетов» в рамках реализации Стратегии)²⁹.

В целях реализации Стратегии Казахстан инициировал и собственный план мероприятий по развитию сотрудничества в сферах, совпадающих с положениями Стратегии. План, утвержденный распоряжением Премьер-Министра, состоял из восьми разделов: политический диалог; энергетический диалог; содействие экономическому развитию, торговле и инвестициям; верховенство права, надлежащее государственное управление, демократизация и права человека; образование и профессиональная подготовка; окружающая среда и водные ресурсы; борьба с общими угрозами и проблемами; межкультурный диалог. Большинство мероприятий заложило краеугольные камни в основу последующей инициативы Астаны.

В 2008 г. Республика Казахстан получила международное признание, удостоившись чести председательствовать в ОБСЕ в 2010 г.³⁰. Принципиальная поддержка в достижении цели была оказана странами СНГ, в первую очередь Россией.

Происходящие в том период в мире активные процессы, осложнявшиеся глобальным

финансово-экономическим кризисом, требовали от Казахстана новых усилий, направленных на сохранение темпов экономического и политического развития. В создавшихся условиях Астана пошла на нетрадиционные шаги, открывающие новые возможности для сотрудничества, что оказало позитивное влияние на развитие отношений с ЕС.

6 февраля 2008 г. Президент Н.А. Назарбаев в ежегодном послании «Рост благосостояния граждан Казахстана – главная цель государственной политики» поручил внешнеполитическому ведомству разработать специальную программу «Путь в Европу»³¹.

В ЕС не ожидали появления своеобразной «дорожной карты» перспективного сотрудничества с европейскими государствами и структурами от страны из центрально-азиатского региона. Несмотря на это, в специальном заявлении от 28 февраля 2008 г. во время председательства Словении в ЕС была высказана поддержка указанной инициативе.

Новое казахстанское предложение в значительной степени было связано с необходимостью успешного обеспечения планировавшегося председательства Казахстана в ОБСЕ в 2010 г. Однако в дальнейшем оно трансформировалось в важнейший внешнеполитический документ, призванный способствовать не только укреплению связей с европейскими странами, но и обеспечению внутреннего развития самой республики.

В ходе предварительной работы, которая на начальном этапе велась небольшой группой специалистов МИД РК, удалось определить ключевые параметры документа. Это касалось статуса программы («государственная программа»³²), продолжительности ее реализации (три года³³), а также перечня из шести приоритетных направлений:

²⁹ «Приоритеты» представляли собой перечень секторальных направлений, на которые ЕС выделял финансовые средства. Перед 6-ой встречей глав МИД «тройки» ЕС и стран ЦА в Ашхабаде в апреле 2008 г. Министр иностранных дел М. Тажин на переговорах с Комиссаром ЕС по вопросам внешних связей и европейской политике соседства Б. Ферреро-Валднер высказал критические замечания по «приоритетам». Они касались таких разделов, как права человека, верховенство закона, эффективное управление и демократизация; продвижение экономического развития, торговли и инвестиций; усиление энергетических и транспортных связей.

³⁰ Назарбаев Н.А. Рост благосостояния граждан Казахстана – главная цель государственной политики. Послание народу Казахстана. 6 февраля 2008 г. / Избранные речи. Том V. Книга 2. 2008–2009 гг. – Астана, 2010. – С. 82. [Nazarbaev N.A. Rost blagosostojanija grazhdan Kazahstana – glavnaja cel' gosudarstvennoj politiki (Growth of Welfare of Kazakhstan's Citizens is the Primary Goal of State Policy). Poslanie narodu Kazahstana (Address to the people of the Kazakhstan). February 6, 2008 / Izbrannye rech. Volume V. Book 2. 2008–2009. – Astana, 2010. P. 82].

³¹ Ibid.

³² В казахстанском законодательстве отсутствовал термин «специальная программа». Чтобы снять возможные вопросы внешнеполитических партнеров, в преамбуле программы был подчеркнут принцип многовекторности внешней политики Казахстана.

³³ Указанный срок был оптимален, поскольку включал возможность затягивания с решением актуальных проблем сотрудничества с ЕС и реализации задач устойчивого политического и экономического развития РК.

- налаживание технологического сотрудничества;
- энергетический диалог;
- развитие институциональной базы на основе европейского опыта;
- содействие малому и среднему бизнесу;
- расширение гуманитарной корзины;
- разработка приоритетов председательства Казахстана в ОБСЕ.

В дальнейшем работа велась в рамках межведомственной рабочей группы (МРГ)³⁴, которая состояла из представителей 24 министерств и ведомств в ранге заместителей руководителей. Руководство группой было возложено на Национального координатора по взаимодействию с ЕС.

По итогам работы МРГ были дополнены и уточнены выбранные приоритеты и определены новые:

- сотрудничество в транспортной области;
- в сфере технического регулирования и метрологии;
- торгово-экономического взаимодействия;
- сотрудничество в области качества жизни.

План мероприятий по реализации государственной программы состоял из 86 пунктов. На их реализацию было выделено 8,2 млрд тенге (68 млн долл. по офиц. курсу на октябрь 2008 г.)³⁵.

Указ об утверждении государственной программы «Путь в Европу» на 2009–2011 гг. был подписан Президентом Республики Казахстан 29 августа 2008 г., план мероприятий был принят постановлением Правительства.

³⁴ Была создана распоряжением Премьер-Министра РК 19 апреля 2008 г.

³⁵ Курмангузин Р.С. Программа «Путь в Европу» – успешно реализованная инициатива казахстанской дипломатии / Государственное управление и государственная служба. – Астана. – 2015. – №2. – С. 27. [Kurmanguzhin R.S. Programma «Put' v Evropu» – uspesшно realizovannaja iniciativa kazahstanskoj diplomatii (Path to Europe Programme – a Successfully implemented Initiative of Kazakhstan's Diplomacy) / Gosudarstvennoe upravlenie i gosudarstvennaja sluzhba. – Astana, 2015, No.2, p. 27].

Появление казахстанского «Пути в Европу» было с интересом воспринято экспертным сообществом³⁶. В данной статье хотелось бы привести только некоторые оценки. Интерес представляет высказывание казахстанского специалиста К. Байзаковой, которая считает, что «Путь в Европу» идеологически содержит широкий культурологический аспект движения Казахстана и Европейского сообщества навстречу друг другу³⁷. По мнению других аналитиков, программа представляла собой план действий, по структуре напоминающий документы ЕС³⁸. Казахский экономист Б. Иришев увидел в «Пути в Европу» столбовую дорогу на Родину гуманитарных ценностей³⁹. Среди зарубежных аналитиков можно упомянуть и бельгийского дипломата в отставке Р. Буссена, который подчеркивал, что программа направлена на непрерывную модернизацию для обеспечения экономического роста

³⁶ См. подробно Курмангузин Р.С. Из истории разработки казахстанской государственной программы «Путь в Европу» // Право и политика. – 2012. – №2. – С. 273–281. [Kurmanguzhin R.S. Iz istorii razrabotki kazahstanskoj gosudarstvennoj programmy «Put' v Evropu» (History of Kazakh state strategy “Way to Europe”) // *Pravo i politika*, 2012, No.2, pp. 273–281].

³⁷ Байзакова К.И. Фактор экономической дестабилизации ЕС и судьба программы «Путь в Европу» // Казахстан в глобальных процессах. – 2011. – №3. – С. 11. [Bajzakova K.I. Faktor jekonomicheskoj destabilizacii ES i sud'ba programmy «Put' v Evropu» (Factor of the economic destabilization of EU and the fate of the «Way to Europe» Programme). *Kazakhstan v global'nyh processah*, 2011, No.3, p. 11].

³⁸ Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы. Под ред. К.Л. Сыроежкина. – Алматы, 2011. – С. 226. [Central'naja Azija segodnja: vyzovy i ugrozy (Central Asia: calls and threats). By chief ed. K.L. Syroezhkina. – Almaty, 2011, p. 226]. Данное замечание можно рассматривать как позитивную оценку труда, проделанного специалистами МИД и других госорганов РК.

³⁹ Иришев Б.К. Путь в Европу. Евросоюз: опыт интеграционной модели (эволюция, ценности и проблемы). – Алматы: Раритет, 2009. – С. 553. [Irishev B.K. Put' v Evropu. Evrosojuz: opyt integracionnoj modeli (jevoljucija, cennosti i problemy) (Path to Europe. EU: experience of integration model (evolution, values and problems)). – Almaty: Raritet. 2009].

страны⁴⁰. По мнению же Ж. Боонстра, через «Путь в Европу» Казахстан показал свою заинтересованность в выстраивании более прочных отношений с Европой⁴¹.

В результате реализации госпрограммы удалось достичь следующего.

Во-первых, был дан мощный импульс сотрудничеству с рядом стран ЕС. Это, в частности, подтверждает заключение договоров о стратегическом партнёрстве с Францией, Италией и Испанией. С Германией была подписана межправительственная программа действий в рамках партнёрства во имя будущего.

Во-вторых, удалось достичь ежегодного увеличения на 10% товарооборота со странами ЕС. В 2009 г. данный показатель составил 28,8 млн, в 2010 – 38 млн, в 2011 – 50 млрд долл. США.

В-третьих, были предприняты важные шаги, направленные на совершенствование национального законодательства. Подписанные главой государства в феврале 2009 г. законы «О внесении изменений и дополнений в Конституционный Закон «О выборах в Республике Казахстан» и «О внесении изменений и дополнений в Закон «О политических партиях» позволили по итогам парламентских выборов 2012 г. сделать Мажилис (нижняя палата) Парламента многопартийным.

В общей сложности были разработаны, усовершенствованы и приняты 30 законов и других нормативных правовых актов в различных сферах жизни государства и общества⁴². Принято 82 технических регламента, разработано 1847 стандартов с учетом опыта ЕС. И это всё достижения трехлетнего периода.

⁴⁰ Boissin, René. La Gazette Diplomatique. 2008. No.59 - Septembre-Octobre-Novembre.

⁴¹ Boonstra, Jos. The EU's Interests in Central Asia: Integrating Energy, Security and Values into Coherent Policy / EDC2020, 2011, No.9, p. 4.

⁴² Бюллетень Счетного комитета Республики Казахстан за исполнением республиканского бюджета. I квартал 2012 г. – №31. – С. 23. [Bjulleten' Schetnogo komiteta Respubliki Kazahstan za ispolneniem respublikanskogo bjudzhetu [The bulletin of Calculating committee of the Republic of Kazakhstan behind performance of the republican budget. 1st quarter 2012, No.31, p. 23].

Реализация «Пути в Европу» систематизировала приоритеты сотрудничества с ЕС и позволила специалистам МИД РК вновь вернуться к вопросу о необходимости подготовки нового договора.

В основу аргументации о целесообразности разработки нового соглашения легли изменения, происшедшие как в ЕС, так и в Казахстане за последние 12 лет, затронувшие все области взаимодействия.

Позитивно восприняв предложенную аргументацию, Евросоюз подчеркнул, что новый договор должен учитывать приоритеты Стратегии нового партнёрства ЕС со странами Центральной Азии на 2007–2013 гг. и государственной программы «Путь в Европу» на 2009–2011 гг., что полностью совпало с видением Астаны.

Следует упомянуть, что с началом реализации государственной программы Казахстан получил инициативу в диалоге с ЕС. Пользуясь этим, Астана вынесла вопрос о новом соглашении в качестве основного на заседание Комитета сотрудничества «РК–ЕС» в 2009 г. В дальнейшем на состоявшемся в том же году в Брюсселе одиннадцатом заседании Совета сотрудничества «РК–ЕС» стороны согласились, что сотрудничество в нынешнем виде не отражает в полной мере зрелость партнёрства, достигнутого за последние годы.

Первоначально новый договор виделся компактным и гибким. Планировалось, что он будет базовым и регулировать отношения в различных сферах. Рассматривалась возможность заключения рамочного соглашения, определяющего основные направления и принципы сотрудничества. Конкретные вопросы взаимодействия в различных областях могли быть предметом отдельных договоров, что позволяло бы избежать дублирования и оптимизировать контроль за исполнением договоренностей.

Чтобы продемонстрировать ЕС решимость в достижении цели, Казахстан приступил к разработке концепции будущего соглашения. В этой связи был изучен опыт сотрудничества с ЕС ряда государств Европы и Азии. Наибольший интерес представляли наработки специалистов России, Украины и Израиля, поскольку указанные страны имели разный уровень и опыт взаимодей-

ствия с ЕС. В конце 2008 г. казахстанское внешнеполитическое ведомство инициировало соответствующие консультации в министерствах иностранных дел упомянутых государств.

Анализ российского, украинского и израильского опытов сотрудничества с ЕС, в том числе по подготовке соответствующих соглашений, показал, что Казахстан должен сконцентрироваться на разработке полномасштабного документа, охватывающего максимально возможное число направлений взаимодействия. Было ясно, что Астана должна оказывать постоянное давление на Брюссель, добиваясь от последнего соглашения на начало переговоров по новому соглашению. Получение Еврокомиссией мандата на ведение переговоры возможно при активном содействии ведущих стран ЕС. Но в дальнейшем необходимо учитывать позицию других государств, предотвращая блокирование переговоров, как это произошло с нидерландским вето в отношении Сербии. Казахские специалисты понимали, что в ходе переговоров с ЕС первоначальное видение может претерпеть изменения. В этой связи отказ от традиционных институтов взаимодействия (Совет и Комитет сотрудничества «РК–ЕС») представляется затруднительным.

По итогам консультаций и анализа опыта других стран казахские специалисты получили видение на проблематику подготовки подобных соглашений, что подтверждало важность оперативной разработки концепции обновленного договора.

В начале 2009 г. документ был готов. В нём нашли отражение основные положения государственной программы «Путь в Европу» и Стратегии нового партнёрства ЕС, поскольку эти документы имели существенные точки соприкосновения.

В первой половине 2009 г. с положениями концепции были ознакомлены страны и соответствующие структуры ЕС. Документ вобрал опыт взаимодействия РК и ЕС с 2000 по 2009 гг. – период активного и плодотворного сотрудничества.

Существование концепции нового договора оказывало необходимое давление на Брюссель по вопросу начала соответ-

ствующих переговоров. Она демонстрировала твердость Астаны в отстаивании своей цели. Интересно, что по времени данный документ совпал с началом реализации государственной программы «Пути в Европу», что усиливало мультипликативный эффект такого давления.

В конечном итоге 23 мая 2011 г. Совет ЕС по иностранным делам утвердил Еврокомиссии мандат на проведение переговоров по базовому соглашению об «углубленном партнёрстве и сотрудничестве». Несмотря на то, что ряд пунктов концепции не был поддержан европейской стороной, свое предназначение документ выполнил – переговоры по новому соглашению были начаты 12 октября 2011 г. в Астане.

9 октября 2014 г. в присутствии Президента Н.А.Назарбаева и Председателя ЕК Ж.М. Баррозу состоялось подписание в Брюсселе документа о завершении переговоров по проекту Соглашения о расширенном партнёрстве и сотрудничестве. С казахской стороны документ подписал глава внешнеполитического ведомства Е. Идрисов.

Суммируя изложенное, необходимо отметить, что предложения Казахстана по сотрудничеству с ЕС отличались закономерностью и своевременностью. В них было представлено собственное видение перспективных направлений сотрудничества, тесно увязанное не только с существовавшим в конкретный период времени уровнем двустороннего взаимодействия. Казахские инициативы возникали на определенных исторических этапах, когда страна стояла перед важностью достижения новых целей, обеспечивающих стабильное экономическое и политическое развитие. Следует отметить и их последовательность, поскольку они не были направлены на решение сиюминутных внешнеполитических задач. Это было логическое продолжение ранее предпринятых усилий, помноженное на приобретенный опыт сотрудничества Казахстана и других стран с ЕС. В определенной степени казахские инициативы опережали доминировавшие ранее в ЕС подходы, в том числе по вопросу взаимодействия со странами ЦА. И это давало республике определенную инициативу в отношениях с ЕС, открывая перспективы

принятия решений по вопросам, решение которых ранее было затруднительным.

Благодаря активным шагам, предпринятым для реализации вышеуказанных предложений, Казахстану удалось обеспечить собственное поступательное развитие. Придав системность отношениям с Брюсселем, Астана вышла на «дорожную карту» взаимодействия с ЕС⁴³, закладывая необходимую

основу для достижения в будущем реального партнёрства, что, безусловно, важно в свете реализации новой задачи по вхождению Республики Казахстан число тридцати самых развитых государств мира.

⁴³ 21 декабря 2015 г. находившаяся в Астане с визитом в рамках встречи глав внешнеполитических ведомств «ЕС – ЦА» Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике

безопасности Ф.Могерини и Министр иностранных дел Е.Идрисов подписали Соглашение о расширенном партнёрстве и сотрудничестве между Казахстаном и Евросоюзом.

Казахстан и ЕС: от стратегии сотрудничества к новому соглашению о продвинутом партнерстве

Рустем Салимович Курмангузин, кандидат исторических наук, доцент Института дипломатии Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, г. Астана, e-mail: rustemks@mail.ru.

Аннотация: В работе представлены ключевые предложения Республики Казахстан по развитию сотрудничества с Европейским Союзом – крупнейшим торгово-экономическим и инвестиционным партнёром Казахстана, направленные на достижение уровня партнёрского сотрудничества с ЕС и обеспечение устойчивого политического и экономического развития Казахстана.

Ключевые слова: казахстанские инициативы для Стратегии ЕС, Государственная программа «Путь в Европу», Соглашение о расширенном партнёрстве и сотрудничестве.

Kazakhstan and the EU: from Cooperation Strategy to the New Agreement on the Advanced Partnership

Rustem Salimovich Kurmanguzhin, Cand. of History, Associate professor of the Institute of Diplomacy of the Academy of Public Administration under the President of Kazakhstan (Astana), e-mail: rustemks@mail.ru.

Abstract: The author presents key initiatives of the Republic of Kazakhstan to develop cooperation with the European Union – the largest economic, trade and investment partner of Kazakhstan – directed on achievement of level of partner cooperation with the EU and ensuring sustainable political and economic development of Kazakhstan.

Key words: Kazakh initiatives for EU Strategy, State programme “Path to Europe”, Enhanced Partnership and Cooperation Agreement.

GERMANY'S NEW *OSTPOLITIK*

Gilbert Doctorow

When the Berlin Wall came down in 1989 and the possibility of German reunification arose, setting on the immediate to-do list of Europe and of the broader trans-Atlantic community the realization of political ambitions that dated from the very start of the Cold War, there were forebodings in France and the U.K. that there could be trouble ahead. As President Francois Mitterand reportedly joked with regard to his own misgivings, he liked Germany so much that he wanted there to be two of them.

At a minimum, Germany's European allies feared that the new more powerful Germany would break free of the constraints of the European Economic Community and NATO to define an independent path serving its own interests. There was particular concern that Germany might strike a strategic deal with Russia to secure peace in Europe without the Americans and at the expense of the West.

However, with the encouragement of both Russia and the United States, German Chancellor Helmut Kohl seized the opportunity and proceeded posthaste with reunification while remaining firmly anchored to the other member states of the EEC and NATO. The fears of the French and the British over Germany's reliability as a partner in what became the European Union proved to be misplaced. Yet, German reunification and the move of the capital back to Berlin ultimately have resulted in other challenges to the European order which one could hardly have envisioned back in 1989. As I argue in this essay, they have contributed mightily to the unfolding Ukraine crisis and to the present East-West confrontation that looks very much like a New Cold War.

The generalized failure of International Relations professionals, not to mention lay journalists and the broad public, to get its collective mind around the German problem begins in Germany itself. I propose to examine that first, then to look into the conceptual limitations that prevail in the United States, the single greatest arbiter of world opinion on all international matters large and small. I will end this survey with a look into the reactions to the changing role and ambitions of Germany within Russia, which surely has to be one of the most interested powers in what is occurring.

* * *

In Germany, the post-reunification move of its capital from what was intended to be its temporary site in Bonn to the city which forged the German nation, Berlin, was always considered to hold potential for a change in the political culture of the country. But the most common supposition was always a change from Western liberalism and free thinking to Prussian military tradition and social conservatism. Changes in geopolitical calculations inherent in a move of the center of gravity away from the French-Luxembourg-Dutch-Belgian borders to the neighborhood of Poland were not given due consideration.

Now the reality of the new neighborhood intrudes into the daily life of Germany's statesmen and federal officials. When you visit a Kaufhof department store in downtown Berlin today, you find that directions inside the store are given also in Polish, and many of the shoppers are indeed Poles on day trips. When you speak to German Mittelstand factory owners based in Berlin today you hear how one or another slips

across the border during working hours to look in on his production sites in Poland.

It is reasonable to expect that the changed neighborhood influences German state policy, whether or not it is the subject of an ideology or a doctrine. Indeed, within Germany today there is no such ideology or even consciousness of its special place in Europe, because, in her 10 years in power, Angela Merkel has made a virtue of down-to-earth pragmatism. She has eschewed any “big vision” such as her predecessor Helmut Kohl took pride in.¹ Moreover, political correctness in Germany today blinds its citizens to the possibility of there being a home-grown foreign policy in general and an *Ostpolitik* in particular.

The suggestion that Germany has reverted to the geopolitical and economic domination of a neighborhood that in the pre-WWI decades was called *Mitteleuropa* would strike German political observers as odd, even antiquarian. The notion that Germany has re-entered a direct competition with Russia for control of the Balkans and southeastern Europe through Ukraine to the Caucasus would be seen as a provocation.

From the 1960s to the new millennium, Germany was always the most powerful partner in the French-German tandem that was at the core of what has become the European Union. With a backward glance at its inglorious past in WWII, Germany gladly took the rear seat to France in representing Europe to the world.

Today the place of France in keeping Germany out of the limelight has been assumed by Brussels. As a good European citizen, Germany defers to Brussels to speak on its behalf. This is, of course, a convenient fiction given that all of the European Institutions – the Commission, the Council and the Parliament – are now led by officials who have effectively been chosen and supported by Angela Merkel and her party.

But if Germany pulls the strings of power in Brussels, the concepts guiding the exercise of that power are pan-European. Far from reverting to Prussian conservatism and

militarism, Germany since reunification has fallen under the sway of trends in political and societal thinking coming from the West.

Germany has adopted not only the *acquis*, the entire body of EU law, but also EU mythology. This means, first of all, universal values that act as a comprehensive smoke screen for national egoism, one that is more persuasive than mere deference to France ever could be.

Both parties of the German coalition government, representing the bulk of the country's political establishment, share the enthusiasm for the secular religion that has settled in the European Institutions in Brussels. We may call this a religion because it rests on unprovable postulates that are taken on faith by believers to be the highest truth.

The first article of this modern day catechism is that authoritarian regimes cannot live in peace with democratic nations. This is so because authoritarian regimes are necessarily brittle; they do not enjoy the support of the people and when challenged by domestic opponents they must deflect attention from themselves by inventing enemies abroad, undertaking acts of aggression that build international tension and facilitate isolation from the greater world. Another key article of faith is that foreign policy must be built on values of democracy and protection of human rights plus rule of law. It is outdated at best and immoral at worst to ground foreign policy on national interests.

The issue is highly relevant to any discussion of Germany's new *Ostpolitik*, because in practical terms the aforementioned articles of faith provide justification in German mainstream thinking for breaking with Moscow, ending business as usual with a regime that gets poor grades in democracy, human rights and the rule of law.² The allegedly authoritarian regime of Vladimir Putin is held up as a textbook case of aggression abroad. In the view of the political establishment in Brussels and in Berlin, the annexation of Crimea and assistance to separatists in Donbass are instrumentalized

¹ Packer, George. The Quiet German. The Astonishing Rise of Angela Merkel, the Most Powerful Woman in the World // *The New Yorker*, December 1, 2014.

² Doctorow, Gilbert. 2015 Schlangenbad Dialogue: the East-West Confrontation in Microcosm / Lalibre blogs, May 12, 2015. Mode of access: <http://usforeignpolicy.blogs.lalibre.be/archive/2015/05/12/2015-schlangenbad-dialogue-the-east-west-confrontation-in-mi-1143250.html>.

by Putin and his entourage to rally the nation to its side and foil domestic opposition.

There are many features of the European Union policy that work splendidly to Germany's special advantage today. The Euro has been a boon to the export-led German economy by its intrinsic discount to the overly powerful Deutsche mark. The bail-outs of failing the southern Member States after the financial crisis of 2008 paid off German creditors on what were arguably ill-considered loans. All of this is kept from public discussion in Germany; it is buried within EU formulations of solidarity.

Similarly, the premature accession of a number of the new Member States from the former Soviet bloc served German economic aggrandizement handsomely. And where the unbalanced relationship and grievances from the past have proven thorny, as in the case of Poland under the rule of the Kaczynski brothers earlier in the new millennium, Germany has made a special effort to establish peace by acceding to the foreign policy ambitions of these neighbors in what concerns the lands farther to the East. Hence, Germany's blind eye to the Russia-bashing policies and irresponsible efforts to tear Ukraine from the Russian sphere of privileged relations such as flourished under Polish Prime Minister Donald Tusk or under Lithuanian President Dalia Grybauskaitė. Indeed, even when the price of these imprudent policies became clear in terms of the emerging crisis in Ukraine, Angela Merkel proceeded with the warm relations by overseeing Tusk's installment as European Council president.

From the moment when sanctions against Russia came onto the agenda of the EU following Crimea's annexation (or reunification with Russia, depending on one's political standpoint), there were commentators who argued that Germany would not support sanctions or would water them down. These analysts pointed to the more than 20 billion euro of German capital invested in Russia and the 300,000 German workers who depend for their livelihood on good relations with Moscow.

Instead, as 2014 progressed, Chancellor Merkel emerged as the Continent's leading proponent of tough sanctions against Russia, riding herd over the 28 Member States to ensure compliance and support. Political observers

outside Germany have assumed this was done under US pressure and against the interests of her own country. Within Germany, that view has been propagated only by the small far Left opposition party, *Die Linke*, with fewer than 10% of deputies in the Bundestag.³

No serious examination has yet been done into the relative advantages to the German economy of its trade and investment with Russia versus the benefits accruing to Germany from its close economic integration with Poland and the Czech Republic, as well as other former Soviet bloc countries now inside the EU. They are, after all, major subcontractors to German industry, usually without full cycle production in the country, meaning they are suppliers of components and subassemblies while full value from overseas sales is enjoyed in Germany.

When the calculations are done, it may well turn out that the strategic partnership with Russia could be sacrificed on the altar of German national economic interest without reference to the more subjective and disputable altar of geostrategic orientation. Acquiescence in the anti-Russian policies of these neighborhood partners may be a small price for Germany to pay.

At a recent high-level German-Russian conference, under the aegis of the main think tank of the SPD, the Friedrich Ebert Stiftung, the U.S. role in the conflict with Russia over Ukraine was not invoked once in the course of three days of intense discussions.⁴ The conceptual framework of participants was strictly limited to the EU's well-meaning efforts to meet the aspirations of Ukrainians and put them on a path to improved governance, greater democracy, and economic reform through the Association Agreement with the EU. The problem, on the European side, if any existed,

³ See, for example, the fiery speech of Die Linke parliamentarian Sahra Wagenknecht in December, 2014 / Russia Insider. Mode of access: http://russia-insider.com/en/sahra_wagenknecht_speech.

⁴ Doctorow, Gilbert. 2015 Schlangenbad Dialogue: the East-West Confrontation in Microcosm / Lalibre blogs, May 12, 2015. Mode of access: <http://usforeignpolicy.blogs.lalibre.be/archive/2015/05/12/2015-schlangenbad-dialogue-the-east-west-confrontation-in-mi-1143250.html>.

was a failure to appreciate Russia's red lines.

In summation, although establishing hegemony in its neighborhood and extending that neighborhood to Ukraine for the sake of economic and political profit at the expense of Russia figures nowhere in German thinking, including expert thinking of specialists in relations with Russia, German deeds tell a different story. In that sense, the smoke-screen of EU foreign policy to explain the crisis with Russia amounts to dangerous self-deception. Germany controls Brussels in the final analysis and its own actions of backing Polish and Baltic revanchism incrementally have put it on a collision course with Russian geopolitical interests. Hence, the Ukraine crisis.

* * *

Meanwhile, in the United States the prevailing view of the driving forces in the Ukraine crisis and of the broader East-West confrontation is a mirror-image of what exists in Germany. The conflict as seen across the Atlantic is grounded in the US-Russian relationship. The role of Europe in general and of Germany, in particular, is taken to be zero. This thinking cuts across the whole spectrum of American politics.

The American foreign policy establishment takes it to be axiomatic that Germany is a loyal follower of American policy in dealing with Russia's violation of the post-Cold War order through its annexation of Ukraine and support to the separatists in Donbass. When and if Germany fails to snap to attention, extra, behind-the-scenes arm-twisting does the trick, as Vice President Biden boasted earlier this year, and then Germans perform as expected, bringing Europe along with them.⁵

The few specialists in Russian affairs, who also pay attention to German domestic politics, take the existence of a Ukraine crisis as a given and look at how German policy towards Russia has evolved since, rather than examine the possibility of Germany having been a causal factor in the genesis of the crisis.

⁵ Every rule has its exceptions. George Friedman takes such a view when he describes Germany as an independent actor and 'significant player' in the Ukraine crisis. See, *Germany Emerges // Stratfor Global Intelligence*, February 10, 2015. However, Friedman does not develop this.

The small minority that does not accept the Washington narrative also ignores Europe and Germany within it as independent factors in the conflict. We may take as the leading example the writings and public appearances of Professor John Mearsheimer, author of the controversial essay published by *Foreign Affairs* magazine on why the West is to be blamed for the Ukraine crisis.⁶ The 'West' is taken to mean the United States, since the leading causal factor in the outbreak of the conflict, in Mearsheimer's view, was NATO expansion and, in particular, the possibility of NATO accession for Ukraine. NATO accession has been and remains an America-sponsored proposal which met repeatedly with resistance from Europe, most famously at the April 2008 NATO Summit in Bucharest where Germany and France decisively defeated the American initiative on the subject.

As a counterpoint to the observations made above regarding the German establishment conference in Schlangenbad, we can make reference to a conference in Washington, D.C. held in the Hart Senate Office Building in late March 2014. During a full day of discussions of the causes and possible solutions to the Ukraine standoff with Russia, only one speaker directed attention to Europe's role in bringing on the crisis.⁷

* * *

For much of 2014, the East-West confrontation over Ukraine was viewed in Russia in terms of the old adversarial relations with the United States. This is entirely understandable given that throughout the Cold War the USSR measured itself only against the United States. Europe never counted as an independent force.

Insofar as Germany received the attention of Russian political observers at all, it was expected to continue its traditional role as Russia's advocate within the EU. Even when Chancellor

⁶ Mearsheimer, John. Why the Ukraine Crisis is the West's Fault // *Foreign Affairs*, September-October, 2014.

⁷ Presentations to U.S.-Russia Forum, Washington DC, March 25-26, 2015. Mode of access: <http://newcoldwar.org/presentations-to-u-s-russia-forum-in-washington-dc-march-25-26-2015/>.

Merkel clearly was pursuing quite a different position as enforcer of the sanctions, Russian analysts were in no rush to reassess relations with Germany. The reappraisal began only this year, when the zigzags in the Chancellor's policies, in particular, her leading role in bringing about the Minsk-2 accords, suggested that Germany was an independent actor with its own agenda.

In a sign that the mainstream Russian foreign policy analysts have indeed taken notice of the issue, one can cite recent remarks by Fyodor Lukyanov, editor of the journal *Russia in Global Affairs*. In an interview with Max Fisher published in the US, Lukyanov noted that the change in German conduct to a hard line on Russia was at first attributed to American pressure, but finally, that explanation was not persuasive: "We wanted to believe that this change was entirely because of American pressure on Germany. I spent two months in Germany earlier this year, and I can say American pressure is there, of course. But in fact, it's much deeper. This is really about Germany repositioning itself as the European power."⁸ So far Lukyanov has not developed this idea further.

One Russian researcher who has developed it into a complex and comprehensive explanation is Igor Shishkin, deputy director of the Institute of CIS Countries in Moscow. On 15 March, he published a 20-page essay entitled "Merkel and the Fourth Reich." Shishkin posits Frau Merkel with an ambitious policy of putting Russia down in the service of German economic and political interests.

He tells us that Germany integrated the GDR immediately after 1989, then spent another 15 years digesting the former Warsaw Pact countries from which it extracted enormous wealth as colonial overlord. Now in Ukraine Germany is poised to realize its centuries-long ambition of *Drang Nach Osten* – to obtain control of the enormously productive farmland of Ukraine and its mineral wealth. Here Germany's national aspirations coincided with Washington's geopolitical strategy dating from 1997 when Zbigniew Brzezinski explained in

The Grand Chessboard that Ukraine must be excised from the Russian sphere of influence to prevent Russia's return to great power status. Thus, Germany was given the green light by Washington to proceed.

The problem with Shishkin's thesis is that it sets out a German program which no one in Germany would recognize, which has no contemporary authors or supporters. Instead, the answer to the puzzle is more banal, though no less dangerous for world peace.

As I noted at the start, no ideology has been crafted in Germany to drive its actions in the East. But these actions incrementally have put it on a collision course with Russian geopolitical interests. The Russians did not see this coming, just as the Germans, for the most part, were surprised at how they had triggered a violent Russian reaction. And yet it was a major causal factor in the current conflict over Ukraine, no less than NATO expansion engineered by the United States.

We may earnestly hope that the crisis in Donbas will become nothing worse than a frozen conflict or even find resolution should the political provisions of the Minsk-2 accords be fully implemented. But the bigger issues of the operating principles and intellectual horizons guiding American, Russian and German policies in Eastern and Southeastern Europe must be properly understood if there is not to be another acute East-West conflict in the medium term. Such proper in-depth analysis will devote all due attention to Germany's new *Ostpolitik*, both at the subjective and objective levels.

⁸ Why One of Russia's Top Foreign Policy Experts is Worried about a Major War with Europe / Vox Topics, Johnson's Russia List, No. 91, May 7, 2015.

Germany's New *Ostpolitik*

Gilbert Doctorow, PhD, the European Coordinator of The American Committee for East-West Accord, based in Brussels

Abstract: *A survey of perceptions of Germany's new Ostpolitik in Russia, the United States and Germany. The author argues that Germany's abandonment of its strategic alliance with Russia by assuming the lead on sanctions within the EU has not received due attention of experts because it is not supported by any doctrine within Germany itself. The new Ostpolitik is the product of many small steps. It is the consequence of Germany's uncritical acceptance of democracy promotion as the guideline to foreign policy coming from Brussels and of Berlin's political accommodation with its neighborhood, the new EU Member States to the East, bringing their revanchism and hostility to Russia into the EU institutions that Germany controls.*

Key words: Germany, Ostpolitik, Russia, economic sanctions, doctrine, foreign policy, EU, NATO.

Новая восточная политика Германии

Гилберт Доктороу, PhD, европейский координатор Американского комитета за согласие между Востоком и Западом (Брюссель)

Аннотация: В настоящей статье предлагается обзор восприятий новой немецкой восточной политики (Остполитик) в России, США и в самой Германии. Автор считает, что отказ Германии от стратегического партнерства с Россией в связи со своим решением активно продвигать санкции против Кремля не получил должного внимания экспертов, поскольку эти изменения не подкреплены никакой новой доктриной внутри страны. Новую немецкую Остполитик можно концептуализировать только в ходе анализа многих конкретных шагов. Такая политика является следствием не критического принятия тезисов о продвижении демократии, которые стали новым руководящим принципом внешних сношений, в сочетании с политическими компромиссами Берлина в отношениях со своими соседями среди новых членов ЕС. Реваншизм и враждебность к России этих государств были привнесены ими в центральные учреждения ЕС, где доминирующие позиции занимает именно Германия.

Ключевые слова: Германия, Остполитик, восточная политика, экономические санкции, доктрина, внешняя политика, Европейский Союз, НАТО.

INSTITUTIONAL DEVELOPMENT AND CAPACITY ENHANCEMENT. RUSSIA'S POLITICAL SYSTEM BETWEEN STATE DUMA ELECTORAL CAMPAIGNS OF 2011 AND 2016

**Andrey Baykov, Yan Vaslavsky, Oksana Gaman-Golutvina,
Alexander Pozhalov, Mikhail Remizov, Konstantin Simonov,
Valery Fedorov**

Next year Russia's political system is going to enter into a crucial phase. On the single voting day on September 18th, 2016, the elections to the State Duma are due to be held. In addition, Russian citizens will cast their ballots for parliamentarians in regional and municipal assemblies, as well as heads of several regions. Undoubtedly, these elections will make a huge impact on the evolution of the Russia internal agenda in the short-term and mid-term perspectives.

The upcoming electoral campaign and votes are, therefore, acknowledged to play a significant role in Russia's political life. The Rethinking Russia Center together with prominent political experts believes that it is essential to explain to the international academic circles the unfolding processes in Russia.

The previous legislative elections on December 4th, 2011, followed by an unprecedented wave of mass street protests, pointed to a crisis of the political and electoral practices in Russia. Over the last 4 years the state has placed a particular emphasis upon the restructuring and redefining of the whole system by "dismantling" the system, thus implementing Vladimir Putin's 2012 electoral manifesto. Contemporarily, it is possible to highlight that the Kremlin has succeeded in shaping a new institutional structure and design of the political system. All quantitative characteristics are underpinned by a higher quality of regulation and democratic procedures.

The analytical paper sheds light on the major parameters of Russia's political system and the specific characteristics of its electoral model. At the fundamental and operative levels it enables international experts to better comprehend Russia's internal policy, electoral campaigns, and behavior of political actors and also to anticipate further political developments.

The state of political institutions and practices ahead of the two federal electoral cycles – the 2011 and 2016 State Duma elections – serves as reference points to analyze the political system development.

The table below allows us to carefully consider how institutions have been established and have evolved, as well as to assess openness and competitiveness between the electoral campaigns of 2011 and 2016.

The electoral map, presented in this analytical report, demonstrates the current party system, which has been renewed in the course of 3 or 4 regional electoral cycles. It is worth noting that within just 9 months almost 112 million voters, 74 parties entitled to take part in the elections, independent candidates, observers and mass media will be able to give their own assessment of the new institutional architecture of Russia's political system.

The paper published in Russian and English emphasizes the importance of this research for foreign experts on Russia, and also for joint discussions, involving both foreign and Russian political analysts.

Russia's Political System between the State Duma Electoral Campaigns of 2011 and 2016.

Next year Russia's political system is going to enter upon a new phase. On the single voting day on September 18th, 2016, the State Duma elections are due to be held. For the first time since 2003 half of the seats will be distributed through the party list proportional representation system with a 5% electoral threshold, and the other half in single-member constituencies using the first-past-the-post system. On top of that, Russian citizens will cast their ballots for parliamentarians in 38 entities, heads of several regions, municipal heads and deputies (36 thousand mandates in total).

Most political experts believe that the previous legislative elections in 2011, followed by an unprecedented wave of massive street protests, indicated a crisis of the institutions and practices of representative democracy in Russia. Over the last 4 years the state has placed a particular emphasis upon the restructuring and redefining of the whole system by "dismantling" the system and then "fusing" parts, thus implementing Vladimir Putin's 2012 electoral manifesto. *Nowadays, it is possible to underscore that the Kremlin has succeeded in forming a new institutional structure and design of the political system.*

On one hand, it clearly manifests itself in substantial changes in various quantitative indicators of "volume" and "weight" of competitiveness in the domestic political arena (detailed data are presented in a separate table). On the other hand, with the view of promoting the sustainable development of its political system it is vital for Russia to ensure *that all quantitative characteristics are underpinned by a higher level of quality regulation and adoption of democratic procedures.*

By the 2016 elections, *Russia's political system has become more flexible and region-oriented, taking into account the interests of 85 Russian regions*; it has become more transparent in terms of the rules and regulations in those spheres of life, which were have been for the most part neglected in the previous years (for instance, the Internet, public oversight, security of street politics). Moreover, it has welcomed new political figures, public interest groups, as well as smart and creative ideas.

The state of political institutions and practices ahead of the two federal electoral cycles – the 2011 and 2016 State Duma elections – serves as reference points to analyze the political system development.

If we review all steps taken by the political establishment in this period, we will identify several tasks which the Russian authorities have tried to accomplish

First and foremost, *it was critical to give a fresh impetus to the party system, which by 2011 had already been gripped by protracted stagnation and hermetically sealed for other players*⁹. Under such circumstances, Russian elites were supposed to empower all public interest groups, even the smallest ones, to try party politics. At the same time, for the sake of sustainability and public confidence in newly elected government officials Russia needed institutional incentives to structurize a revived party system ahead of the upcoming elections to the State Duma. Russia implemented these measures so that in 2016 people would enjoy a real choice between viable parties of different ideological stripes, rather than between flash parties or hastily built coalitions which disintegrated right after the elections.

At the very outset of the reform, political parties in Russia did not enjoy voters' confidence and trust. The monthly survey reports of the Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) suggested that in early 2012 a balance of approval (30%) and disapproval (43%) of parties' activities was negative. Russian residents did not trust either the judiciary or political parties. Parties ranked very low among institutions along with the judiciary. The slogan "You don't even represent us", popular during the 2011 and 2012 Russian protests, referred to all the 4 political parties which had managed to win seats in the State Duma.

It was inevitable to reset the party system

⁹ They encompass not only a failed attempt to breathe new life into the Right Cause party by the 2011 elections, when Mikhail Prokhorov, billionaire businessman, lost his leadership at the very start of the electoral campaign, but also futile efforts of the Republican party of Russia, the People's Freedom party, the Party Action and other quasi-parties to obtain state registration in 2010 and 2011, after 2009 when 7 national parties lost their registration.

and undertake confidence-building measures amid the absence of a clear demand for new parties in Russian society.

Even in early January 2012, when the protest movement seemed to have gained momentum, sociologists brought forward an argument that the general public was cautious about the need to carry out profound reforms of the party system. According to the VCIOM opinion surveys, in early January 2012 less than half of the respondents (45% and 44% correspondingly) spoke out in favour of simplifying party registration procedures and reducing the number of signatures required to participate in elections, whereas one-third of the respondents (33%) were opposed to the liberalization of political legislation. At the same time, the Russian Research Institute "Levada Center" argued that 56% of those surveyed did not see any necessity in the creation of new parties (only 24% said "yes"), and only 18% of those questioned called for a new center-right party to be established (57% said "no"). Nevertheless, other proposals of the Russian authorities, including the return to direct elections of governors, were enthusiastically welcomed by the majority of the Russian population (more than 70% said "yes", as VCIOM stated in January 2012).

Consequently, the increase in public trust and confidence concerning the party and electoral systems was conditional not only upon the technical simplification of party-building, but also upon the functioning of social lifts and updating staff profiles of old parties, as well as on the incorporation of new figures in the realm of public affairs. The surge in the number of mandates, distributed at regional and local levels within single-member constituencies, the revival of a mixed voting system to the State Duma, the reintroduction of direct elections of governors, the regionalization of the Federation Council, the development of primary elections for the ruling party, as well as the consistent revival of the third sector can be regarded as meaningful steps towards attaining the above mentioned goal.

Considering all the symptoms of the crisis of traditional democratic forms, foreign political scientists tend to place premium on a lower turnout, which is typical of all democratic

countries. In comparison with the early 1980s it is estimated to have dropped by 10%. In the USA, the general election voter turnout for the 2014 midterms was the lowest since 1918 (turnout of the voting-eligible population was just 33% percent). At regional and local stages, Russia has also followed suit. In these conditions, the state's appeal to the "third sector", the creation of an environment for continuous everyday involvement of social institutions in fulfilling state and municipal obligations, the gradual improvement in mechanisms and practices of direct democracy promotes the public's changing attitude to regular elections.

One of the long-term goals of the reform implies the elaboration of a model envisaging that the federal government may delegate the regulation of the institutional design of political systems to a lower level. Thus, these systems become flexible and can be easily adjusted to the changing realities. That was part of Russia's greater strategy aimed at the rejection of unified federal requirements for so called "partization" of municipal elections, the introduction of a larger variety of organizational forms of self-government, the expansion of the powers of local authorities, and the implementation of several models of governors' elections.

Finally, given a greater consolidation of the Russian society and major players of the political spectrum around President Vladimir Putin and his decrees issued in May 2012, both the United Russia party and other key parties, shared his strategic goals, had to identify their niche in the so-called "Putin's majority zone" to retain loyalty of the electorate.

Certain institutional practices have also been introduced, primarily, in light of the development of the All-Russia People's Front (ONF).

The final road from the emergence of "one hundred colors" in Russia's politics to the rise of serious rivals for old parties and to the renewal of the whole party system has taken nearly three or four regional electoral cycles.

The electoral map, drawn on the basis of the statistics from the universal voting day in 2015, illustrates that a structurization of Russia's political affairs is finally underway. However, it does not mean that new and small actors will fail to do well at the federal elections.

Russia has witnessed the division into de-facto federal, regional and local parties. This trend was predicted after the adoption of a multi-level qualification system¹⁰ at different elections, although from the legal standpoint, all Russian parties tend to immediately acquire a national status, and the creation of regional parties is not allowed in Russia in contrast to other states where it is customary. However, in the party arena there are still apparent artificially created parties, the so called satellite parties.

At the very start of the 2016 State Duma electoral campaign Russia saw party consolidation and coalition formation (around the People's Freedom Party "For Russia without Lawlessness and Corruption" (Parnas), the Motherland-National Patriotic Union or around

certain green parties). In case of electoral success micro-players can naturally merge with larger parties. This effect also was forecast by political experts after the implementation of the qualification system.

Following the reform of the party and electoral systems people have started to actually trust Russia's parties. It was exemplified by the fact that in November 2015 the party system, from the public perspective, was perceived as more reliable (44%) than trade unions, the judiciary and opposition forces. Moreover, it caught up with the civic chambers and the balance of approval and disapproval became steadily positive (+15%)¹¹.

¹⁰ In order to stand in any elections parties are required to command minimum support. In other words, they are supposed to have some party deputies in legislative bodies at the relevant levels or to collect signatures of the electorate.

¹¹ VCIOMData. Mode of access: http://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_obshchestvennykh_institutov/

**POLITICAL SYSTEM AT THE START OF STATE DUMA ELECTORAL CAMPAIGNS OF 2011 AND 2016:
EVOLUTION OF INSTITUTIONS ASSURING COMPETITIVENESS AND QUALITY OF POWER**

Institutional characteristic	Start of 2011 State Duma electoral campaign (according to the latest regional single voting day data, March 13, 2011)	Start of 2016 State Duma electoral campaign (according to the latest regional single voting day data, September 13, 2015)
<i>Openness and competitiveness of the federal electoral system</i>		
Political parties registration	At least 40 thousand members – 7 registered national parties eligible to run in elections	At least 500 members – 74 national parties eligible to run in elections, with municipal branches in half of the Russian regions, and 77 national parties with registration (as of December 2015)
Possible party liquidation because of its non-participation in elections	A party has not been participating in elections for 5 years	A party has not been participating in elections for 7 years
Type of electoral system during State Duma elections	Proportional: only party list voting	Mixed: 225 deputies – party list voting + 225 deputies – single mandate constituencies
Political parties and candidate registration for State Duma elections without signature collection	4 parties without signatures collection: – parliamentary parties – parties that have deputies from the party lists in 28 regional parliaments (out of 83)	14 parties without signatures collection: – parliamentary parties; – parties with more than 3% of votes at the latest State Duma elections; – parties that have a deputy from the party list at least in 1 regional parliament (out of 85)
Political parties and candidate registration for State Duma elections with signature collection	150 thousand signatures for a party list (for all the parties except 4 parliamentary parties, which are entitled not to collect signatures)	200 thousand signatures for a party list (for other small parties except 14 parties with federal qualification) 3% of voters in a single mandate constituency (for self-nominated candidates and candidates from parties without qualification)
Vote threshold at State Duma elections	7% From 6% to 7% – 2 consolation mandates From 5% to 6% – 1 consolation mandate	5%

Institutional characteristic	Start of 2011 State Duma electoral campaign (according to the latest regional single voting day data, March 13, 2011)	Start of 2016 State Duma electoral campaign (according to the latest regional single voting day data, September 13, 2015)
Minimal requirements for the federal list of candidates at State Duma elections	At least 70 regional groups in a federal list. Federal list registration is cancelled if there are fewer than 60 regional groups left after candidates' exclusion	At least 35 regional groups in the federal list. Federal list registration is cancelled if there are fewer than 20 regional groups left after candidates' exclusion
<i>Openness and competitiveness of the electoral system at regional and municipal levels</i>		
Number of political parties at regional and municipal elections countrywide (in a ballot)	7 parties , all of them registered at least 1 candidate	55 parties out of 74 nominated candidates or registered party lists. 49 of these parties registered (were present in a ballot) for at least one campaign, including: – 36 parties – for elections of deputies to regional legislative bodies and local government bodies on party lists; – 40 parties – for elections of deputies to regional legislative bodies and local government bodies in majority constituencies; – 27 parties – for elections of the heads of regions or the heads of local government bodies
Number of political parties at regional legislative elections on party lists (in a ballot)	On average 4.67 per region From 4 parties (7 regions out of 12, where elections to regional parliaments were held in March 2011, or 58% of campaigns) to 6 parties (3 regions out of 12)	On average 7.82 per region From 5 parties (1 region out of 11, or 9% of campaigns) to 15 parties (1 region out of 11)
Nomination of candidates and lists by non-governmental organizations at elections to local government bodies	At 2010-2011 only party nomination and self-nomination of candidates to run in elections	Non-governmental organizations ran in the elections of the deputies or the heads of local government bodies by lists and/or constituencies in 11 regions
Registration of political parties and candidates at elections of heads of regional legislative bodies and local government bodies without the collection of signatures	Federal Qualification Advantage (4 parties): – parliamentary parties; – parties that have deputies from the party lists in 28 regional legislative bodies. Regional Qualification Advantage in the region where elections to the parliament are held: – party has a deputy from the party list in the legislative body of this region (also the advantages is applied at elections to the local government bodies). Additional municipal qualification advantage , besides the regional one, is not applied . To sum up, after the single voting day there are from 4 to 5 parties with regional qualification .	Federal qualification advantage (5 parties): – parliamentary parties; – parties with more than 3% of votes at the latest State Duma elections. Regional qualification advantage in the region where elections to the legislative body take place (at least in one region – 27 parties not taking into account 5 parties with federal qualification advantage): – party has a deputy from the party list or has got over 3% at the regional parliament elections (the qualification advantage is also applied at elections to local government bodies); – party has deputies from the party list in any municipal council of this region; – the party lists got 0,5% of votes of the region at the latest municipal elections in the region in total Additional municipal qualification advantage is applied only in a municipality where elections to local government bodies take place: – currently a party has a deputy from the party list or a single-mandate majority winner in the municipal council To sum up, after the single voting day there are from 5 to 18 parties with regional qualification . The biggest number is in Dagestan (18), the Moscow region (13), and the Sverdlovsk region (12).
Registration of candidates at the regional parliaments and local government bodies elections with signatures collection	Up to 2% of signatures for a party list or a candidate in a constituency (for parties without federal and regional benefits). In October 2010 and March 2011 – from 1% to 2% of the total number of voters.	At elections to regional parliaments – 0.5% of the voters for a list, 3% – for a candidate in a constituency (for parties without regional benefit and self-nominated candidates) At elections to local government bodies – 0.5% for a candidate in a constituency or for a list (for parties without regional benefit and self-nominated candidates).
Registration of candidates at elections of the heads of local government bodies	General rules of collecting signatures – up to 2% for parties without federal or regional benefits. Up to 2% of signatures for self-nominated candidates.	No party candidates need to collect signatures. Self-nominated candidates collect 0.5% of the signatures.

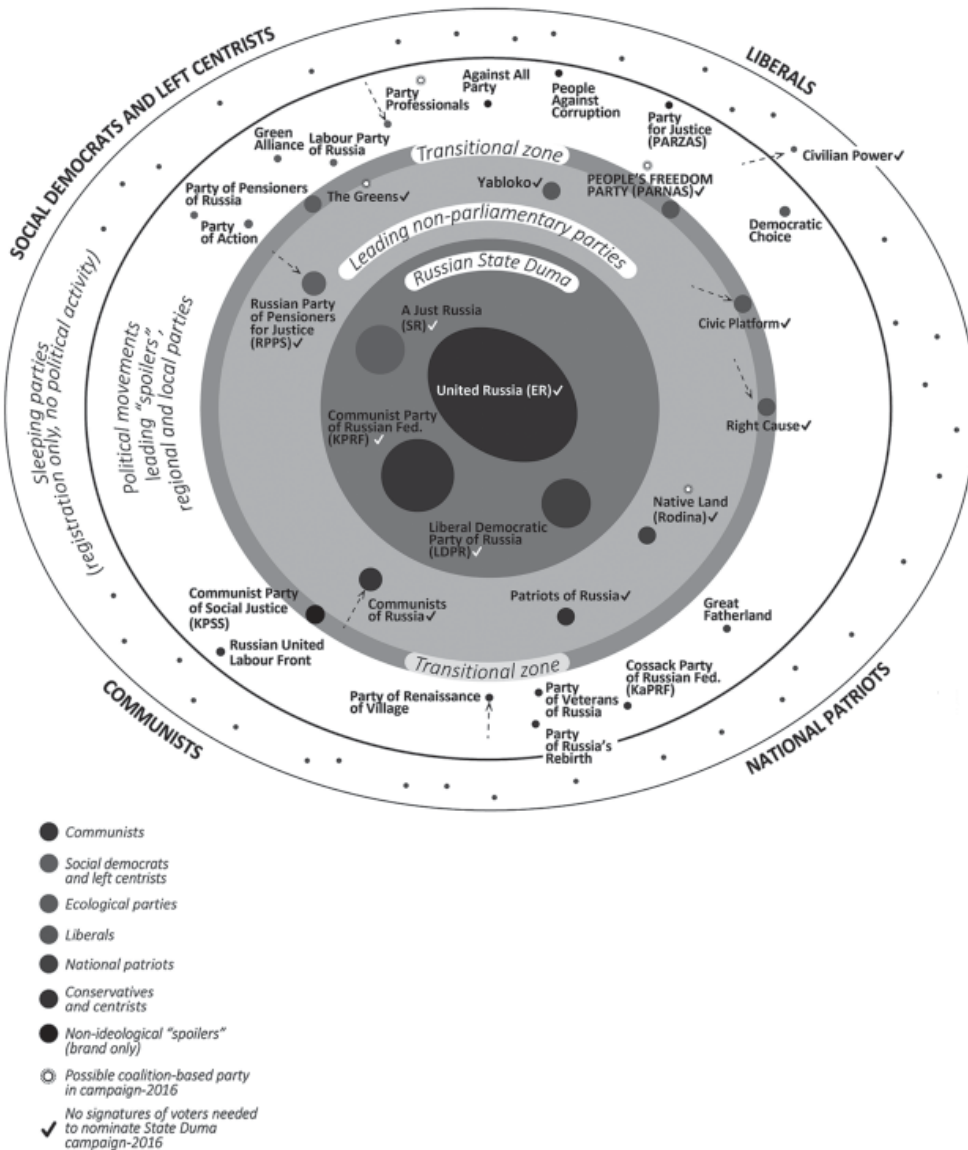
Institutional characteristic	Start of 2011 State Duma electoral campaign (according to the latest regional single voting day data, March 13, 2011)	Start of 2016 State Duma electoral campaign (according to the latest regional single voting day data, September 13, 2015)
Threshold at the elections to regional legislative bodies and local government bodies	From 6% to 7% (the majority of elections to regional legislative bodies), and 1 consolation mandate for parties that received over 5% but not under the threshold From 5% to 7% (in the majority of the administrative centers of Russian regions)	5% (to regional legislative bodies and in the majority of administrative centers of Russian regions)
Voting on party lists in big cities	Only in 11 out of 25 regional administrative centers , where elections to local government bodies took place in October 2010 and March 2011 (majority system in other 13) After the latest single voting day, unified federal standards were introduced making it mandatory to elect on party lists at least half of the deputies to the top-level local government bodies (in cities or districts) with 20 or more deputies	In all 25 regional administrative centers , where elections to local government bodies took place on the latest single voting day. The electoral system to local governments at all levels, including the need for elections on party lists, is determined by law of a constituency rather than at the federal level
«None of the above» column	Not used	Used at municipal elections in 7 regions , in 2015 used in 3 regions at elections on party lists
Average turnout at elections to regional legislative bodies on the latest single voting day	50.9% of the registered voters (in 12 regions)	41.8% of the registered voters (in 11 regions)
Average result of United Russia at elections to regional legislative bodies on the latest single voting day	The latest regional single voting day before the elections to State Duma – the emergence of a negative trend for United Russia . United Russia gained on average 48.97% at elections to regional legislative bodies (in 12 regions, with almost 12.9 million voters), with the result in 2 regions – below 40% and in 5 regions – below 50%	The latest regional single voting day before the elections to State Duma – retaining of popularity by United Russia , despite the elections in problem regions United Russia gained on average 59.91% at elections to regional legislative bodies (in 11 regions, with almost 12.1 million voters): with the result in only 1 region – below 50%
Average result of United Russia at elections to regional legislative bodies on party lists on the latest single voting day	United Russia received on average 49.29% of the votes in the elections to municipal councils in the capitals of the Russian Federation territorial entities on party lists (4 administrative centers, where about 1.4 million voters live and elections were held on party lists). Of these three regional centers the party gained under 40%. However, in the cities, where the party rating was low, the elections were held under the majoritarian system without the use of the party image	United Russia received on average 55.09% of the votes in the elections to municipal councils in the capitals of the Russian Federation territorial entities on party lists (23 administrative centers, where about 10.4 million voters live and elections were held on party lists). Of these in two regional centers the party gained under 40% and in 8 regional centers below 50% In all the capitals of the Russian Federation territorial entities, including the most difficult regions for the ruling party, the elections were held on party lists
<i>Quality of regional and municipal institutions</i>		
Forming the Federation Council (the chamber of the federal subjects in the Federal Assembly)	No residence requirement in the regions for the candidates to the Federation Council Senator from the region's executive is appointed by the governor Deputies of regional parliaments or local government bodies may become senators from the region's legislative (but there are exceptions)	5-years residence requirement for candidates , except for diplomatic, civil and municipal service and special service in the region Candidates to the Federation Council from the executive indirectly participate in the elections together with the governor ("senatorial troikas" nominated by the senatorial candidate, of whom one is later appointed senator). If the governor is elected, the incumbent deputies of State Duma, regional legislature or local government bodies and the Federal Council members (if they cross the "municipal threshold", i.e. collect the signatures of municipal deputies) become candidates to the Senate Candidates to the Federation Council from the legislative preliminarily participate in direct elections (only a deputy of the regional parliament gets to the Federation Council)

Institutional characteristic	Start of 2011 State Duma electoral campaign (according to the latest regional single voting day data, March 13, 2011)	Start of 2016 State Duma electoral campaign (according to the latest regional single voting day data, September 13, 2015)
Electing the highest official of a Russian region	Governors are approved by the corresponding regional legislative body by voting for the candidates suggested by the President (in all 83 regions) No direct gubernatorial elections.	Governors are elected directly by citizens (75 regions) Governors are elected indirectly by the deputies of regional legislative bodies out of the three candidates, suggested by the President (10 regions).
Governors with successful electoral background in their regions	48% of governors (40 out of 83 incumbent governors) have successful electoral background in their regions: – 26 had won direct elections in their regions till direct elections were abolished in late 2004 (31%); – 14 governors had a successful background at majoritarian elections in their regions in late 1990s and in 2000s (State Duma elections or elections to regional legislatures in single mandate constituencies, mayoral elections or elections of regional heads).	79% of governors (67 out of 85 incumbent governors not taking into account the Komi Republic) have successful electoral background in their regions: – 61 incumbent governors won direct elections in their regions in 2012–2015 (out of 75 regions with direct elections) – 6 governors who did not participate in direct elections or were elected at indirect elections, have successful electoral background at direct majoritarian elections in their regions in late 1990s and in 2000s (State Duma elections or elections to regional legislatures in single mandate constituencies, mayoral elections or elections of regional heads).
Average incumbent governors' age	52.97 as of early 2011	54.12 in September 2015 (some heads of regions have kept their posts over the recent 4 years)
Levels of local governance	5 possible types of municipal units disregarding the peculiarities of city regions development “Higher level”: – urban district; – municipal district; “Lower level”: – urban locality; – rural settlement; – intra-urban municipal unit of a federal city	7 possible types of municipal units taking into account the peculiarities of city regions development “Higher level”: – urban district without intra-urban division; – urban district with intra-urban division; – municipal district; “Lower level”: – urban locality; – rural settlement; – intra-urban district; – intra-urban municipal unit of a federal city
Diversity of issues under the local government bodies' jurisdiction and forms of interaction of different government levels	38 local issues under urban districts' jurisdiction 30 local issues under municipal districts' jurisdiction The same list of 33 local issues under urban localities and rural settlements' jurisdiction irrespective of the differences between their administrative and financial recourses	44 local issues under urban districts' jurisdiction 39 local issues under municipal districts' jurisdiction 39 local issues under urban localities' jurisdiction At least 13 local issues under rural settlements' jurisdiction (may increase: it depends on the region, administrative and financial resources) At least 13 local issues under intra-urban districts' jurisdiction (may increase: depends on the region, and its administrative and financial resources) Institutional conditions for cooperation of regional and local authorities, of local government bodies of “higher” and “lower” levels in promoting social and economic development of the territories More opportunities for redistribution of powers upwards (in favor of the state authorities) and downwards (in favor of local authorities), which depends on the regions' peculiarities, local government bodies' efficiency and condition of inter-budget relations
Diversity of ways of forming local government bodies	3 ways of forming local government bodies: – head of a municipal unit elected by national vote, who runs the administration (political and economic duties); – head of a municipal unit elected by national vote, who is a member and the speaker of local government body and a city manager hired on a competitive basis (the head of administration with economic duties); – “a double-headed system” without national vote: head of a municipal unit, a member of local government body with political duties, chosen of the deputies + city manager on a competitive basis (the head of administration with economic duties)	5 ways of forming local government bodies: – elected by national vote head of a municipal unit, which runs the administration (political and economic duties); – elected by national vote head of a municipal unit, who is a member and the speaker of local government body and a city manager on a competitive basis (the head of administration with economic duties); – “a system with two heads” without national vote: head of a municipal unit, a member of local government body with political duties, chosen of the deputies + city manager hired on a competitive basis (the head of administration with economic duties); – “a system with one head” without national elections with a full-fledged head of a municipal unit, chosen of the deputies (political and economic duties); – “a system with one head” without national elections with a full-fledged head of a municipal unit hired on a competitive basis (political and economic duties)

Institutional characteristic	Start of 2011 State Duma electoral campaign (according to the latest regional single voting day data, March 13, 2011)	Start of 2016 State Duma electoral campaign (according to the latest regional single voting day data, September 13, 2015)
<i>Opposition within the political system</i>		
Parliamentary opposition representatives among the highest officials of Russian regions and	Communist party members among governors (one region head) Parliamentary opposition representatives elected as mayors desert their parties or join the ranks of United Russia	Communist Party (CPRF), Liberal Democratic Party (LDPR) and Just Russia members among governors (CPRF – 2 governors, LDPR and Just Russia – 1 governor) Parliamentary opposition representatives elected as mayors of big cities do not desert their parties and head the party lists at elections
Parliamentary opposition representativeness in the State Duma and its committees	Parliamentary opposition representatives head 6 State Duma committees out of 32 (19%) Opposition representatives have 30% of seats in the lower chamber	Parliamentary opposition representatives head 15 State Duma committees out of 30 (50%) Opposition representatives have 47% of seats in the lower chamber
Parliamentary opposition representativeness in the Federation Council	No parliamentary opposition representativeness in the Federation Council. Sergey Mironov, leader of “Just Russia” and Federation Council speaker, was recalled from the Federation Council, the decision was made by United Russia deputies in Saint-Petersburg regional parliament	All three opposition parties are represented in the Federation Council.
Mass political protests in Moscow	Mostly rejections to requests for the formal permission to organize opposition protests in the center of Moscow, unauthorized demonstrations and arrests (“Strategy-31”, “Days of Anger” (for the first time authorized in March 2011	Mostly authorized political protests both in the center of Moscow and in the suburbs Special locations authorized for popular protests (“hyde parks”)
“Non-system” (radical) opposition	Institutionally driven out the legal political framework: no registered parties, frequent refusals to register self-nominated candidates, unauthorized popular protests	Former “non-system” opposition is integrated into the legal political framework: a party with federal qualification (The People’s Freedom Party – PARNAS) and several minor parties, periodic participation in the elections at different levels, authorized popular protests
<i>Social and political institutions in support of the national leader Vladimir Putin</i>		
Popular movement People’s Front for Russia (The All-Russia People’s Front (ONF))	Not created yet. Its creation was announced in May 2011. At 2011 State Duma elections ONF acts as a non-institutionalised (informal) union.	Formally established, a leading civic movement in Russia. Institutionalised as an institution of independent public control over the realization of president’s orders in all spheres at the state and municipal level and over government procurements. It is also empowered to appraise the Government’s reports to the Presidential Control Directorate).
United Russia political party	“Closed pattern” primaries (only party members and its adherents), about 0,2% of voters cast their ballots There were some cases of mismatch between the seats order in the lists and primaries results	The party holds “open pattern” primaries (participation of all willing voters, unrestricted nomination of independent candidate), about 8-12% of voters cast their ballots at the primaries to the regional parliaments and city councils in 2015 Party’s leadership usually ensures that candidates are listed in conformity with the primaries results seats. Other political forces learn from United Russia’s experience in conducting primaries (The People’s Freedom Party – PARNAS)
Institutional dimension of “Putin’s majority”	Vladimir Putin is the leader of the ruling party and the head of the Government, parliamentary opposition is opposing Government’s policy Prime Minister is the leader of United Russia	Vladimir Putin is a post-partisan majority leader and United Russia leader. All parliamentary parties and the majority of small parties share President Putin’s foreign and domestic policy priorities. Over 20 parties participate in the all-Russia’s People’s Front. Prime Minister is the leader of United Russia

Institutional characteristic	Start of 2011 State Duma electoral campaign (according to the latest regional single voting day data, March 13, 2011)	Start of 2016 State Duma electoral campaign (according to the latest regional single voting day data, September 13, 2015)
<i>Civic institutions</i>		
The Civic Chamber of the Russian Federation and public control system.	126 members. Regions' representation in the Civic Chamber is not guaranteed. "President's quota" is for citizens with distinct merits to Russia.	Regional and professional representation in the Civic Chamber is guaranteed. 168 members, 85 of them represent regions' civic chambers. At least half of the "president's quota" is for professional and social group representatives. Federal Law No. 212-FZ "On basic principles of public control in the Russian Federation" is adopted. It formalized the leading role of civic chambers and public councils attached to government bodies in the public control system. The leading role of the Civic Chamber in forming public councils attached to federal government bodies is institutionalized. "The Russian public initiative" site works (to conduct an Internet search for the most popular public initiatives to be further considered by the authorities at different levels) The post of a Minister for Open Government Affairs has been introduced. In addition to the public ombudsmen and ombudsmen for the children's rights, the institution of the Ombudsman for businessmen's rights attached to President's Office has been established.
The Human Rights Council of the Russian Federation	40 members appointed by President without preliminary public discussion.	63 members appointed in accordance with the results of preliminary online voting. Larger and more balanced representation of different human rights the institution of the Ombudsman for businessmen's rights attached to President's Office has been established.
Interaction with socially oriented non-profit organizations	9 types of socially oriented non-profit organizations' activities give them the right to get additional support of both federal and local government bodies.	17 types of socially oriented non-profit organizations' activities give them the right to get additional support of both federal and local government bodies. President's order to work out socially oriented non-profit organizations' ("non-profit organizations of increased social benefit") new legal status. In December 2015 the Russian President gave orders to give the new legal status to social non-profit organizations – "Provider of social services" (similar to the foreign status of "Public-benefit non-profit organizations") and provide them with tax and property exemptions.
Support of non-profit organizations	In 2011 1 billion roubles granted by the President to hold a competition between non-profit organizations USAID, NED, IRI and other foreign foundations supporting non-profit organizations are present in Russia. Citizens are not informed about non-profit organizations' financial support from abroad. Non-profit organizations try to receive foreign support.	In 2015 4.228 billion roubles granted by the President to hold a competition between non-profit organizations The majority of foreign foundations left Russia. Laws about "foreign agents" and "undesirable organizations" were adopted. Many non-profit organizations refrain from receiving foreign support in favor of domestic financing and crowdfunding. In December 2015 in the Address to the Federal Assembly the President suggested allotting up to 10% of the regional and municipal social programs to the nonprofit organizations for nonprofit organizations to participate fully in the delivery of social services on the ground.

THE RUSSIAN PARTY SYSTEM AT THE END OF 2015



ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1\(22\)-132-135](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1(22)-132-135)

**УНИКАЛЬНЫЙ ОПЫТ ОАО «ГАЗПРОМ»
ПО УПРАВЛЕНИЮ СЛОЖНЕЙШИМИ КРУПНОМАСШТАБНЫМИ
ИНВЕСТИЦИОННЫМИ ПРОЕКТАМИ**

Система управления разработкой и реализацией инвестиционных проектов и программ в корпорации и её дочерних обществах: Справочное пособие для специалистов. – 2-е изд., доп. и перераб. / Под общ. ред. профессоров А.Г. Ананенкова и В.С. Резниченко. – М.: Издательство «Спутник+», 2015. – 518 с.

Общепризнанна потребность во всеобъемлющем описании теории и практики управления инвестиционными проектами с учетом мирового опыта крупных корпораций, осуществляющих реализацию крупномасштабных, высокотехнологичных проектов и программ, а также требований международных стандартов на основе системных подходов к определению их объективной стоимости и социально-экономической эффективности с привлечением иностранных инвестиций. Введение рациональных цен в строительстве и оптимизация на их базе уровня капитальных вложений критически важны в естественных монополиях России, являющихся крупными инвесторами и застройщиками, в частности, для нефтегазового сектора экономики. Особенно остро названные проблемы встают при реализации крупномасштабных высокотехнологичных инвестиционных проектов в труднодоступных и малонаселенных регионах, особенно на полуострове Ямал, Восточной Сибири и Дальнем Востоке, полуострове Камчатка и острове Сахалин, в которых длительное время остро ощущается недостаток рабочей силы, доминируют сложные природно-климатические и другие условия осуществления строительства.

Первое издание книги – результат уникальной пятнадцатилетней деятельности авторского коллектива (Резниченко В.С., Ананенков А.Г., Чугунов Л.С., Ленинцев Н.Н., Ким А.И., Павлов В.В.), возглавляемого вице-президентом Российской инженерной академии, советником Российской академии архитектуры и строительных наук Резниченко В.С., – явилось крепким фундаментом для удовлетворения именно этой потребности. Широкое признание и использование первого издания справочного пособия в практике управления инвестиционной деятельностью многих корпораций служит доказательством того, что оно выполнило свою задачу.

Во втором издании сохранена общая структура книги. Книга состоит из двух разделов. В первом ее разделе рассматриваются основы управления инвестиционными процессами, включающей как методологию управления проектами (объекты управления), так и методологию управления инвестиционной деятельностью корпорации и ее дочерних обществ (субъекты управления), включая их организационную структуру. Второй раздел книги посвящен практическим рекомендациям по совершенствованию практики управления инвестиционными процессами с описанием корпоративных регламентов, методик, норм и нормативов, которые могут использоваться корпорациями для повышения эффективности своей деятельности. Указанные рекомендации учитывают передовой мировой опыт и современное российское законодательство.

Во втором издании книги рассматриваются, во-первых, предложения по совершенствованию российского законодательства в области управления инвестиционными процессами и, во-вторых, приведению существующей практики инвестиционно-

строительной деятельности в соответствии с действующими руководящими документами. Второе издание книги дополнено четырьмя новыми главами, а старые главы переработаны и обогащены новыми современными материалами, в т.ч. по реализации новых инвестиционных проектов и программ. Это позволило отразить дополнительный опыт, накопленный за прошедшие годы топ-менеджерами высшего звена, руководителями функциональных подразделений корпораций и ее дочерних обществ, а также менеджерами конкретных инвестиционных проектов, входящих в соответствующие команды. В частности, во втором издании книги рассмотрены следующие новые аспекты:

1. Более глубоко рассмотрен системный подход по декомпозиции системы управления инвестиционными процессами, прежде всего, по декомпозиции системы управления инвестиционной деятельностью корпорации и ее дочерних обществ. Разработанная декомпозиция системы легла в основу обоснования предлагаемой прикладной информационной системы для повышения эффективности управления инвестиционными процессами, совершенствования организационной структуры управления инвестиционной деятельностью корпорации и решении других актуальных вопросов;

2. Впервые рассмотрена методология и практика совершенствования организационных структур корпораций и их дочерних обществ, направленные на повышение эффективности их инвестиционной деятельности. Рассмотрены различные варианты оптимизации организационных структур корпораций и их дочерних обществ, особое внимание при этом уделено развитию матричной структуры управления, разработке и соблюдению нормативов управляемости;

3. Отдельная глава книги посвящена методологии создания эффективных информационных систем для совершенствования управления инвестиционной деятельностью корпораций и их дочерних обществ. При этом главное внимание уделено не столько оптимизации выбора информационной платформы, сколько глубине решения прикладных функциональных задач и унифи-

кации циркулируемой в системе управления технико-экономической информации (документооборота). Применен системный подход увязки функциональных прикладных задач на основе унифицированного для корпораций и их дочерних обществ информационного обеспечения, базирующаяся на единой системе классификации и кодирования технико-экономической информации;

4. Отдельная глава книги посвящена методологии обоснования достоверности, необходимой точности и преемственности инвестиционных расчетов на всех стадиях жизненного цикла инвестиционных проектов. Новизна предлагаемых подходов и моделей заключается в том, что они позволяют существенно повысить точность сметных, плановых и других инвестиционных расчетов, обеспечивающих возможность перехода на твердые договорные цены, более аргументированное формирование инвестиционных и подрядных договоров. При этом особый акцент сделан на методологию разработки и реализации крупномасштабных высокотехнологичных инвестиционных проектов, осуществляемых в труднодоступных регионах РФ со сложными природно-климатическими условиями, особенно при реализации инвестиционных проектов нефтегазовой промышленности. Важно отметить, что предлагаемые механизмы обеспечивают большую сходимость проектно-сметной информации с планово-договорной, что соответствует передовому мировому опыту и позволяет сделать эффективный шаг вперед в отечественной практике, где сметные и плановые показатели зачастую существенно отличаются, особенно на предварительных стадиях проектирования и годового (двух-, трех-) летнего планирования инвестиционной деятельности корпорации;

5. Более глубоко рассмотрена глава о порядке ценообразования и определения затрат по инвестиционному проекту в целом и стоимости строительной продукции в частности для различных стадий инвестиционных расчетов. Рассмотрены механизмы повышения обоснованности, точности и преемственности сметных расчетов и формирования укрупненных удельных показателей стоимости строительства для различных

объектов-представителей, регионов РФ и условий строительства. Приведены современные, обновленные удельные стоимостные показатели (в ценах 2010г.) строительства наиболее капиталоемких нефтегазовых объектов для большинства регионов РФ;

6. Более подробно рассмотрен полный жизненный цикл инвестиционного проекта, включая прединвестиционные и предпроектные работы, финансирование (с переводом проекта в инвестиционную фазу), проектирование и строительство объектов производственного назначения. В этой связи даны рекомендации по совершенствованию российского законодательства, в особенности, по производственно-экономическим вопросам при реализации крупномасштабных инвестиционных проектов, а также приведения практической деятельности участников инвестиционного проекта, инвесторов, застройщиков, заказчиков и подрядчиков капитального строительства в соответствии с руководящими нормативными документами;

7. Отдельный материал посвящен особенностям ценообразования по крупномасштабным и территориально удаленным стройкам, включая актуальные вопросы проектирования, ценообразования, строительства, регистрации, эксплуатации, налогообложения и учета временных зданий и сооружений, на примере нефтегазового строительства, в особенности при сооружении магистральных трубопроводов и обустройстве нефтегазоконденсатных месторождений.

В книге показано, что эффективное управление проектами и деятельностью корпораций в инвестиционной сфере требует, во-первых, отказа от некоторых старых привычек и методов управления и перехода на новые способы достижения поставленных целей в срок и в рамках рационального бюджета. И, во-вторых, обеспечение рационального бюджета и минимизации затрат на реализацию инвестиционных проектов могут быть достигнуты на основе дальнейшего совершенствования инвестиционной деятельности корпораций в синхронизации с реформированием экономики и социальной сферы страны в целом. Экономические и другие интересы работников корпораций и

ее дочерних обществ должны быть направлены на повышение эффективности ее деятельности (в том числе увеличение прибыли), а не на увеличение затрат, как зачастую это происходит в настоящее время в отдельных отечественных корпорациях.

Новые подходы, изложенные в книге, проиллюстрированы на материалах реальных инвестиционных проектов, что выгодно ее отличает от книг, в которых представлена только теория и методология разработки и принятия инвестиционных и других управленческих решений. Вместе с тем, для крупномасштабного внедрения предлагаемых в книге инноваций, как показывает многолетний практический опыт, необходим анализ и систематизация инвестиционной деятельности конкретной корпорации, а также осуществляемого в ней документооборота, с разработкой проектной документации поэтапного перевода ее деятельности на предлагаемую инновационную систему.

Авторы выражают большую признательность руководству и специалистам ОАО «Газпром» и его дочерних обществ, руководителям крупных научных школ профессорам А.А. Гусакову, В.М. Васильеву, Л.С. Андрееву, авторитетным в мире ученых и практиков профессорам Ю.П. Баталину, С.Н. Булгакову, П.Г. Грабовому, В.М. Серову за результаты совместной работы, которые учтены при подготовке книги.

В заключение можно порекомендовать авторам следующие направления работы:

- при заключении подрядных договоров и установлении договорных цен – учитывать подсистемы корпоративного лимитирования отдельных видов затрат как основу для оптимизации планов капитальных вложений;

- проблемы снижения стоимости крупномасштабного строительства решать в основном за счет повышения эффективности конкурсного отбора инвесторов, подрядчиков и поставщиков ресурсов и оборудования.

Некоторые предложения по определению содержания предложенной авторами инновационной системы управления инвестиционно-строительными проектами и программами на всех стадиях инвестиционного процесса являются дискуссион-

ными и требуют проведения дальнейших исследований.

Высказанные замечания и пожелания не снижают достоинств рецензируемой книги. В целом она представляет собой уникальный вклад в решение научных и практических проблем ценообразования и управления стоимостью строительства для современной России, а также повышения эффективности планирования капитального строительства и управления инвестиционными проектами. Книга будет полезна работникам органов государственного управления, научных, проектных, строительных, снабженческих и других организаций, занятых в сфере инвестиционно-

строительной деятельности, а также профессорско-преподавательскому составу вузов, аспирантам и студентам.

*С.А. Владимиров,
д.экон.н., профессор кафедры
общего менеджмента и логистики
Северо-Западного института управления
ФГБОУ высшего профессионального
образования Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте
Российской Федерации*

[http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1\(22\)-135-138](http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-1(22)-135-138)

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Глобальный мир: к новым моделям национального и глобального развития. Научная монография в 2 т. / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 2014. Т. 1. 648 с.; Т. 2. 648 с.

Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования. Научная монография / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 218 с.

Политическая идентичность и политика идентичности в 2 т. / Отв. Ред. И.С. Семененко. М: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. Т. 1 : Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. 208 с.; Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI в. 471 с.

Представленные на рецензирование книги представляют собой взаимосвязанный цикл политических исследований по проблематике моделей национального и глобального развития в современном глобальном мире, анализа, прогнозирования и интерпретации политических изменений в глобальном мире, а также теоретических и практикоориентированных аспектов эволюции политической идентичности. Книги подготовлены коллективами квалифицированных авторов при ответственном редактировании И.С. Семененко. 2-х томник по политической идентичности представляет собой словарь терминов и понятий, связанных с категорией политической идентичности (первый том), второй том – собственно исследование взаимосвязи политической идентичности и социально-политических изменений в 21 веке.

Первый том 2-х томника «Глобальный мир: к новым моделям национального и глобального развития» состоит из двух частей, которым предпослано развернутое введение ответственного редактора с анализом проблем концептуализации социально-политических изменений в глобальном мире. Ответствен-

ный редактор констатирует, что: 1) современный мир переживает стремительные и глубокие трансформации; 2) эти трансформации имеют глубинный и разнонаправленный характер; 3) связаны, в том числе, с реализацией права национально-территориальных сообществ на самоопределение. По мнению ответственного редактора 2-х томника И.С. Семененко, именно идентичности больших социальных групп, малых сообществ и индивидов и отражают динамику мировых глубинных трансформаций современного глобализирующегося мира. Она считает, что современные международные институты оказались неспособными дать адекватные ответы на потребности глобального регулирования современным миром. Глобальная взаимозависимость размывает основы суверенитета государств, в результате чего возникают системные противоречия, которые, как утверждает ответственный редактор (этот тезис далее подробно разбирается и другими 48 авторами данной научной монографии) не получают полноценного разрешения в рамках современного миропорядка. В результате выдвижения наряду с государствами и негосударственных акторов – международных, транснациональных и национальных институтов, корпоративного бизнеса и структур глобального гражданского общества, глобальных городов, экспертно-аналитических сообществ и публичных интеллектуалов, складываются политические пространства, где государства играют ключевую, но не монопольную роль. Соответственно, ответственный редактор и авторы научной монографии выдвигают положение о том, что новой единицей мирополитического анализа становится пространство политических взаимодействий всех акторов мирополитического взаимодействия, как старых, так и новых. Комплексному анализу и выявлению адекватного инструментария для анализа пространства политических взаимодействий и посвящен данный 2-х томник. В нем сначала, в первой части, исследуются парадоксы современного глобального управления (автор главы Н.В. Загладин), а затем анализируются и варианты новых моделей управления социальным развитием (Е.С. Садовая, В.А. Сауткина, И.П. Цапенко). Для решения этой ис-

следовательской задачи авторский коллектив во 2-ой части монографии исследует альтернативы мирового развития, связанные с развитием крупных стран и мировых регионов: США (Н.В. Загладин), Китая (А.И. Салицкий, А.В. Виноградов), В.В. Таций), Европы (М.В. Стрежнева, С.П. Перегудов, Г.И. Вайнштейн, В.Я. Швейцер, Н.К. Кисовская), России (К.Г. Холодковский, В.В. Лапкин, В.Л. Шейнис, Е.С. Садовая, А.С. Железняков), Индии (А.Г. Володин), Японии (Д.В. Стрельцов, С.В. Чугров, Е.Л. Леонтьева) и Бразилии (Л.С. Окунева, Л.Н. Симонова). Выбор стран и регионов для анализа обусловлен не только ролью и местом этих игроков в мировой политике и глобальной экономике, но и задачей выявления на их основе общих трендов и особенностей, который позволяет сформулировать основные национально-региональные модели развития. Главная задача, которую решают авторы научной монографии, – показать, как трансформируются эти модели национально-регионального развития, как на основе этой трансформации могут создаваться новые макрорегиональные модели, а также формироваться новые локальные практики общественных изменений, которые, в свою очередь, могут влиять на формирование региональных моделей развития и, в целом, глобальных изменений. Задача выявления таких новых моделей и локальных практик успешно решена исследовательским коллективом рецензируемого 2-х томника. Авторы приходят к выводу, что современный мир перестал быть западноцентричным в виду появления мощных полюсов за пределами европейского ареала и назрела необходимость дальнейшего интеллектуального осмысления проблем прогнозирования трансформаций пространства политических взаимодействий.

Научная монография «Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования» посвящена дальнейшему более глубокому осмыслению проблем концептуализации политических пространств. Ответственный редактор И.С. Семененко во введении к монографии постулирует тезис, в соответствии с которым «политическое пространство формирует представления о политике, отражающие смыслы, ценности,

идеи и идентичности, которые воплощаются в политических действиях и могут создавать отвечающие задачам политического целеполагания новые институты и структуры» (Введение, с. 13). Авторы утверждают, что возникают разновидности политического пространства, которые представляют собой область виртуальной коммуникации субъектов политического процесса разной природы, имеющих в силу этого конфликтный характер (И.Л. Прохоренко, Х.Г. Тхагапсоев). Новая реальность требует разработки аналитических моделей, в которых пересматривается отношение к обществу как к «младшему партнеру» государства. Возрастание гетерогенности политического пространства требует нового инструментария для анализа и прогнозирования разнородности и неравновесности взаимодействующих в нем акторов, что требует в свою очередь разработки таких категорий анализа как комплексность, сложносоставность, мозаичность, фрагментарность. Требуется анализа и новый феномен «гибридности», характеризующий современные политические трансформации. Авторы научной монографии кроме этого исследуют сетевую составляющую современной политики (И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова), систему акторов и институтов пространства современного политического взаимодействия (мониторинговую демократию, феномен массовых политических процессов, взаимоотношение личности и политики – авторы соответствующих глав С.П. Перегудов, Д.Г. Зайцев). Авторы считают, что все эти проблемы и категории имеют не только теоретические, но и прикладное значение. Для их анализа нужно переосмыслить и переструктурировать уже существующие подходы и исследовательские концепции, чтобы заново соотнести их с меняющейся политической и социальной реальностью. Наиболее подходящими для решения данных задач, по мнению авторов, являются циклически-волновой и социокультурный подходы (отдельно рассмотрены в заключении В.И. Пантина) к анализу политических изменений, которые позволяют по новому интерпретировать нелинейные процессы модернизации в глобальном контексте. Динамика политики идентичности и политиче-

ская идентичность, по мнению авторов, дает ключ к пониманию типологии взаимодействия индивида с социальными институтами в условиях их взаимного нарастающего отчуждения и потери первоначальных смыслов, которые и требуют переструктурирования существующих научно-аналитических и прогностических подходов.

Этим проблемам посвящен 2-х томник «Политическая идентичность и политика идентичности», первый том которого представляет собой словарь терминов и понятий, связанных с категоризацией данного явления в политической науке. Ответственный редактор 2-х томника И.С. Семененко считает, что категория идентичности в политической науке имеет не только теоретическую, но и практическую значимость, так как она помогает исследовать социально-политические изменения и строить возможные сценарии развития современного мира. В словаре рассматривается идентичность как предмет политического анализа (Г.Я. Миненков) и строится ментальная карта этой категории (В.В. Лапкин, И.С. Семененко). Далее выделяются рамочные понятия идентичности (составляющие, коллективная идентичность, социальная идентичность, индивидуальная идентичность), а также рассматривается проблема ее кризиса и трансформации. После этого подробно рассматриваются такие виды идентичности, как социально-ролевая идентичность, идентичность в политическом измерении, идентичность в социокультурном измерении. Пространственно-территориальная идентичность, дискурсы и практики идентичности. Во 2-м томе в научно-аналитическом ракурсе рассматриваются проблемы меняющейся идентичности в меняющемся мире. В первом разделе рассматриваются стратегии и акторы политики идентичности: динамика идентичности (В.В. Лапкин), стратегии и дискурсы идентичности (Л.А. Фадеева), механизмы ее формирования (Г.В. Пушкарева). Среди акторов политической идентичности особое внимание уделяется политической нации и национальному государству (И.С. Семененко). Исследуется феномен гражданской идентичности (И.С. Семененко).

Далее авторский коллектив анализирует политическую идентичность и политические измерения между Западом и не-Западом, и, в частности, такие ее виды, как: национально-цивилизационную идентичность (В.И. Пантин), религиозную и конфессиональную идентичность (М.М. Мchedлова), инокультурные идентичности (Г.И. Вайнштейн). Изменение политической идентичности в двух ключевых регионах: в странах мусульманского Востока (И.В. Кудряшова) и в Западной Европе (Н.К. Кисовская) также подвергается кросскультурному и кроссрегиональному анализу с точки зрения сосуществования и динамики взаимоотношения двух основных структурных версий – секулярной политической традиции и мусульманской религиозной идентичности.

В 3-м разделе научной монографии рассматривается политический феномен российской идентичности: ее проблемы и противоречия (К.Г. Холодковский), региональная идентичность (О.Б. Подвинцев, М.В. Назукина). Отдельно рассматривается проблема консолидации российского государства (С.П. Перегудов).

В 4-м разделе книги рассматриваются дискурсы идентичности и политический опыт Модерна: их эволюция (В.С. Мартья-

нов), дилеммы макрополитической идентичности (О.Ю. Малинова) и взаимоотношения архаики, модерна и постмодерна (Е.Б. Рашковский).

В последнем 5-м разделе научной монографии исследуется интеграционный потенциал идентичности. В главе 16 (И.М. Бусыгина) показана взаимосвязь динамики макрополитической идентичности и регионального интеграционного потенциала, исследованы пути формирования гражданской идентичности (гл. 17, авторы Н.В. Загладин, Н.Ю. Беляева), взаимовлияние территориальной идентичности и путей реконфигурации социального пространства (Н.Ю. Замятина), а также в гл. 19 исследован феномен «сопространственности» (Д.Н. Замятин).

В целом рецензируемые книги представляют собой оригинальный и существенный вклад в отечественную политическую теорию международных отношений и могут без сомнения быть выдвинутыми для участия в конкурсе на соискание премии РАН им. Е.В. Тарле.

*А.Д. Воскресенский,
профессор МГИМО МИД России
д. полит.н., д. философ.*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

International Conference “SHIFTING GEOPOLITICS & SECURITY AMONG MAJOR POWERS: CHINA, RUSSIA, & THE UNITED STATES”

February 8th, 2016
6:30pm – 9:00pm
Carter Auditorium
John Brooks Williams Natural Sciences
Center - South at St. Edward's University

Moderated by Dr. Sharyl Cross,
Director of Kozmetsky Center

Join leading experts for a discussion of the shifting US-China-Russia Relationship to include:

- Implications of China's rise as a global superpower
- China & Russia as “allies,” “partners” or “competitors” & choices for American policy
- Consequences of the American & Russian “pivot” toward Asia
- Whether the United States, China, & Russia can peacefully navigate shifts in the global geopolitical landscape or if great power conflict is inevitable
- & MUCH MORE...

International Workshop “COMPARATIVE EPISTEMOLOGIES FOR THINKING CHINA: THE ITALIAN EXPERIENCE”

December 1–2, 2015
Rome
Dipartimento ISO, via Principe Amedeo,
182b, 00185 Roma

PROGRAMME:

December 1 - Morning Session

9:30 Welcome speeches by Matilde Mas-trangelo, Federico Masini, Zhang Hong, Shih Chih-yu

09:50 Federico Masini. “The Italian Image of China through the centuries”

10:15 Yang Li. “Martino Martini's Image of China in His Book *De Bello Tartarico Historia*”

10:40 Bogdan Góralczyk. “A Polish Ambassador of the Chinese Emperor”

11:25 Luisa M. Paternicò. “The Italian Image of China in the Second Half of the 20th Century”

11:50 Alessandra Lavagnino. “Teaching Italian language and culture in Shanghai in the Seventies: Which image of Italy?”

12:15 Maria Rita Masci. “The China Experience and the introduction of Contemporary Chinese Literature in Italy”

December 1 - Afternoon Session

15:00 Silvia Calamandrei. “Looking to the past: Vento dell'est, a SinoItalian Magazine”

15:25 Shih Chih-yu. “Christianity, Anti-Communism and Confucianism of the China News Analysis: Catholic Sinologists vs. Catholic Sinology”

15:50 Axel Schneider. “Imagination and “reality”: changes in SinoItalian perceptions”

16:35 Valentin Golovachev. “Soviet and Italian Experts as Cultural Mediators during the ‘Cultural Revolution’ in China”

17:00 Alexander Pisarev. “Different Images of Post-Mao's China: Italian Observers and Soviet Sinologists”

17:25 Alexei D. Voskressenski. “Chinese Studies in Post-Soviet Russia, its Position on the National Map of Social and Humanitarian Studies and the Future Scenarios”

December 2 - Morning Session

09:30 Zhang Hong. “融入、学习、提升和引领：罗马大学孔院中方教师及其在意大利的工作与事业”

09:55 Olga Lomova. “Italian connection in Czech Sinology”

10:20 Huang Chiung-chiu. “Contextualizing Sinological Training Institutionally: South Vietnam, North Vietnam, and Italy (Culture, Duty, and Curiosity)”

11:05 Roundtable with all the participants (Chair: Shih Chih-yu)



SAPIENZA
UNIVERSITÀ DI ROMA



National
Taiwan
University

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«Глобальное и локальное в мировом пространстве регионов» в рамках VII Всероссийского конгресса политологов

19–21 ноября 2015 года в МГИМО МИД России прошел Всероссийский конгресс политологов, в рамках которого состоялся круглый стол «Глобальное и локальное в мировом пространстве регионов», приуроченный к пятилетию юбилею журнала «Сравнительная политика».

В заседании круглого стола «Глобальное и локальное в мировом пространстве регионов» 20 ноября 2015 г. приняли участие сотрудники МГИМО МИД России, МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН. В качестве ведущего выступил декан Факультета политологии, главный редактор журнала «Сравнительная политика», профессор кафедры востоковедения А.Д. Воскресенский. Круглый стол был посвящен теоретическим и прикладным измерениям мирового тренда регионализации, пространственной организации мира и региональным трансформациям, соотношению идеологии и теории в мировой политике, применению политэкономии международных отношений, критической геополитики, географии и экономики для анализа региональной проблематики, вопросам сценарного прогнозирования глобальных и региональных процессов.



А.Д. Воскресенский в своем вступительном выступлении поставил вопрос о соотношении регионализма и трансрегионализма, глобального, регионального и локального в мировом пространстве. Он отметил, что понятие 'глокальности' обретает новое значение в мировом пространстве регионов, ког-

да глобальное влияет на локальное, а более конкурентная часть локального может быть переведена в плоскость глобального. Он также обрисовал проблематику, освещенную в учебниках «Мировое комплексное регионоведение», «Практика зарубежного регионоведения и мировой политики», «Мировое комплексное регионоведение: введение в специальность», концептуализировавших и систематизировавших пятнадцатилетний опыт разработки предметного поля мирового комплексного регионоведения как субдисциплины науки о международных отношениях. А.Д. Воскресенский также рассказал о журнале «Сравнительная политика», который в этом году отметил пятилетний юбилей. Отдельные номера журнала были посвящены комплексному регионоведению, критической геополитике, а также применению политической географии, критической геополитики и пространственного анализа международных отношений в сфере политического и практического регионоведческого анализа.

Выступление заместителя директора Института востоковедения РАН, профессора кафедры востоковедения МГИМО МИД России В.Я. Белокреницкого было посвящено проблематике пространственной организации мира на примере генезиса и трансформации Южноазиатского региона. Он наглядно показал, каким образом эволюционировало данное региональное пространство на протяжении истории, а также отметил современную тенденцию размывания данного региона, при которой Пакистан все более становится вовлечен в динамику Юго-Западной Азии и Большого Ближнего Востока, а другая региональная держава – Индия – также заинтересована в расширении регионального сотрудничества за пределами узких географических рамок Южной Азии в направлении Большой Восточной Азии, что ведет к размыканию Южной Азии как единой региональной подсистемы.

Заместитель декана Факультета политологии, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России Е.В. Колдунова выступила с докладом о региональном и глобальном измерении нормативной политической культуры. По ее оценке, существует противоречие в том, что доминирующая в мире нормативная полити-



ческая культура является на самом деле региональной версией нормативной политической культуры, но позиционируется как глобальная. Это вызывает негативную реакцию во многих незападных регионах мира, региональные версии нормативной политической культуры которых по некоторым параметрам расходятся с доминирующей версией нормативной культуры. В будущем необходимо двигаться к синергии региональных политических культур и формированию по-настоящему глобальной политической культуры, которая могла бы инкорпорировать приемлемые для всех нормы.

Выступление главного научного сотрудника Высшей школы урбанистики НИУ ВШЭ, доктора культурологии Д.Н. Замятина было посвящено роли места и дискурса в феномене сопостранственности политики. Он отметил, что политика всегда являлось сопостранственной, что подразумевает сосуществование различных дискурсов, имеющих различное цивилизационное происхождение и определяющих параметры осмысления собственного пространства и внешнего пространства. Политика места, которую он определил как политику по поводу определенного места и связанную с каким-либо местом, моделирует определенный политический дискурс, который в свою очередь может влиять на реально проводимую политику.

Заведующий отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН, профессор кафедры политической теории МГИМО МИД России Н.А. Косолапов осветил свое выступление проблеме трансформации политического пространства современности. Он отметил, что в настоящее время мировой порядок переживает этап структурных изменений, в процессе кото-

рых именно политическое пространство как способ социально-территориальной организации мировой системы становится все более значимым. Пространство формируется как из легальных, так и теневых компонентов социального взаимодействия. По его мнению, политическое пространство занято выработкой правил игры, и на одной территории может существовать неограниченное количество пространств, что связано с уровнем развития территории (чем он выше, тем больше количество пространств). В современном глобализирующемся мире происходит процесс взаимопроникновения пространств, выстраиваются их ростки и иерархии.

Заведующая сектором институциональных проблем международных отношений ИМЭМО РАН, профессор кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России М.В. Стрежнева в своем докладе обратила внимание участников круглого стола на проблематику соотношения наднациональности и принципа субсидиарности. Она отметила, что для понимания наднациональности важны не только принцип договоренности между несколькими государствами о проведении совместной политики по определенным вопросам и сам факт делегирования полномочий автономным институтам, но и стадия имплементации принимаемых решений. Европейский союз в этом смысле представляет собой интересный пример, когда определенные полномочия по реализации принятых решений передаются на уровень национальных государств-членов группировки. Важную роль в этом играет закрепленный принцип субсидиарности, который защищает национальный уровень принятия политических решений и суверенитет государств от наднациональных политических институтов. В то же время, М.В. Стрежнева отметила тенденцию трансформации механизма принятия политических решений и политической системы ЕС, которая в настоящее время начинает все больше политизироваться, а проблематика легитимности принимаемых решений начинает приобретать все большее значение.

Выступление заместителя декана Факультета политологии, доцента кафедры срав-

нительной политологии И.Ю. Окунева было посвящено проблематике пространства как новой парадигмы изучения международных отношений и необходимости методологического синтеза как основы формирования неоклассической (посткритической) геополитики. В докладе были очерчены основные направления актуальных исследований в данной области, проводимых в том числе в рамках Клуба геополитических исследований МГИМО.

Доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета М.Л. Лагутина в своем выступлении коснулась процесса глобальной регионализации и образования глобальных регионов. Новое поколение регионализации обусловлено такими факторами, как активное участие негосударственных акторов, развитие открытого регионализма и трансформация интересов государства от национальных к наднациональным. Региональная мультиполярность приобретает следующие характеристики: открытость, транспарентность, мультиакторность, трансграничность, многоуровневость, и одновременно с этим все большую роль приобретают глобальные регионы. По оценке М.Л. Лагутиной, происходит трансформация мировой системы от системы национальных государств к системе регионов.

Профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России К.П. Боришполец поставила вопрос о том, что существуют значительные расхождения при нормативном анализе концепций мягкой силы и ее практическом воплощении: сравнительный анализ практики исполь-

зования мягкой силы в Центральной Азии продемонстрировал существенные различия между государствами региона, где бесспорным лидером по активному продвижению своего образа остается Казахстан. Помимо этого, стремление Казахстана «выйти» за рамки региона и продвигать свои интересы в других регионах мира может привести к размыканию границ ЕАЭС изнутри.

Доклад профессора кафедры востоковедения С.И. Лунева был посвящен оценке позиций Индии как одного из мировых центров силы в современном мире. Проводя анализ различных критериев великой державы, он отметил, что по большинству из них Индию можно отнести к данной категории: в частности, страна занимает 3-е место в мире по ВВП по ППС, она обладает ядерным оружием и имеет современные вооруженные силы. В то же время, несмотря на позитивный имидж на международной арене, Индии во многом до сих пор не хватает международного признания в качестве ведущего игрока.

Подводя итоги дискуссии, А.Д. Воскресенский отметил, что проблематика, поставленная на круглом столе, открывает очень широкое поле для исследований, которые, без сомнения, последуют в будущем.

*А.А. Киреева,
старший преподаватель
Кафедры востоковедения,
координатор магистратуры
«Политика и экономика
регионов мира» по направлению
«Зарубежное регионоведение»*

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ

Серия «Российская политическая наука: истоки и перспективы» / под общей ред. О.В. Гаман-Голутвиной. — М: АСПЕКТ-ПРЕСС, 2015.

В книгах представлены работы ряда видных российских мыслителей, в значительной степени повлиявших на формирование отечественной науки о политике и отражающих важные направления ее развития. Эти произведения дают возможность увидеть специфику российской политической мысли, понять особенности формирования и эволюции отечественной политологии, познакомиться с результатами важных научных изысканий.



Серия предназначена для специалистов в области политологии, международных отношений, других общественных и гуманитарных наук и всех, интересующихся актуальными проблемами современной политики.

В серию вошли следующие книги:

1

Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. — М: АСПЕКТ-ПРЕСС, 2015. — 464 с.

Раздел 1. Теория и методология политической науки

1.1. Политическая теория и политическая философия: 1.1.1. О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России (Гуторов В.А.); 1.1.2. Политическая школа института философии РАН: философия политики и истории политической мысли (Федорова М.М.); 1.2. Политический анализ (Попова О.В.); 1.3. Опыт изучения власти в городских сообществах: российская проекция (Ледаев В.Г.); 1.4. Идентичность как категория политической науки: когнитивный потенциал и исследовательское поле (Фадеева Л.А.)

Раздел 2. Политические институты и процессы

2.1. Институциональные политические исследования (Патрушев С.В., Панов П.В., Семенов А.В., Филиппова Л.Е.); 2.2. Партии и партийные системы (Попова О.В., Шаикова Я.Ю., Коргунок Ю.Г., Исаев Б.А.); 2.3. Политика и религия (Мчедлова М.М., Кудряшова М.С.)

Раздел 3. Публичная политика и управление

3.1. Публичная политика (Сунгуров А.Ю.); 3.2. Политические элиты в фокусе отечественных исследований (Гаман-Голутвина О.В.); 3.3. Публичное управление (Купряшин Г.Л.); 3.4. Муниципальная политика (Туровский Р.Ф.)

Раздел 4. Международные отношения, глобальное и региональное развитие

4.1. Мировая политика (Лебедева М.М.); 4.2. Теория международных отношений в российской науке: путь к национальному самоопределению (Цыганков П.А., Цыганков А.П.); 4.3. Политическая регионалистика в России: на пути к устойчивой научной полноте (Дахин А.В.)

Раздел 5. Субдисциплины политической науки

5.1. Политическая антропология (Крадин Н.Н.); 5.2. Политическая социология (Римский В.Л.); 5.3. Этнополитология: достижения и проблемы (Ачкасов В.А.); 5.4. Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекция (Тимофеева Л.Н.); 5.5. Политическая конфликтология (Тимофеева Л.Н., Глухова А.В.); 5.6. Политическая

лингвистика: 5.6.1. Политическая лингвистика: возможности конвергенции (*Мухарьмов Н.М.*); 5.6.2. Политическая лингвистика в России: как языковеды читают политические тексты (*Гаврилова М.В.*); 5.7. Гендерные политические исследования в России (*Рябова Т.Б., Овчарова О.Г.*)

2

История Российской ассоциации политической науки / Под ред.

С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. – М: АСПЕКТ-ПРЕСС, 2015. – 360 С.

Авторы: *Д.М. Воробьев, О.В. Гаман-Голутвина, Ю.В. Ирхин, А.И. Никитин, С.В. Патрушев, Л. В. Сморгун, А. И. Соловьев, А.Ю. Сунгуров, Л.Е. Филиппова, Е.Б. Шестопал.*

Очерк первый. Истоки: отечественные исследователи и институционализация мировой политической науки

Создание Международной ассоциации политической науки; Вхождение отечественных политологов в МАПН (1955)

Очерк второй. Конституирование общества: САПН

Учреждение Советской ассоциации политических (государствоведческих) наук (1960); Факторы эволюции: политические перемены, МАПН, академические институты, смена поколений и борьба за легализацию политической науки; Московский конгресс МАПН; Формирование научных направлений и школ. Региональные сообщества. Издательская деятельность

Очерк третий. Профессиональная консолидация: РАПН

Институционализация политической науки и самоорганизация профессионального сообщества: создание РАПН (1991); РАПН как общероссийская профессиональная ассоциация (с 1998 года); Исследовательские структуры, проекты и издания РАПН; Международное сотрудничество; Новые направления и перспективы в деятельности РАПН (2010–2015); РАПН как Центр ответственности Министерства образования и науки РФ

Приложение. Интервью

А.А. Галкин; Ф.М. Бурлацкий; Г.Г. Дилигенский; А.М. Салмин

3

История российской политической науки / под ред. Ю.С. Пивоварова, А.И. Соловьева. – М: АСПЕКТ-ПРЕСС, 2015. – 471 С.

Введение. Политическая мысль и политическая наука в России: Сложные переплетения, противоречивые традиции, прогноз будущего (*Ю.С. Пивоваров, А.И. Соловьев*)

XIX ВЕК

Аксаков К.С.; Бакунин М.А.; Градовский А.Д.; Данилевский Н.Я.; Кавелин К.Д.; Карамзин Н.М.; Кистяковский Б.А.; Ковалевский М.М.; Коркунов Н.М.; Леонтьев К.Н.; Муравьев Н.М.; Новгородцев П.И.; Острогорский М.Я.; Пестель П.И.; Самарин Ю.Ф.; Соловьев В.С.; Сперанский М.М.; Струве П.Б.; Чичерин Б.Н.

XX ВЕК

Алексеев Н.Н.; Бердяев Н.А.; Изгоев (Лянде) А.С.; Ильин И.А.; Карсавин Л.П.; Ленин (Ульянов) В.И.; Савицкий П.Н.; Солоневич И.Л.; Сорокин П.А.; Степун (Степун) Ф.А.; Трубецкой Н.С.; Устрялов Н.В.; Федотов Г.П.; Франк С.Л.; Панарин А.С.; Фролов И.Т.; Бурлацкий Ф.М.; Шахназаров Г.Х.

4

Российская политическая наука: идеи, концепции, методы / под ред. Л.В. Сморгун. – М: АСПЕКТ-ПРЕСС, 2015. – 375 С.

Раздел 1. Политическая теория и политика: пограничье взаимности

1.1. Образы времени в обыденном языке и научном мышлении: геометрия темпоральности, волны памяти и сюжеты развития (*Ильин М.В.*); 1.2. Концептуальные основы изучения массовой политики (*Патрушев С.В., Филиппова Л.Е.*); 1.3. Трансформация политического в сетевом пространстве (*Сморгун Л.В.*); 1.4. Методы исследования политического восприятия в российской политической психологии (*Шестопал Е.Б.*)

Раздел 2. Критический дискурс о современном государстве

2.1. Национальное государство в условиях глобализации (*Кочетков А.П.*); 2.2. Государство XXI века: пределы эффективности (*Шабров О.Ф.*); 2.3. Государство как про-

странство принятия решений (*Соловьев А.И.*); 2.4. Конфликт публичных ценностей и политика административной культуры: истоки и перспективы преодоления (*Комаровский В.С.*); 2.5. Государственная политика и управление в сфере избирательного процесса как отрасль государственного управления (*Гришин Н.В.*); 2.6. Об исторической специфике русской власти (*Пивоваров Ю.С.*)

Раздел 3. Реальность в ракурсе символической политики

3.1. Символическая политика: осмысление предметного поля (*Малинова О.Ю.*); 3.2. Политическая культурология и антропология современной символической политики (*Завершинский К.Ф.*); 3.3. Символические партии как культурно-политический феномен: немецкий опыт в российской перспективе (*Поцелуев С.П.*); 3.4. Современный дискурс политики памяти (*Русакова О.Ф., Русаков В.М.*)

Раздел 4. Политическое развитие и публичная политика

4.1. Мировоззренческое кредо инновационной модернизации социума (*Красин Ю.А.*); 4.2. Массовая политика: эффект «эмпваэрмента» (*Айвазова С.Г.*); 4.3. «Кризис демократии» и «зависшие» демократизации (*Мельвиль А.Ю.*); 4.4. Институциональные модели организации власти в полиэтнических обществах: варианты, проблемы и решения (*Панов П.В.*); 4.5. К политической экономии авторитарных режимов: динамическая математическая модель (*Ахременко А.С.*); 4.6. Социальные сети как акторы современной российской публичной политики (*Мирошниченко И.В., Морозова Е.В.*); 4.7. Публичная политика в регионах России: концептуальные основания и инструментальные методы (*Никовская Л.И., Якимец В.Н.*)

5

Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М: АСПЕКТ-ПРЕСС, 2016.

Раздел 1. Политические изменения в глобальном мире: проблемы теории и методологии

1.1. Политические изменения в современном мире (*Семененко И.С.*); 1.2. О политической философии (*Капустин Б.Г.*); 1.3. Международные отношения как антропологический диалог (*Баталов Э.Я.*); 1.4. Конструктивизм в международных отношениях (*Алексеева Т.А.*); 1.5. Политическое измерение сферы международного взаимодействия: вызовы для политической науки (*Воскресенский А.Д.*); 1.6. Политическая динамика: методология прогнозирования (*Лапкин В.В., Пантин В.И.*); 1.7. Понятие глобальных проблем: к методологии анализа (*Богатуров А.Д.*); 1.8. Цивилизационные альтернативы Постсовременности (*Неклес-са А.И.*)

Раздел 2. Современные глобальные и региональные вызовы как фактор структурирования мировой политики и науки о политике

2.1. Трансформация системы международных отношений на рубеже XX и XXI веков (*Барановский В.Г.*); 2.2. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности (*Симония Н.А., Торкунов А.В.*); 2.3. Международные отношения в полицентричном мире и украинский разлом в политике России и Запада на постсоветском пространстве (*Дынкин А.А., Арбатова Н.К.*); 2.4. Государства-нации в системе мировой политики (*Кокошин А.А.*); 2.5. Современные глобальные вызовы (*Лебедева М.М.*); 2.6. Роль великих держав в XXI веке (*Шаклеина Т.А.*); 2.7. Наука и инновации как факторы мирового развития (*Иванова Н.И., Данилин И.В.*); 2.8. В поисках новой нормальности (*Дынкин А.А.*)

Раздел 3. Мир в поисках ответа на глобальные и региональные вызовы

3.1. США и Россия: новый вариант холодной войны? (*Рогов С.М.*); 3.2. Россия, США, ЕС: конкуренция за лидерство (*Громыко А.А.*); 3.3. Старые и новые проблемы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (*Торкунов А.В.*); 3.4. Насильственные конфликты и внешнее вмешательство на Ближнем и Среднем Востоке (ТГРО) (*Наумкин В.В.*); 3.5. Латинская Америка перед новыми глобальными вызовами (*Сударев В.П.*); 3.6. Проблемы Африки в ближайшие десятилетия (*Васильев А.М., Корендясов Е.Н.*);

3.7. Феномен БРИКС как попытка ответа на вызовы глобальной конкуренции (*Гаман-Голутвина О.В.*); 3.8. Международные организации перед лицом современных конфликтов (*Никитин А.И.*)

Раздел 4. Россия в современной глобальной политике

4.1. Российская матрица (*Никонов В.А.*); 4.2. Национальное самосознание как источник мотиваций (*Галкин А.А.*); 4.3. Внешнеполитические ориентации россиян в контексте вызовов современной глобальной политики (*Горшков М.К., Петухов В.В.*); 4.4. Образование как элемент «мягкой силы» России (*Торкунов А.В.*); 4.5. Мониторинговая демократия: мировой опыт и российские реалии (*Перегудов С.П.*)

Бло И. Прямая демократия. Единственный шанс для человечества. (Серия «Демократия XXI века») – М.: Книжный мир, 2015. – 304 с.

Монография члена Национальной Ассамблеи Франции и Европейского парламента Ивана Бло посвящена исследованию институтов прямой демократии в странах Запада. Автор подробно рассматривает сущность и исторический опыт реализации прямой демократии, противопоставляя ее распространенной и ныне «олигархической



демократии». Уходя корнями в античность и средневековье, институты прямой демократии демонстрируют свою эффективность и сегодня в том числе и в странах Европы,

в связи с чем автор подробно останавливается на опыте самоуправления швейцарских кантонов. Объектами сравнительного анализа также стали модели политических систем Германии, Лихтенштейна, Италии и США. Применяя различные подходы и концепции, автор анализирует «разумность» прямой демократии, то есть оценивает реальные возможности и способности рядовых граждан в процессе участия в инициировании и одобрении законопроектов, анализирует проблемы взаимодействия современных институтов демократии и парламентаризма. По мнению автора, современные кризисные тенденции в Европе будут способствовать повышению привлекательности прямой демократии, в том числе и во Франции, политическая система которой сегодня далека от истинной власти народа.

Большой электоральный год в Польше. Аналитический доклад по итогам президентских и парламентских выборов в Республике Польша в 2015 г. / А. Мартынов, А. Крылов, Mateusz Piskorski, Justyna Jarmutowicz. – М.: Международный Институт Новейших Государств, 2015. – 96 с.

В коллективном аналитическом докладе подробно анализируются результаты электорального 2015-го года в Польше. Авторы



указывают на «мягкое перестроение» политической системы Польши, в резуль-

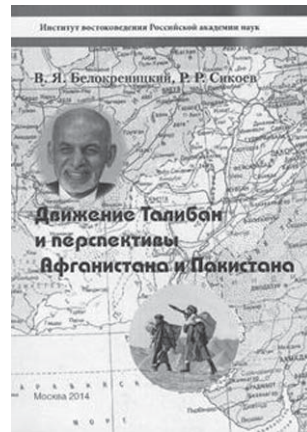
тате которого впервые за последние 25 лет власть сконцентрировалась в руках одной, прежде оппозиционной, партии «Право и справедливость». При этом в исследовании подтверждается тенденция к снижению влияния левых сил в стране, а также формированию фактически двухпартийной системы. К таким выводам авторы приходят по результатам анализа выборов президента Польши в мае 2015 года и Сейма Польши в октябре 2015 года. В монографии подробным образом изучены предвыборные программы партий, выступления кандидатов на пост президента, используемые ими финансовые, информационные и административные ресурсы. На основе анализа социологических опросов и данных избирательных комиссий авторы составили подробные электоральные карты, также опубликованные в настоящем докладе. Новизна исследования заключается и в изучении роли интернета в предвыборной гонке: по мнению авторов, в интернете развернулась отдельная ожесточенная предвыборная компания, оказавшая решающее влияние на исход выборов.

Монография может представлять интерес для исследователей, интересующихся не только внутривосточной ситуацией в Польше, но и технологиями выборов и политическими трансформациями в странах Восточной Европы.

Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. — М: Институт востоковедения РАН, 2014. — 216 с.

Коллективная монография сотрудников Института востоковедения РАН, входящая в серию «Современное государство и традиционное общество. Особенности и механизмы взаимодействия на примере Афганистана и Пакистана», посвящена исследованию современной политической ситуации в двух соседних государствах в свете нарастающей угрозы, исходящей от радикального воинствующего исламизма. В книге подробно исследуется процесс зарождения движения Талибан и его прихода к власти на большей части Афганистана, созданная им политиче-

ская и правовая система, а также идеология. Авторы рассматривают современную историю Афганистана в увязке с политическим развитием его соседа — Пакистана, а также



с участием других внешних глобальных и региональных сил. Работа изобилует множеством исторических примеров, аналогий, качественно новых обоснованных выводов, а в конце авторы предлагают несколько сценариев развития Афганистана и Пакистана в кратко- и среднесрочной перспективе. Уникальным материалом является анализ Конституции Афганистана (текст которой также опубликован авторами в переводе с языка дари) и «Лаихи» — Кодекса поведения муджахедов-талибов.

Исследование может быть интересно всем востоковедам, специалистам по Ближнему и Среднему Востоку, Центральной и Южной Азии, а также студентам-международникам и всем, кто интересуется судьбой и особенностями развития Афганистана и Пакистана.

Ефимова Л.М. Ислам в Юго-Восточной Азии: XXI век: учеб. пособие / Л.М. Ефимова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. востоковедения. — М.: МГИМО-Университет, 2014. — 205 с.

Книга «Ислам в Юго-Восточной Азии. XXI век» представляет собой уникальное исследование роли и места ислама в общественно-политической и эконо-

мической жизни региона Юго-Восточной Азии. По мнению автора, в настоящее время именно данный регион становится наиболее привлекательной мишенью для деятельности экстремистов и сторонни-



ков радикального ислама. Это происходит в виду той огромной исторической роли, которую сыграл ислам в развитии стран

Юго-Восточной Азии. Автор подробно и последовательно раскрывает историко-цивилизационную и демографическую специфику исламизации региона, оценивает роль ислама в этноконфессиональных конфликтах и политическом процессе. Л.М. Ефимова исходит из того, что исламизация в этом регионе приобрела свою специфику: сегодня в среде мусульман активно развиваются процессы демократизации и модернизации политико-правовой и общественно-религиозной сфер. В содержание пособия входит и программа соответствующего курса с подробным изложением его структуры и содержания.

Книга может быть использована как учебное пособие для студентов бакалавриата и магистратуры, аспирантов, преподавателей и всех, занимающиеся исследованиями ислама и Юго-Восточной Азии.

*Д.А. Кузнецов,
аспирант МГИМО МИД России*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При направлении материалов в журнал просим Вас соблюдать следующие требования.

Редакционный совет и редакция журнала рассматривают авторские рукописи оригинального характера, содержащие результаты соответствующих профилю журнала исследований, не публиковавшиеся ранее и не принятые к публикации другими журналами. К публикации принимаются статьи (20000–75000 печатных знаков со всеми сносками и пробелами), рецензии на недавно вышедшие научные издания (до 25000 знаков), а также заметки о важнейших событиях в мире политической науки (до 15000 знаков). Рукописи должны быть отредактированы и соответствовать научному стилю речи.

Материалы необходимо присылать на сайт www.comparativepolitics.org с обязательной регистрацией на сайте и копией на электронную почту sravnitpolit@mail.ru, или представить в редакцию на электронном носителе (119454, Москва, пр-т Вернадского 76, МГИМО МИД России).

Внимание! В редакционный цикл включаются рукописи, соответствующие всем требованиям к содержанию и комплектности:

Правила оформления статьи:

- формат doc, docx; А4, интервал – 1,5;
- размер шрифта – 14;
- ссылки постраничные: шрифт – 12, интервал – 1;
- поля: слева – 3 см, сверху, справа и снизу – 2 см;
- все таблицы, графики, схемы, рисунки должны редактироваться в Microsoft Word, быть пронумерованы, озаглавлены и иметь ссылки в тексте;

Комплектность статьи:

- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами (должно быть коротким, отражать суть исследовательской проблемы);

- инициалы и фамилия автора(ов);
- резюме статьи на русском языке (200-250 слов);
- ключевые слова (7-12 слов на русском языке);
- основной текст статьи;
- информация об авторе (ФИО полностью, научные звания, должность, место работы (с указанием почтового адреса), научная специализация, e-mail);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя фамилия (английская транскрипция);
- abstract (резюме на английском языке, 200-250 слов);
- key words (7-12 слов на английском языке);
- about the author (на английском языке: ФИО, научные звания, должность, место работы и почтовый адрес, научная специализация, e-mail);
- иные материалы – по согласованию с редакцией.

В редакцию необходимо направлять два файла статьи – один, содержащий всю информацию об авторе (см. выше), один – без идентификации автора для анонимного рецензирования экспертами в данной области.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации, поскольку она проходит этап рецензирования и редактирования. Редакция оставляет за собой право на редактирование и сокращение материалов.

Правила оформления ссылок:

Библиографические данные литературы в сносках оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 и ГОСТ 7.82.

Русскоязычная литература обязательно должна быть транслитерирована латиницей с переводом названия на английский язык. Например: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной

Азии после второй мировой войны (1945-1995) / А.Д. Богатуров. – М.: Конверт-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945-1995) (Great Powers on the Pacific Ocean. History and theory of international relations in East Asia after World War II (1945-1995)). – Moscow: Konvert-MONF, 1997. 353 p.].

Транслитерировать можно автоматически с помощью сайта translit.ru; режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress).

Статьи аспирантов принимаются при наличии рецензии или рекомендации соответствующих кафедр вузов, отделов, секторов научно-исследовательских учреждений либо научного руководителя.

При несоблюдении перечисленных требований присланные материалы не рассматриваются.

GUIDE FOR AUTHORS

Submissions should comply with the following requirements.

Editorial Board and Editorial Council consider original research works from all subfields of political science on the strict condition that they have not been published yet or accepted for publication in other journals. The journal publishes different types of manuscripts: a) articles (20000–75000 typographical units including footnotes and whitespaces); b) book reviews (up to 25000 typographical units); c) notes on significant events in political science (up to 15000 typographical units). Manuscripts must be properly edited and written in an academic style.

Works must be submitted to the journal's website www.comparativepolitics.org with e-mail copy ([sravitpolit@mail.ru](mailto:sravnitpolit@mail.ru)), or delivered to the Editorial office in hard and electronic copies (76, Prospect Vernadskogo, MGIMO-University, Moscow, 119454, Russia).

Working with your texts, please, proceed from the following format parameters:

– doc, .docx; A-4 format, interval – 1,5;

– font size – 14;

– footnotes: font size – 12, interval – 1;

– margins: left – 3 см, upper, lower and right – 2 см;

– tables, charts, diagrams, pictures should be edited in Microsoft Word, have numbers, titles and references in the text.

Please, verify the compliance of materials with the following structure of an article:

– Title in English in capital letters (should be short and reflect the research problem);

– Surname and author(s) initials;

– Abstract (in English, 200-250 words);

– Key words (in English, 7-12 words);

– Main body of the text;

– About the author (in English) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);

– Title in Russian in capital letters;

– Surname and author(s) initials (Russian transcription);

– Abstract (in Russian, 200-250 words);

– Key words (in Russian, 7-12 words);

– About the author (in Russian) (name, surname, academic ranks, position, institution/affiliation and its address, research field, e-mail);

– Other materials – by agreement with the Editorial office.

Please, send two files of an article – one containing an article and information about the authors, another – without information about the authors for anonymous peer reviewing by experts in a respective field.

Accepting an article the Editorial Board and Council reserve the right to edit and to reduce a text as well as to soundly reject publishing after peer reviewing and editing.

Footnotes requirements:

Footnotes in Russian should follow Russian national standards ГОСТ (GOST) 7.1 and ГОСТ (GOST) 7.82, in English – “Scopus” journals requirements. Russian titles of articles and books are transliterated in latin letters and translated into English. For example: Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй

мировой войны (1945–1995) / А.Д. Богатuroв. – М.: Конверт-МОНФ, 1997 – 353 с. [Bogaturov A.D. Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriia i teoriia mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle vtoroi mirovoi voiny (1945-1995) (Great Powers on the Pacific Ocean. History and theory of international relations in East Asia after World War II (1945-1995)). – Moscow: Konvert-MONF, 1997. 353 p.].

One can transliterate automatically using www.translit.ru website and choosing «LC» (Library of Congress) transliteration regime.

Articles of PhD students are accepted with recommendation letter from their university, departments and sections of research institutions or academic advisor.

Submissions which violate these requirements will be rejected.

Связь с авторами осуществляется через редакцию.

Контактная информация:

e-mail: sravnitpolit@mail.ru, avtor@ibb.ru

Мнения и оценки, содержащиеся в публикуемых материалах, могут не совпадать с позицией редакционной коллегии журнала.

